

*Посвящается
землякам – ряженцам,
матвеево-курганцам
и таганрожцам*

Пётр Богомаз

МИУССКАЯ СТАРИНА

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Таганрог 2008 г.

Об авторе

Богомаз Пётр Денисович родился 5 сентября 1927 года в селе Ряженое Матвеево-Курганского района Ростовской области, где прошло его детство и где познал он ужасы полуторагодичной фронтовой жизни. С 1944 года работал сварщиком в Паровозном депо станции Таганрог, затем окончил Таганрогский авиационный техникум и Московский авиационный институт, работал инженером, начальником конструкторской бригады на Таганрогском авиационном заводе. Имеет правительственные награды. Проживает в г. Таганроге. Женат, имеет двух сыновей, внука и трех правнуков. С родным селом никогда не порывал, а любовь к истории края нашла отражение в очерках, публиковавшихся в газетах.

Для справки

Книга «Миусская старина» является, по существу, вторым изданием книги «На Земле Миусской». В неё включены все очерки первого издания о событиях и людях, в основном XIX и начала XX столетий, рассказывающие об известных деятелях: атаманах Войска Донского, помещиках, революционерах, и мало известных: крестьянах, мастеровых, представителях интеллигенции, проживавших в Примиусье. Очерки переработаны и дополнены. Во второе издание вошли и новые очерки. По-прежнему особый акцент сделан на связь Таганрога со своими пригородными сёлами: Ряженым, Матвеево-Курганом, Покровским и рядом хуторов (в том числе уже исчезнувших).

В книге 14 цветных и 17 черно-белых иллюстраций.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приазовье, Нижний Дон и Миусская земля, или Примиусье, в истории нашей страны сыграли весьма заметную роль. Освоение этих мест началось в глубокой древности: в течение многих веков, сменяя друг друга, кочевые племена занимали южные земли России. После них остались только немые свидетели величия некогда могущественных вождей - часто встречающиеся в Подонье, Примиусье и Приднепровье курганы, - места их погребения на высоких хребтах водораздела.

Наиболее известны окутанные легендами крупнейшие из курганов, называемые "могилами", которые встречаются по обоим берегам реки Миус. На левом берегу близ села Ряженого находится так называемая "Острая Могила", а на правом - повыше "Страшной" балки - высится "могила", именуемая в военных источниках как "Высота 101". В верховьях Миуса находится самый большой на юге курган - "Саур-Могила". Высота этого кургана над уровнем моря превышает 277 метров.

Безраздельное хозяйничанье кочевников на просторах Приазовья и Примиусья, как его части, после многочисленных ожесточённых столкновений друг с другом их различных группировок, в древние времена на какой-то период прервалось возникновением и развитием античных колоний: сначала греческих, а затем сменивших их римских. Позже на этих степных землях разворачиваются полные драматизма события борьбы северных славян с восточными кочевниками, воплотившейся в более позднее время в противостояние русских княжеств с татаро-монголами.

Примиусье ещё долго не имело оседлых жителей, было заброшенным краем, не даром прозванным "Диким полем". В средние века сюда вторглись турки, навязав будущей России длительную борьбу за возвращение доступа к морю. Территория от Кальмиуса до Миуса формально была пограничной между Запорожскими и Донскими казаками, чем-то вроде нейтральной зоны, буфера между ними, турками и крымскими татарами.

Недаром, народный герой атаман Кондратий Булавин, поднявший на Дону восстание и потерпевший первое поражение в октябре 1707 года на реке Айдар, некоторое время скрывался в Миусских степях. Сюда же он возвращался ещё раз в феврале 1708 года уже с большим войском (около 9 тысяч запорожских и донских казаков) и стоял станом в урочище Воронково на Кальмиусе.

Миусская земля вошла и в легенды о другом народном герое - Степане Разине. Старинная площадь в Москве названа Миусской якобы по имени его сподвижника Миуски, казнённого на этой площади. Миуска - прозвище беглого с Миуса мужика, примкнувшего к отряду восставших.

После ряда неудачных войн за выход к Южным морям Россия в 1774 году, наконец, одержала победу в противостоянии с турками, и Приазовье вместе с Миусскими землями навсегда вошло в состав России. Только после этого в конце XVIII века здесь появляются селения оседлых жителей: переселённые Императрицей Екатериной II малороссы (украинцы) образуют "слободы", а греки, албанцы, русские - "роты". Началось бурное заселение прежде дикого края.

В рамках целенаправленных мероприятий по освоению края Правительство Екатерины II не только переселяло крестьян на новые земли, но и щедро награждало землёй за военные заслуги офицеров, в том числе из Донских казаков, одновременно жалую им дворянское звание. Так, земли по Миусу были отданы в разное время, в частности, Денисову, Платову, Иловайскому, Кутейникову и другим. Многие населённые пункты и сейчас носят названия, связанные с такими первоначальными владельцами.

Вслед за этим на землях Примиусья появляются помещики, получавшие в качестве дач многие десятины земли вместе с крестьянами, становившимися, как следствие, крепостными. В XIX веке Примиусье становится ареной крестьянских волнений, нередко выливавшихся в целые восстания. После отмены крепостного права земли бывшего "Дикого поля" покрываются сетью хуторов, которые быстро развиваются, а некоторые весьма обогащаются.

История Примиусья неразрывно связана с историей города Таганрога, 300-летие которого отмечалось в сентябре 1998 г. Таганрог был как-бы неофициальной

столицей края. Недаром между Таганрогским градоначальством и руководством Области Войска Донского долго шла негласная война за влияние в окрестных сёлах.

Первая мировая война и последовавшая за ней Гражданская принесли на Миус большое разорение. И не успели люди оправиться от него, как грянула Отечественная. Сёлам Примиусья суждено было надолго стать прифронтовыми. Немцы рассчитывали установить восточную границу "Третьего рейха" по Миусу, поэтому свой "Миус-фронт" они считали неприступным и оказали яростное сопротивление наступавшим советским войскам.

Мирное послевоенное время вернуло крестьян на заждавшуюся хозяина землю. Колхозы постепенно возрождались, крепили, люди обживались. Появились в сёлах свои квалифицированные кадры, зарождалась сельская интеллигенция.

Всё это нашло своё отражение в данных очерках. Особое место в сборнике занимает очерк о последней войне. Он не является ни документированной хроникой, ни составленным по воспоминаниям очевидцев рассказом. Скорее, он написан в виде дневниковых записей молодого человека, пережившего войну. О Миусе, о Ряжене и Матвеевом Кургане нельзя говорить, не упоминая Отечественную войну. Слишком глубокий рубец она оставила в судьбе и облике миусских сёл и хуторов.

В очерках мною были использованы материалы, хранящиеся в Таганрогском краеведческом музее, в Таганрогской публичной библиотеке им. А. П. Чехова, Таганрогском филиале "Спецпроектреставрации". Кроме того, я воспользовался многими материалами из Донской государственной публичной библиотеки (города Ростова-на-Дону), а также рядом изданий, хранящихся в частных собраниях. Сотрудникам указанных учреждений и владельцам ценных источников выражаю сердечную благодарность. Особое спасибо научному сотруднику отдела фондов Таганрогского краеведческого музея Елене Григорьевне Покатиловой за большую помощь в подборе материалов.

ВЕХИ ПРИМИУСЬЯ

Приазовский край вместе с Примиусьем – это край древних кочевников, воинственных племён амазонок, греческих и итальянских колонистов и абorigенов – наших предков славян – русичей.

Северо-западное побережье Азовского моря – это уникальные исторические места. Заглянем в глубь веков.

На древних картах увидим скифское название нашего моря – Тамаринда, греческое и римское – Меотида, а арабы называли его Русским морем. Откуда в те времена название «Русское»? Тогда ведь русы, потомки восточных славян, жили в среднем течении Днепра, на севере (Киев, Новгород, Ярославль и другие места). Оказывается, всё очень просто. Сколько ни было греческих и итальянских колоний на побережье древней Меотиды, сколько ни опустошали кочевники Южные земли, а местное население – рыбаки и охотники, были племенем Русским.

Правда, до появления этого племени здесь кочевали и другие народы, но уже в первых веках нашей эры побережье было заселено россоланами, предками русских славян. Дело в том, что наряду с Киевской (исторической) Русью существовала Приазовская (доисторическая) Русь. Их связывал водный путь, проходивший по Днепру, его притоку реке Самаре, по притоку последней – реке Волчья Вода. Дальше торговцы тащили свои лёгкие, но прочные лодки волоком до

Кальмиуса или Миуса и уже затем спускались снова водою к Меотийскому (Азовскому) морю.

Побережье от Перекопского перешейка до Миусского лимана называлось Лукоморьем. Из Лукоморья торговый путь пролегал через мелководный залив в Тмутараканскую Русь (устье реки Кубань, нынешний Таманский полуостров). Меотийское море стало называться Азовским, предполагают, по имени германских богов – Азов (ударение – на 1-й слог). В эпоху Великого переселения (III в. н.э.) непродолжительное время побережье Меотийского моря было под властью германских племён готов. Готов, как известно, буквально смели орды гуннов, пришедших с Востока. Существует миф, якобы гунны произошли от ведьм и болотных духов, – так они были безобразны. Гуннов сменили чёрные болгары, часть которых затем ушла на Волгу, а другая часть – на Дунай, где они живут и сейчас.

Местное население – «русы» – продолжает жить оседло, рыбачить и заниматься земледелием. Приблизительно на месте нынешнего Таганрога существовала в то время и итальянская колония Порто-Пизано, представлявшая рыбацье поселение русских людей.

Появлялись и исчезали кочевники, появлялись в той или другой долине реки оседлые племена, но ещё долго жизнь в Примиусье зависела от набегов то южных воинственных кочевников, то более оседлых, но не менее воинственных, крымских татар, то совсем оседлых, но вынужденных защищаться от кочевых степняков, северных русичей.

Побережье Азовского моря в 1475 году после татарских орд захватил вассал турецкого султана – Крымский хан. Среднее Примиусье в это время было границей между тремя обособленными землями со своими вождями, бытом, культурой: турки и татары – со стороны Азовского моря до реки Каменка, донские казаки – со стороны Дона, и запорожские казаки – со стороны Днепра. Эти три силы и оказали основное влияние на жизнь в Примиусье, то защищая его земли, то разоряя их.

Предание гласит, что и название реки Миус возникло, якобы, от слов запорожского казака, сказавшего, что "ця ричка вьется, як мий ус".

Набег кочевников (с карт. худ. Зубарева).

Можно только представить этого казака, въехавшего на взмыленном коне на крутой холм нынешней ряженской Михайловки, откуда перед его взором предстала широкая голубая лента, извивающаяся между густыми пойменными лесами. Он был очарован увиденным и, обращаясь к подъезжавшим товарищам, произнёс ставшие пророческими слова.

Предание – преданием, но это только легенда. Название реки известно давно и, очевидно, относится к монгольскому периоду. В слове «Миус» можно выделить два элемента: «ми» и «ус». «Ми» - близко по звучанию тюркскому «мин» - «тысяча», - в географических названиях обычно употребляется в смысле «много». Монгольское «ус» - «вода, река» - часто встречается в названиях рек Юга Сибири и на территории Приазовья. Таким образом, «ми-ус» - это «Большая Вода, или Река».

Донские казаки в Примиусье организовывали дозорные посты, некоторые из них позже превращались в постоянные крепости. Ещё в 1673 году на горе близ Матвеева Кургана была заложена мощная крепость, которая защищала земли донских казаков от набегов крымских татар. Через эту крепость казаки возвращались в Черкасск из дальних походов. Здесь же при впадении реки Крынки в Миус в 1674 году казаки разгромили сильное войско татарского хана.

Из соседних запорожских земель на Миус, на свободные земли, стекались беглые крестьяне, которые селились обособленно и стали впоследствии основой местного населения. Его украинское происхождение можно проследить по фамилиям, распространённым в Примиусье. В Ряжене, например, из восьми десятков нынешних фамилий более пятидесяти имеют в своём составе

украинский формант - "-енко". Это фамилии Андриенко, Иващенко, Вахненко, Поляниченко, Горбатенко, Богданенко, Химченко и другие.

У донских казаков, как и у запорожских, в XVII веке существовала "полная демократия" - прежде всего избрание атаманов всех уровней и решение всяких военных и бытовых вопросов на станичных кругах (собраниях). Казаки гордились своей "вольностью". Дон величали не иначе как "вольный"; беглых они не выдавали и говорили, что "с Дону выдачи нет".

После петровских походов на Азов в 1695 - 1696 годах началась эпоха изгнания турок и татар и оттеснение донских казаков от моря. В 1700 году между Турцией и Россией был заключён мирный договор, по которому было определено "...Азову со всеми старыми и новыми городками быть в державе Царского величества. Землям между Перекопом и Миусом, также между Запорожскою Сечью и Очаковым, быть в пусте; к Азову с кубанской стороны отделить земли на 10 часов конной езды..."

С этого времени самостоятельность Войска Донского была почти потеряна, началось его слияние с государством в политическом смысле. Теперь центр стал заселять крепостными Миусские и Донские земли. Атаманов теперь назначает царь по представлению военного комитета. Уже в 1698 году был издан указ о государственном сыске беглых на Дону. Девиз "с Дону выдачи нет" потерял своё значение. Казаки почувствовали "тяжёлую" руку Петра. Он не доверял донским казакам и только во времена крайней нужды приглашал на защиту городов. Царь писал Шереметеву: "Сам ведаешь, какие люди казаки и татары".

Булавинский бунт 1708 - 09 годов укрепил Петра в своём опасении. Примиусье, в том числе и благодаря казакам, вопреки указу царя не стало "в пусте". Его плодородные земли привлекали не только беглых крестьян, но и казачью верхушку. После 1712 года в результате ряда неудачных российских войн на западе и юге страны Приазовье вновь отошло к Турции, был разрушен Таганрог, а Примиусье снова стало пограничьем между турками и казаками. Граница часто менялась в зависимости от военных успехов или неудач.

В 1737 году побережье Азовского моря (кроме Таганрога и Азова) было передано казакам. Граница теперь проходила по реке Кальмиус. В 1746 году эта передача оформлена указом Елизаветы Петровны с указанием границы именно по Кальмиусу, а 30 апреля 1764 года - указом Сената.

Сразу после войны 1768-74 г.г. академик С.-Петербургской Академии наук, врач, естествоиспытатель Гильденштедт И.А. предпринял путешествие на лошадях в южную Россию. Он проехал вдоль реки Миус через разрушенный по требованию турок и возрождающийся по приказу Екатерины Великой Таганрог в Ростов-на-Дону. Свое путешествие он описал в дневниках, хранящихся в архивах ЗООИД (Записи Одесского общества истории древностей). Вот некоторые выдержки из этих дневников.

Селения по Миусу состоят из плетневых хат, обмазанных глиной и кое-как покрытых соломой, т. к. леса до устья Крынки почти нет... До войны (1768-74 г.г.) у запорожцев по Миусу были даже хутора, но после того, как татары из Крыма кинулись опустошать окрестности Бахмута, запорожцы хутора оставили."

По указу сената граница между донскими и запорожскими казаками проходила по Кальмиусу, но фактически донских казаков по правому берегу Миуса почти не было. И Гильденштедт в своем дневнике пишет: "...запорожцы за плату овцами позволяли крымским татарам перегонять овец через свои земли за Кальмиус и пасти их между Кальмиусом и Самбеком. А это пространство по мирному договору 1700 года принадлежало России."

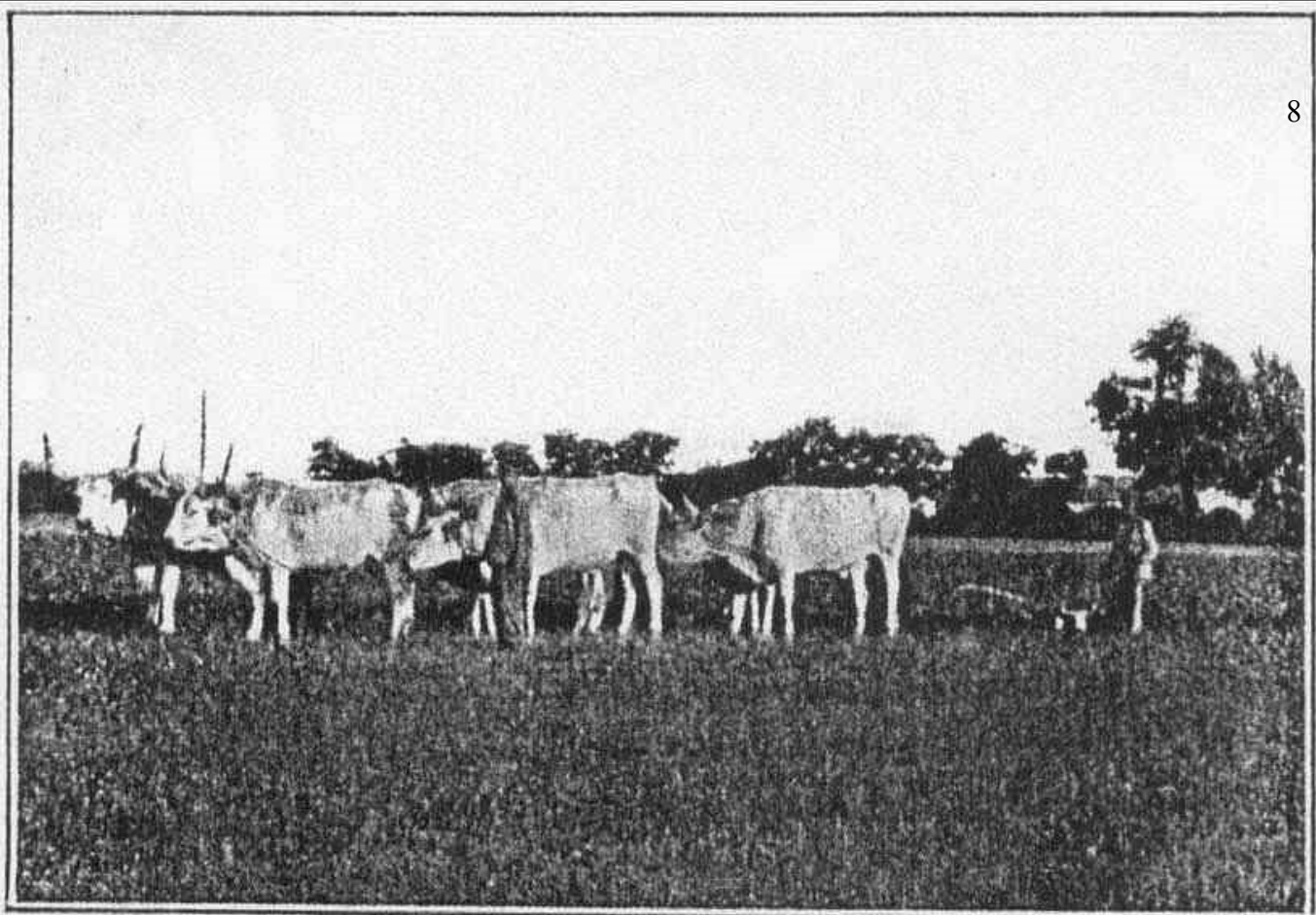
Описывая быт крестьян, академик указывает, что "малороссияне пахут большим плугом, похожим на грузинский (до четырех пар волов), а казаки в "ротах" - русскою сохою. Молотят цепями, весной поля выжигают, но не унавоживают. За возделывание винограда и фруктовых садов еще не принимались; рыбы в Миусе очень мало... Крестьяне возят на базар в Таганрог ржаную муку и продают ее по полтора рубля за куль, дрова - по 6 рублей за сажень, а покупают азовскую рыбу (азовскую сулу) по 5 рублей за тысячу, водку - по полтора рубля за ведро, соль - по 15 копеек за пуд."

Июль 1762 года для Примиусья стал историческим. События в столице всегда сказывались на периферии, но дворцовый переворот, приведший с помощью штыков, в том числе и донских, на трон Екатерину II, стал поворотным пунктом для этой многострадальной земли. Казачьи офицеры Иван Платов - отец будущего знаменитого атамана Матвея Платова, Дмитрий Иловайский, Карп Денисов - отец не менее знаменитого атамана Андриана Денисова, С. Сулин, войсковой дьяк (писарь) Иван Яков и другие возглавили "поход на Петергоф", чем помогли Екатерине II низложить своего мужа Петра III.

Одержав в 1769 году очередную и окончательную победу над турками, новая императрица поручает адмиралу Сенявину заняться восстановлением ранее разрушенного Таганрога, особенно его порта: справлялась, можно ли сплавлять лес по Миусу до Таганрога и есть ли лес, годный для кораблестроения, по течению Миуса.

Екатерина II, как известно, любила переписываться с западными монархами, а также со многими философами-просветителями. Так, раздумывая иногда о значении южного порта и вообще южных земель, Екатерина написала Вольтеру, что Пётр Великий долго не мог решить, кому отдать предпочтение - Таганрогу или Петербургу. Она знала, что Петру в окончательном решении помогли неудачи в войне с Турцией. Выбор был сделан, и столицей России стал Петербург. Теперь ей оставалось только укрепить завоевания Петра и своё положение.

Екатерина после с лихвой отблагодарила своих прислужников-казаков, раздав им лучшие земли по Миусу в потомственное владение. Крестьяне Примиусья становились крепостными новых хозяев - элиты казачества. Так, упомянутый выше Иван Платов оставил в наследство своему сыну Матвею более 500 крепостных душ, основал на подаренной ему земле два хутора: один в верховьях реки Крепкая, второй на балке Ольховой при реке Миус. Карп Денисов получил земли в районе реки Каменки и поселился впоследствии у села Ряженое, а Иловайский занял земли у нынешнего Матвеева Кургана.

Пахота на волахъ въ Малороссіи.

В списках 4-й ревизии уже упоминаются постоянные селения по Миусу. Так, в книге "Материалы для историко-статистического описания Екатериновской епархии", изданной в 1880 году, по свидетельству Л. Дегтярёвой, заведующей Матвеево-Курганским райархивом, рассказывается, что "...Урочище Ряженое, на пространстве 3300 десятин околичной земли, около 1776 года, получил в ранговую дачу Кругс-комиссар Коваленский и осадил здесь село Ряженое...". А жил он в Таганроге и по берегу Азовского моря около города в 1781 году получил ещё 30 десятин земли.

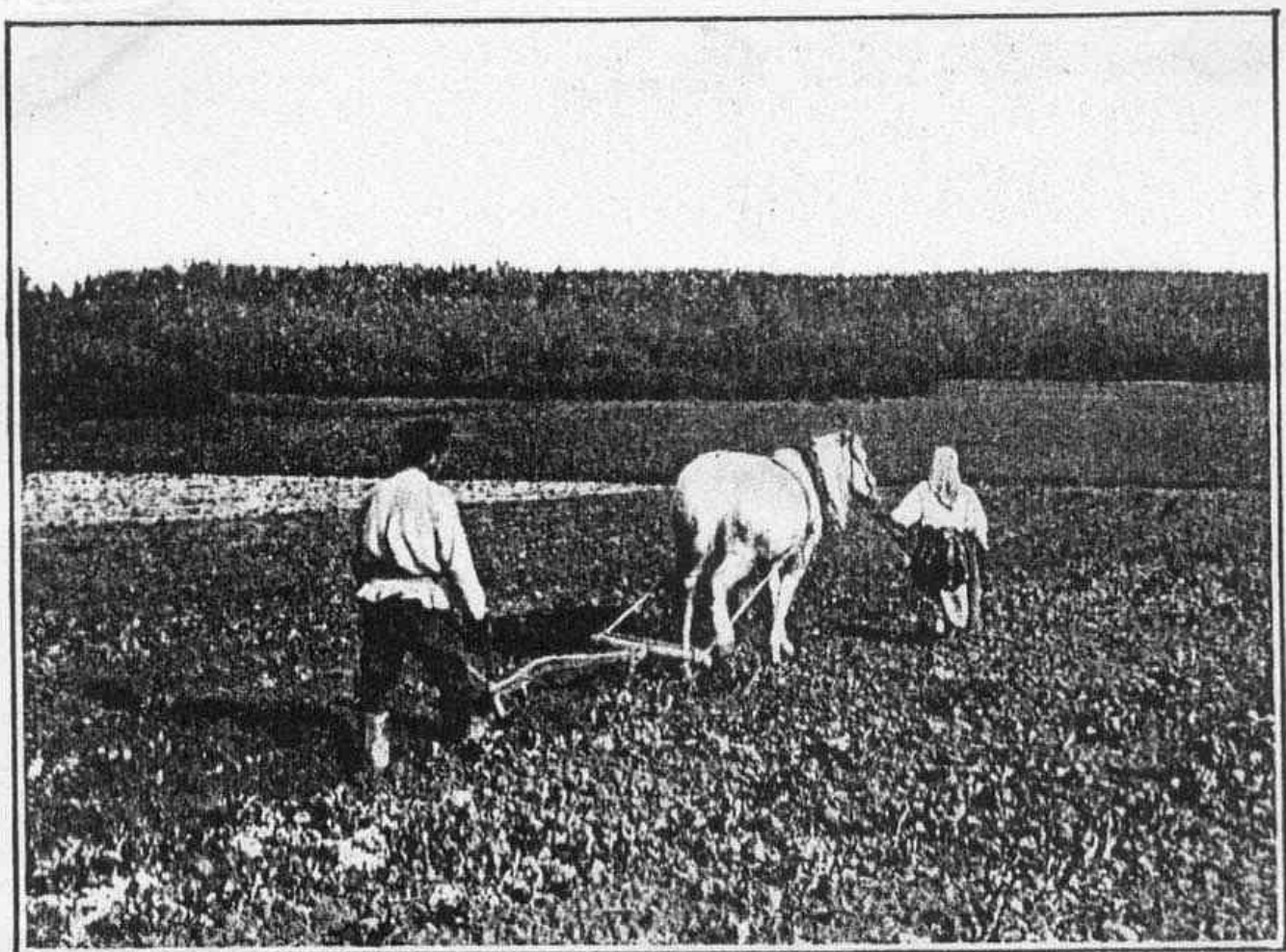
Известно, что поселения крестьян назывались слободами, деревнями и сёлами. Слобода происходит от слова "свобода", т. е. поселение свободных, не принадлежащих никакому помещику, крестьян. На Руси слободами называли либо пригородные посёлки, либо большие поселения, в которых было более одной церкви. На Миусе слободами являлись Покровское, Троицкое, Николаевка - поселения крестьян государственных.

Деревня или село - это поселения крестьян, зависимых от помещика; они были меньших размеров, в них находилась только одна церковь. Большинство миусских поселений являлись именно таковыми.

Станица - вначале как дозорный пункт, затем - поселение казачьих отрядов при дозоре, ещё позже превратилось в поселение семей казаков, станичную общину. Более крупные казачьи поселения становились казачьими городками. В одном городке могло быть две или три общины (станицы). Станичное правление состояло впоследствии из станичного атамана, двух его помощников, трёх судей и

одного казначея. На Миусе была только одна казачья станица - Ново-Николаевская.

В основном все сёла в Примиусье назывались по именам их основателей, т. е. по помещикам, которым принадлежали местные крестьяне. Однако Ряженое сохранило своё древнее название, которое не связано с его "основателем" Коваленским. Существует несколько версий происхождения этого названия. Две из них заслуживают особого внимания.

**Шахота плугомъ на лошади въ Великороссіи.
По фот. г. Малиновскаго.**

Согласно первой версии "Ряженое" происходит от слова "рядиться" - "наряжаться". Люди, поселившиеся издавна у впадения реки Каменка в Миус, занимались охотой, рыбной ловлей и разбоем на дальних дорогах. Легенда гласит, что они наряжались специально в устрашающие одежды (часто из шкур животных) и нападали на купеческие обозы, грабили их. Недалеко от Ряженого проходила (да и сейчас проходит) дорога из Бахмута к Азовскому морю.

Эту дорогу называли шляхом (как любую дорогу), но с уточнением "Воровской шлях", а людей, грабивших купцов, - "ряжеными". Так, якобы, и укоренилось название всего Миусского урочища "Ряженое", а затем - расположенного там села.

Вторая версия гласит, что люди, жившие в этом урочище, как-то обсуждая на своей сходке некий бытовой, но принципиальный вопрос, разделились во мнениях на две части. Долго они судились, рядились и пришли к выводу, что

вместе им жить уже тесно. Тогда одна часть, получившая впоследствии название "суженая", ушла ближе к морю и обосновала там село "Суженое", существующее и поныне. Другая часть осталась на месте и стала называться "ряженная".

Так или иначе, но название Ряженое сохранилось навсегда и не менялось в зависимости от принадлежности помещикам. Кстати, вначале это село размещалось по обе стороны Миуса. Очевидно, зимы были тогда малоснежные, и полые воды не мешали ветхим хатам находиться на низких местах. Но позже, когда весенние воды стали затоплять целые улицы по правому берегу реки, жители начали переселяться на более высокие места. Так появился целый поселок, впоследствии названный Новоселовкой. В отличие от Ряженого, в названиях сёл и деревень на Миусе поныне встречаются фамилии Янова, Иловайского, Кутейникова, Миллера, Кульбакова, Грекова, Денисова. О некоторых из этих родов расскажем подробнее.

Миллеры - казаки германского происхождения. Первым в России был Миллер Абрам Егорович, приглашённый Пётром I из Кёнигсберга в качестве инструктора артиллерии, который затем участвовал во взятии Азова в 1696 году. Его сын - Иван Абрамович - был лейб-медиком Великой Княгини Елизаветы Петровны; впоследствии она назначила его лекарем Войска Донского в Черкасске. Затем он получил землю и основал посёлок Миллерово-Тузловский и город Миллерово. Во второй половине XVIII века Миллеры приобрели земли в Азовской губернии и разделились на две ветви - Донецкие и Миусские. Миусские основали село Миллерово-Тузловское и посёлки Миллерово-Каменский и Миллерово-Федосеевский на реке Кальмиус.

Сыновья Ивана Абрамовича - Иван Иванович и Фёдор Иванович - были офицерами. Фёдор в своё время руководил постройкой Новочеркаска. Его сын - Александр Фёдорович - командовал полком, а с 1847 года жил в имении Миллерово-Тузловском около 25 лет, был дворянским депутатом Миусского начальства, учреждённого в слободе Больше-Кирсановой в 1801 году.

Подобные сыскные начальства были первоначальной формой окружных правлений, сыскной начальник впоследствии становился окружным атаманом.

Денисовы - казаки очень древнего рода. В 1874 году в журнале "Русская старина" были напечатаны "Записки Донского атамана" Андриана Карповича Денисова. В этих записках Андриан Карпович приводит свою родословную, рассказывая, что его прадед Денис Ильин в поединке сразил татарского богатыря, за что получил почётное наименование Денис-Батыр, а дед Пётр получил фамилию от Дениса-Батыра и стал называться Денисовым. Так и появилась на Дону фамилия Денисовы. Отец Андриана - Карп Петрович - уже упоминавшийся в связи с дворцовым переворотом 1762 г., дослужился до генерала. Вместе со своим братом Фёдором Петровичем он участвовал в ряде войн. Фёдор Петрович был войсковым атаманом, получил титул графа. По материнской линии Денисов упоминает в записках среди предков дочь Степана Разина. Жена Андриана Карповича была дочерью казачьего чиновника Персидского.

На долю самого Андриана Карповича выпала трудная, драматическая и даже трагическая, но вместе с тем и почётная, жизнь воина-героя, организатора и руководителя земли донских казаков, опального атамана и уважаемого гражданина.

Родился Андриан Карпович в 1763 году в станице Пятиизбянской. Хотя он и происходил из ордынских казаков, но был блондином. В 12 лет он был формально зачислен в полк своего дяди казачьего офицера Денисова. В 19 лет он получил первый офицерский чин и был направлен в полк, воевавший против Польши. В 1789 за бои против турок получил чин премьер-майора, а в 1790 году был

награждён орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Во время войны с Польшей был ранен саблей в руку и шею, получил "Золотое оружие". В ходе второй русско-турецкой войны он участвовал во взятии Очакова и в штурме Измаила, также принимал участие в войне с Польшей 1792-94 годов во время похода против восставших поляков, руководимых легендарным Тадеушем Костюшко. Именно Денисову со своими казаками удалось разгромить и пленить Костюшко. В рамках итальянского похода 1799 г. Денисов участвовал во взятии Милана и Турина, в знаменитом переходе через Альпы под руководством Суворова.

В 1801 году Павел I, вынашивая планы похода в Индию, приказал донскому атаману В. В. Орлову во главе большого отряда из сорока полков двинуться через Уральские степи на восток. В этом походе помощниками Орлова были М. И. Платов и А. К. Денисов. Но вскоре Павел I был устранён с участием сына Александра, и его индийская затея была отменена. Казаки вернулись на Дон.

В военных событиях 1807 года полк Денисова участвовал в сражениях с наполеоновскими войсками под Гутштадтом и Гейльсбургом. После Денисов возвратился на Дон, где вскоре был назначен на пост наказного атамана. При нём в 1807 году было осуществлено перенесение столицы Донских казаков из Черкаска во вновь отстроенный Новочеркасск.

ПЛАТОВ МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ

Граф, генерал-лейтенант

Копия с портрета худ. Д. Доу.

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Родился 8 августа 1753г. в станице Прибылянской г. Черкаска. Герой русско-турецких войн эпохи Екатерины II, а при Павле I был уволен со службы и более трех лет просидел в Петропавловской крепости. Затем был помилован и в 1801г. назначен Войсковым атаманом. В 1805 году основал г. Новочеркасск, в 1812 году за заслуги перед Отечеством был введен в графское достоинство. Последние годы жил в имении своей (второй) жены, вдовы полковника Павла Фомича Кирсанова (основателя поселка Больше-Кирсановка М.-Курганского района).

Умер по дороге в свое имение (село Весело-Вознесенское) близ Таганрога в 1818 году. Похоронен в своем имении Мишкин неподалеку от станицы Аксайской. В 1911г. его прах перенесли в усыпальницу Новочеркасского Кафедрального собора.

Во время войны с Францией 1812 года, когда Матвей Платов был в походах, Андриан Карпович Денисов проводил огромную работу по формированию полков из донских казаков.

Недаром он был обласкан его Императорским Величеством Александром I и отмечен следующими наградами: золотая, украшенная алмазами сабля "За храбрость", ордена Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й и 2-й степеней, оба - с алмазами, а также уже упомянутый орден Святого Георгия, который давался за особые военные подвиги. Ему был вручён командорский крест (2-я степень) ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена).

После смерти Матвея Платова в 1818 году Андриан Карпович Денисов был назначен на пост войскового атамана. Это время в истории Приазовья, в том числе Примиусья, отмечено усилением выступлений и неповиновений различных слоёв населения

На Миус и Дон крестьяне не только сами бежали от неудобных хозяев, но их часто переселяли принудительно. Крестьяне сопротивлялись, росло недовольство, часто переходящее в открытое неповиновение.

Так, известен следующий случай. Весной 1815 года более 300 крестьян Полтавской губернии должны были быть переселены в Херсонскую губернию. Однако, после прохождения нескольких вёрст, они наотрез отказались идти дальше, вооружились косами, кирками и кольями и убили волостного урядника. Затем они потребовали приезда губернатора и также выказали ему неповиновение, заявив, что они никуда не уедут из своих мест.

Усиление недовольства захватом Примиусских земель новыми помещиками из числа польско-украинской шляхты, русских дворян и донских офицеров привело атамана А. К. Денисова к пониманию, что требуется разработка какого-то положения обустройства пограничных земель и земель всего Войска Донского. Об этом говорили и в столице. Большой резонанс имели и слухи о происходящих стычках между переселенцами греками и русскими близ Таганрога, наводнившие всё Примиусье. Особенно памятной была стычка из-за земель на Миусе в 1786 году.

Таганрогский историк П. П. Филевский так описывал это событие. Однажды, когда землемер Чистяков, присланный на Миус для размежевания земли, приказал плугом производить межу, греческие женщины на руках с детьми ложились по пути плуга и говорили, что они скорее допустят, чтобы их перерезал плуг, нежели уступят дарованную им Государыней землю.

Новые землевладельцы обратились за помощью к предводителю дворянства. Предводитель, не имея в своём распоряжении военной силы, набрал поселенцев малороссов из ближайших сёл и рыбаков, вооружил их, напоил водкой...

Это своеобразное войско пошло защищать права новых помещиков, но греки, вооружившись винтовками и саблями, засели в разных местах, где надлежало провести межу. Предводитель дворянства приказал своему отряду выбить греков из засады, но у крестьян должно быть хмель стал проходить, и они... разошлись по домам.

Тем временем Военная коллегия с участием казачьих представителей готовила положение о казаках. В 1818 году Его Величество Александр I приехал на Дон. Крестьяне обратились к нему с жалобами на своих помещиков, утверждая, что их незаконно закрепостили, и попросили освободить их от крепостной зависимости, так как они хотят "служить только Государю-императору".

А. К. Денисов обратился к Его Величеству с проектом об обустройстве земли Войска Донского. Он надеялся, что создаваемая особая комиссия будет состоять только из казаков. Но Император в своём указе от 10 марта 1819 года назначил в комиссию и двух своих представителей - генерала А. И. Чернышова и статского советника Болгарского. Председателем комиссии стал А. К. Денисов.

Крестьяне, узнав о рескрипте Императора Александра I на имя атамана Денисова, присланном после рассмотрения их жалоб на помещиков, истолковывали этот документ, как стремление царя избавить их от крепостной зависимости. Но комиссия, обнаружив разногласия между Чернышовым и Денисовым, затянула эту работу. Донское крестьянство понимало, что комиссия готовит закон об освобождении крепостных от власти помещиков, и, не дожидаясь решения комиссии, стало восставать во многих сёлах Примиусья. А тут ещё половодье, безжалостно разорившее многие хозяйства.

Весна 1820 года на Миусе выдалась дружной. Половодье поглотило целые сёла, вода унесла пожитки многих крестьян, и без того всё больше терпевших притеснения от своих хозяев. Забегая вперёд, следует отметить, что старая казацкая поговорка "Большая вода - быть большой беде" вскоре оправдалась. Она ещё не раз напоминала о себе в Примиусье и потом. Самое большое половодье, известное на Миусе, было в 1917 году (отметка уровня воды на здании ряженской мельницы существует до сих пор), чуть слабее - в 1940 году. Эти годы предшествовали большим бедствиям. И вот, после разрушительного половодья крестьяне не выдержали. В 1820 году центром миусских волнений стала слобода Мартыновка (ныне село Куйбышево). Здесь крестьяне объявили себя вольными. В отличие от многих других мест, движение в Примиусье носило более организованный характер. В Мартыновке крестьянами была создана "общественная организация", которая руководила восстанием и вела переписку с крестьянами других округов.

Среди восставших видную роль играли ростовский мещанин В. Гродский и крепостной музыкант Тимофей Гречка, избранный писарем "громадской" (общественной) канцелярии. Крестьяне "завели себе порядок, избрали от себя голову, выборного, десятника и казначея".

В "Истории Донского края", изданной Ростовским государственным университетом в 1971 году, подробно описывается восстание в Примиусье. Оно всё больше разрасталось и охватило три уезда. К концу мая в восстании участвовало уже свыше 40 тысяч человек. Перепуганные помещики бросали свои поместья и уезжали в Таганрог, Ростов и Новочеркасск. Крестьяне готовились к активной обороне. Вооружившись рогатинами, дубинами и ружьями, они организовали круглосуточные караулы.

Для разгрома восстания в Мартыновку 31 мая был направлен лейб-гвардии Атаманский полк под руководством самого атамана А. К. Денисова, ранее заступившегося за крепостных. Казаки помнили недавно прошедшую Войну 1812 года, когда они вместе с солдатами-крестьянами бок о бок сражались против общего врага. Сейчас им предстояло стрелять в плохо вооружённых своих братьев. Поэтому они проявили нерешительность, в результате чего крестьянам удалось отеснить их за Миус. Но не так были настроены генералы. Правительство Александра I бросило теперь против повстанцев шесть полков и два эскадрона того же Атаманского полка уже под руководством карателя и придворного интригана Чернышова. На этот раз войскам удалось захватить Мартыновку и подавить восстание. Много крестьян было порото, а несколько - повешены.

Это восстание было самым мощным после пугачёвского. Оно, конечно, потерпело поражение, потому что, как и все стихийные бунты, не знало и не могло

знать конечной цели. Крестьянам свойствен был наивный монархизм, слепая вера в доброго царя-батюшку.

Атаман Денисов попал в сети интриг Чернышова и по доносу и рапортам последнего уже через полгода в январе 1821 года был уволен царём с поста Войскового атамана. Старожилы Новочеркасска вспоминали, как ранним морозным утром они не увидели привычной стражи возле атаманского дворца, и стихийно стали скапливаться здесь. Тогда на крыльцо вышел Денисов, одетый в штатский костюм, без регалий, и объявил, что он уже не атаман. Толпа шумела, негодовала. Вскоре стало известно, что Войсковым атаманом назначен Алексей Васильевич Иловайский, и ему пора присягать. Иловайский стал членом Комитета по составлению уложения о Войске Донском, председателем которого был назначен Чернышов. Новый атаман старался угодить Чернышову, хотя наивно полагал, что можно отстоять вольный дух Дона. Чернышов в этом усматривал очередную попытку донских атаманов ограничить в своей земле действие царских порядков. По его настоянию Император Николай I, сменивший Александра, уволил с поста Войскового атамана в 1827 году (вскоре после восшествия на престол и сопровождавшего его Восстания декабристов) и Алексея Васильевича Иловайского. Оба недавних атамана А. К. Денисов и А. В. Иловайский были преданы суду. Судебное дело тянулось долго. И, несмотря на большие заслуги перед Отечеством и графский титул Денисова, Император Николай Павлович отказался рассмотреть его ходатайство и принять Денисова лично.

ИЛОВАЙСКИЙ (3-й) АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Генерал-лейтенант, войсковой атаман войска Донского

Копия с портрета худ. Д. Доу, 1-я четв. XIX в.

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Участник походов А.В.Суворова. Награжден именной золотой медалью с надписью: «Войска Донского старшине армии премьер-майору Алексею Иловайскому..». Был членом комитета «Об устройстве Донского войска». Попал в немилость, уволен от должности войскового атамана.

Декабрьское выступление дворянских революционеров в Петербурге 1825 года потрясло всю Россию. Движение миусских крестьян оказало большое влияние на их взгляды. Они идеализировали прошлое казаков и считали, что с помощью казачества смогут свергнуть царя и изменить существующий строй.

Близкий к декабристам историк Дона Василий Дмитриевич Сухоруков после окончания Харьковского университета служил сначала в Петербурге, затем в

Новочеркасске в упоминавшемся Донском комитете. Вместе с Денисовым и Иловайским был предан суду и он, как и ряд их сподвижников.

Назначенный Войсковым атаманом после Иловайского Дмитрий Ефимович Кутейников всячески угождал Чернышову и вместе с тем ухитрился утвердить у царя в 1835 году новое "Положение о Войске Донском", по которому казачья верхушка получила права русского дворянства. Потомственным дворянином, как и раньше в "не казачьей" среде, становился любой гражданин либо дослужившийся до чина полковника или соответственно действительного статского советника на гражданской службе, либо при награждении орденами Святого Георгия или Святого Владимира, или любым другим орденом I степени. Поэтому на Дону появилось сразу много дворян, и каждому наделялась земля с крепостными крестьянами.

КУТЕЙНИКОВ ДМИТРИЙ ЕФИМОВИЧ

Генерал от кавалерии, войсковой наказной атаман

Худ. Е. Копылов, 1-я четв. XIX в.

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Родился Д.Е. Кутейников в 1768г. Участник Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова в 1799г. Герой Отечественной войны 1812г. Он отбил у французов обоз с церковным серебром, из которого впоследствии была сделана решетка в Петербургском Казанском соборе. Награжден золотой саблей, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость». Был Войсковым атаманом с 1827 по 1837г. Умер в Новочеркасске в 1844г. Его имя носит поселок в Донецкой области.

Кутейников дружил с Чернышовым, хотя его жена Мария Васильевна считала, что этот человек опасен и угождать ему - значит предавать казачьи идеи. Они не раз с мужем об этом спорили, но могущество придворного генерала Чернышова всё время заставляло атамана Кутейникова "наступать на горло собственной песне".

Чернышов отобрал труды по истории Дона у Сухорукова и поручил его сотрудникам переработать их с верноподданнических позиций. И только в 1908 году на основе этих трудов было издано "Историческое описание земли Войска Донского", но имя В. Д. Сухорукова там не упоминалось.

А в это время Таганрог и его управления, объединяемые в понятие градоначальство, крепили и набирали силу. Ещё в 1816 году все уездные учреждения из Ростова и Мариуполя были переведены в Таганрог. Таганрогский градоначальник в это время подчинялся Херсонскому военному губернатору. Одесские власти всё время пытались оказывать давление на Таганрог. В 1834 году город Ростов-на-Дону был изъят из сферы зависимости Таганрогского градоначальства и подчинён Екатеринославскому губернатору. В Ростов были возвращены все уездные учреждения. Нахичевань и Мариуполь по прежнему оставались в ведении Таганрогского градоначальства до 1859 года. Таганрогские власти не оставляли надежд и постоянно мечтали о своей независимости, всячески изыскивая возможности расширения своего влияния в Приазовье и соседних землях. Казаки сопротивлялись такому расширению влияния, и Примиусье часто становилось предметом раздора между Таганрогом и казачьим Миусским сыскным начальством, находящимся в слободе Больше-Кирсановской.

В 1838 году деятель эпохи Александра I, любившего Таганрог, министр внутренних дел граф Блудов по ходатайству таганрогских властей поднял вопрос об учреждении Таганрогской Петровской губернии. Предлагалось, чтобы во вновь устроенную губернию вошли восточные земли (окраины) Екатеринославской губернии, ногайская земля (Бердянский уезд) и земли Миусские, как местности, связанные общими интересами по естественному тяготению их к Азовскому морю.

Этот проект, - как отмечает П. П. Филевский, - с таковыми основаниями был одобрен Императором Николаем Павловичем. Затем ревизовавший в 1844 году Таганрогское градоначальство сенатор Жемчужников в своих соображениях воротился к этому взгляду, одобренному Императором, и тоже ввиду усиления торговли Юго-Восточной России находил учреждение Таганрогской губернии весьма полезным. Учреждённый для рассмотрения проектов Блудова и Жемчужникова особый комитет вполне согласился с их предложениями, но дальше этого дело не шло. Этому сильно противодействовало Донское Войсковое начальство, имевшее свои вотчины в Миусском округе.

При таганрогском градоначальнике генерал-майоре князе Александре Карловиче Ливене снова возник вопрос об учреждении Таганрогской или Петровской губернии. В 1847 году Император Николай I повелел приступить к организации новой губернии с тем, чтобы в неё вошли уезды Екатеринославской и Таврической губерний, прилегающие к Азовскому морю, но Миусское сыскное

начальство Войска Донского должно было оставаться - как было - в пределах Донской области. Эта приписка о Миусском сыскном начальстве снова всё затормозила. Дело замолкло и указом Правительствующего Сената 30 мая 1856 года за недостаточностью средств Государственного казначейства совсем остановлено.

Но в 1884 году проблема административных изменений в управлении краем снова всплыла. Таганрожцы не хотели мириться с владычеством Одесской администрации. Толковали не столько о составе новой административной единицы, сколько о том, в каком городе будут губернские учреждения - в Ростове или Таганроге. В пользу Таганрога категорически высказалось Мариупольское земство, и это было очень важно, так как это высказывание было голосом со стороны.

Одесский генерал-губернатор был всегда настроен против Таганрога и в октябре 1884 года приехал решать вопрос о Таганрогской губернии не в Таганрог, а в Ростов-на-Дону. Он собрал совещание из следующих лиц: городской голова Ростова А. М. Байков, голова Нахичевани Г. К. Салтыков, председатель Ростовской земской управы Г. М. Сарандинаки, председатель съезда мировых судей Баташёв. На этом совещании присутствовал также Екатеринославский губернатор барон Рокасовский. Голова Байков высказал мнение, что для Ростова важно иметь свой собственный административный центр, а поэтому следует его вовсе выделить из губернского управления". Салтыков считал, что для губернского города важно не только географическое положение, но и коммерческое значение. На это Одесский генерал-губернатор ответил, что Таганрог уже торгового значения не имеет, а Ростову (хоть он и имеет торговое значение) губернским городом не быть. И совсем неожиданно губернатор предложил: "Губернским городом должен стать Мариуполь.

Спустя год министр внутренних дел сделал царю доклад о предполагаемом устройстве Приазовского края.

Донские атаманы тоже не сидели сложа руки и активно выступили против этого доклада; он не был одобрен вследствие того, что Миусский округ присоединить к новой губернии неудобно, а без этого присоединения образуется "черезполостность".

19 мая 1887 года было принято "Соломоново" решение: Таганрогское градоначальство упразднить, а его функции передать Донской области. Так безуспешно закончились попытки создания Таганрогской губернии. Новые помещики из донских казачьих полковников и генералов своих имений не уступили.

Из Таганрогского градоначальства был образован Таганрогский округ, в состав которого вошли: само Таганрогское градоначальство, Миусский округ и первый стан Ростовского уезда. Таганрогский округ был разделён на восемь заседательских участков, а местопребыванием окружного начальства назначен Таганрог. Все права и обязанности, лежавшие по закону на Таганрогском градоначальнике, отныне возлагаются на Войскового атамана Войска Донского и областное Правление. В Таганрог было переведено Миусское окружное полицейское управление; все миусские окружные учреждения, не подлежащие упразднению, переименованы в Таганрогские окружные.

Официальное объединение Таганрогского градоначальства с Миусским сыскным начальством и вхождение Таганрога в Область Войска Донского состоялись 1-го января 1888 года. С перенесением центра административного подчинения в Новочеркасск Таганрог, как пишет П. П. Филевский, по крайней мере спасся от Одесского ига и опасности попасть в Ростовское подданство.

Но Филевский, описывая иностранное торговое засилье в Таганроге в конце XVIII и начале XIX веков, прежде всего греческое засилье, сетует на донских казаков и говорит, что они "...тоже пользовались вновь приобретёнными землями, захватывая как соседи, хорошо знавшие местные условия, лучшие участки. Они заняли место от Кальмиуса до Дона и до Северского Донца. Эта колонизация дурно отозвалась на интересах русского населения, ибо казаки задерживали обильное переселение к Азовскому морю из Средней России, останавливая переселенцев и поселяя их около своих зимовников; вследствие этого берега Азовского моря были предоставлены главным образом иностранцам, которые обособились, и потом уже русскому элементу трудно было установить здесь своё торговое значение, которое, естественно, развилось бы, если бы русские одновременно с греками начали свою деятельность".

Казаки в свою очередь тоже обижались. А. П. Пронштейн в своей книге "Земля Донская в XVIII веке", изданной в Ростове-на-Дону в 1961 году, указывает, что "на протяжении XVIII века со стороны русских и украинских дворян и купцов было сделано немало попыток вытеснить казаков из особенно богатых рыболовных мест и Нижнего Подонья, но войско (казацкое) успешно отражало эти попытки".

Таганрогский округ, куда вошло всё Примиусье, в это время занимал площадь в 13500 кв. км и насчитывал свыше 500 тысяч жителей. В его состав входили только одна казачья станица Новониколаевская, зато целых 55 волостей, в которых казачье правление было формальным. В Примиусье находились следующие волости: Александровская, Алексеевская, Анастасиевская, Больше-Крепинская, Больше-Кирсановская, Голодаевская, Дарьевская, Дмитриевская, Дьяковская, Екатериновская, Лысогорская, Мало-Кирсановская, Марьевская, Матвеево-Курганская, Миллеровская, Милость-Куракинская, Николаевская, Покровская, Сарматская, Советинская, Троицкая, Успенская, Фёдоровская и другие. Граница Таганрогского округа с Украиной по-прежнему проходила по реке Кальмиус. К нему относилась и часть волостей нынешней Украины. Ряженое, основанное в 1776 году военным комиссаром надворным советником (что соответствовало военному чину подполковника) Григорием Ивановичем Коваленским, занимало 34 десятины земли. По общей народной переписи в 1782 году в нём проживало 162 человека. А через сто лет Ряженое Милость-Куракинской (позже - Политотдельской) волости, вошедшее в Таганрогский округ, насчитывало уже 218 хозяйств и 1370 душ обоего пола. Из них грамотных было 290 человек. В Ряженом была построена деревянная Георгиевская церковь, прихожан было около 1500 человек. В этом селе было одноклассное училище, в котором преподавали священник Иаков Чайкин и учительница Варвара Белугина.

Больше-Кирсановка заселена в 1777 году казачьим полковником Мартыновым. В 1783 году в ней уже насчитывалось 65 дворов, а принадлежала она дочери Мартынова Марфе Дмитриевне Кирсановой (отсюда - название). Когда Марфа Кирсанова после смерти мужа вышла замуж за Матвея Ивановича Платова, и тот поселился в её имении, название села не изменилось, и оно продолжало называться Кирсановым. На средства Платова в нём была построена церковь Святой Троицы. Управлял имением в то время дед будущего знаменитого писателя Антона Павловича Чехова. Здесь же в 1801 году было учреждено Миусское сыскное начальство, а само село насчитывало уже 130 дворов и около 640 жителей обоего пола. В 1867 году в Больше-Кирсановке открылась церковно-приходская школа.

МАРТЫНОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Генерал-лейтенант, наказной атаман при М.И. Платове

Худ. Г. Паффенхольц, 1848г.

Копия с портрета Е.В. Копылова, 1814г..

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Родился в 1759 году. Участник русско-турецких войн XVIII века. Отличился при штурме крепости Измаил, способствовал действию и успеху бригадира М.И. Платова. После ранения (в ноябре 1812г.) вернулся на Дон, где был крупным военно-административным деятелем. Жил в последние годы в своем имении в селе Голодаевка, где и умер в 1815 году. После его смерти село стало называться Мартыновкой (ныне - Куйбышево). Похоронен с почестями в г. Новочеркасске.

В конце XVIII века Войсковым атаманом Алексеем Ивановичем Иловайским был основан Матвеев Курган. Иловайский получил из рук Императрицы Екатерины II землю на Миусе за разгром и пленение бунтовщика Емельяна Пугачёва. Но после смерти Екатерины заступивший на престол Павел I в 1797

году уволил А. И. Иловайского с поста Войскового атамана, как приближённого Потёмкина, попавшего в немилость.

ИЛОВАЙСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

Генерал-аншеф, войсковой атаман войска Донского

Неизвестный художник, 1797г.

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Родился в 1735 году. Участник русско-турецкой войны в 1768-1774 гг., той войны, в результате которой Приазовье было навсегда освобождено от турок. Отличился в кавалерийском бою при рек Кагул за два дня до генерального сражения, едва не взяв самого визиря.

Участвовал в подавлении восстания Е. Пугачева. Атаманом был с 1775 по 1797 гг. В его атаманство было учреждено на Дону Войсковое гражданское правительство (1775г.), основано в Черкасске Главное народное училище,

утверждены права войска Донского на владение принадлежащими ему землями (1793г.), состоялось окончательное закрепление крестьян за донскими помещиками, в том числе непосредственно за атаманом миусские земли, им был основан посёлок Матвеев-Курган.

Умер Иловайский А.И. в 1797г. в Москве во время коронации Павла I.

В 1801 году Матвеев Курган впервые упоминается как посёлок, насчитывающий 23 двора. По переписи 1872 года в Матвеевом Кургане уже значилось 138 дворов с населением 682 человека. Из них земледелием занимались 644 человека, торговлей - 9 человек, ремеслом - 13 человек и прочими занятиями - 16 человек.

О происхождении названия Матвеев Курган существует много легенд и версий. Три из них заслуживают большего внимания.

Первая легенда гласит, что посёлок образовался на месте хуторка казачьего есаула Матвея Лазарева, где он похоронен. На его могиле якобы насыпали курган. В действительности курган существует и сейчас недалеко от железнодорожного вокзала. Теперешние матвеево-курганские казаки даже предлагают есаулу Матвею установить памятник.

Вторая легенда рассказывает о другом Матвее, который промышлял со своей разбойничьей ватагой в этих местах, сколотил состояние и, умирая, завещал крупную сумму на похороны и церковь. После похорон остался большой курган.

Третья легенда связана также с разбойничьими делами. Якобы некий Матвей из слободы Покровской, работая в Синявской у рыбозаводчика, прослыл каким-то провидцем, принёс хорошие барыши хозяину и неплохо заработал сам. Возвращаясь на телеге домой, он догнал какого-то странника. Тот попросился на телегу, а потом стал угрожать и требовать, чтобы Матвей вёз его в какое-то место, и выхватил нож. Матвей изловчился и толкнул его с телеги. Когда приехал домой, обнаружил, что на телеге осталась от разбойника сумка, набитая монетами. Эти деньги он и завещал на похороны и часовню, которую соорудили на том месте, где он разделался с неблагодарным попутчиком.

Интересна легенда о происхождении названия волостного села Милость Куракина. Это бывшая слобода Шабельская (ныне - Политотдельское). Землевладелец Шабельский, якобы, проиграл в карты своё имение заезжему офицеру Куракину. Расстроенный и поверженный, он взмолился: - «Помилуй меня, я разорён.» - «Помилуй, говоришь? - ответил Куракин, - так пусть слобода будет называться «Милость Куракина», моя милость». Так она и стала называться.

В 1850 году часть крестьян Миусского округа, не выдержавшая притеснения помещиков, бежала на Кубань и Ставрополье. Поэтому и сейчас на Кубани можно встретить фамилии, распространённые по Миусу. Оставшаяся часть часто выходила из повиновения помещиков, и для усмирения в этот округ, как и в другие, посылались команды казаков. В народе зрело недовольство не только помещиками, но и в целом правительством и существующим строем. Поэтому Александр II и его правительство стали усиленно заниматься подготовкой реформы. По рескрипту царя от 6 мая 1858 года на Дону был создан "Особый комитет для составления проекта положения об устройстве и улучшении быта донских помещичьих крестьян".

В основу этого проекта было положено указание царя: "Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определённого времени приобретают в свою собственность посредством выкупа".

В 1859 году документ был окончательно отредактирован и отослан в Петербург, на его основе были составлены "Дополнительные правила о крестьянах

и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в Земле Войска Донского". И 19 февраля 1861 года вышел знаменитый "Манифест" об отмене крепостного права. "Вышла, - как говорили крестьяне, - воля".

Донская область по наделению землёй была отнесена к 3-й (степной) полосе, где крестьянский надел был определён в 3-4 десятины (размер менялся в зависимости от количества удобной земли). Крестьяне Миусского округа в 1868 году на 57116 ревизских душ (ревизские души - крестьяне мужского пола, вошедшие в последнюю перепись населения) получили 161000 десятин земли. Во всей Области Войска Донского в это время проживало чуть меньше одного миллиона человек (Ростов и Таганрог не входили тогда в состав Донской области).

Большую роль в хозяйственном развитии Примиусья сыграли созданные в 1876 году земские учреждения. Так, в это время в Голодаевке (ныне Куйбышево) были открыты больница, аптека, школа, в Милость-Куракине (Политотдельское) - школа и врачебный участок. Земские учреждения были выборными и занимались, в основном, хозяйственными делами. Они содержали почтовые станции, судебно-мировые учреждения, квартиры для заседателей и судебных следователей. Земства содействовали развитию народного образования и здравоохранения. Они были подчинены Войсковому правлению.

В 1869-71 годах через земли Примиусья С.С. Поляковым была проложена железная дорога, соединившая Харьков с Таганрогом и Ростовом. С этих пор начали более быстрыми темпами развиваться селения, попавшие в полосу, прилегающую к железной дороге: Матвеев Курган, Покровское, Успенская, Амвросиевская и другие. Шоссейная дорога, идущая от слободы Покровской, через реку Каменку, мимо слободы Ряженое на посёлок Матвеев Курган, и далее через реки Сухая и Мокрая Камышевахи в слободу Больше-Кирсанову, значившаяся ещё в 1834 году в военно-статистическом описании Войска Донского под номером 26, также не утратила своей важной роли и до сих пор сохраняет большое значение.

Ещё в 1808 году ряженскому помещику Коваленскому было поручено заняться изысканиями угля в Области Войска Донского и изучением вопроса устройства Волго-Донского канала; результаты этих изысканий были изложены в докладной записке Научному Комитету, по которой в дальнейшем были приняты меры по развитию угольного бассейна.

В октябре 1827 года вышел указ Императора Николая I (под влиянием восстания декабристов и Миусского восстания в Мартыновке) о назначении Атаманом всех казачьих войск наследника престола Великого князя Александра Николаевича. С этого времени все атаманы на местах стали числиться его заместителями. Фактически это означало обязательность согласования любых решений на Дону (в том числе и в Примиусье) с Царской Особой.

Из рядов казачьей верхушки на Миусе одни впоследствии стали на путь революционных преобразований, а другие, отстаивая казачьи идеи, оказались в лагере беженцев из России и распространились по всему свету.

Атаман Андриан Карпович Денисов, преданный опале по доносу Чернышова, так и не оправился до самой смерти в 1841 году. Жил в Ряженском и Анастасиевском имениях, всеми забытый. Однако с момента его отставки (1821 год) в истории казачества началась "эпоха борьбы с Чернышовым".

Упоминавшиеся записки Денисова, сформированные именно в этот период жизни, были написаны им на простой серой бумаге малограмотным писарским слогом и долго хранились внуком Денисова - сыном дочери Андриана Карповича и его зятя отставного полковника Ивана Афанасьевича Егорова. Этот внук - отставной майор Андриан Иванович Егоров - в 1852 году (спустя 11 лет после

смерти деда) подарил эти записки Адаму Петровичу Чеботарёву, который после обработки опубликовал их со своими примечаниями в журналах "Русская старина" в 1874 - 75 годах. Эти журналы сейчас можно найти в Донской государственной публичной библиотеке. Жаль, что последний 10-й том 1875 года утерян.

Менялось время, менялись цари, менялись взгляды. Только в 1904 году, поняв беспочвенность обвинений, выдвинутых против А. К. Денисова, Император Николай II своим указанием амнистировал опального атамана, он был восстановлен во всех правах, а его имя присвоено на вечные времена 7-му Донскому полку. Этот полк формировался из молодёжи Таганрогского и Черкасского округов.

Потомки Денисовых оставили большой след в последующей истории, в основном - своими ратными делами. В 1872 году в списке лиц, имеющих право участвовать в выборах по городу Таганрогу, под номером 14 упоминается полковник Илья Денисов, а в 1916 году в Таганроге проживал по улице Чехова, дом №64, отставной генерал-майор Пётр Николаевич Денисов. Во время Гражданской войны группа казачьих войск под командованием полковника Денисова удерживала Новочеркасск от ударов наступавших красных отрядов. И даже в США первым "атаманом казачьей станицы" в 1923 году был генерал Святослав Варлаамович Денисов.

Отпрысков рода Иловайских на Дону и Миусе тоже было много. Сын Войскового атамана, основателя Матвеева Кургана, Василий Алексеевич Иловайский, именуемый в истории казачества как "Иловайский 12-й" ("Казачий словарь-справочник", А. И. Скрылов и Г. В. Губарев, Кливленд, Охайо, США, 1966) был походным атаманом в Кавказском корпусе, вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта в 1840 году. Его имя было присвоено 8-му Донскому полку, т. е. он - аналогично А. К. Денисову - стал его Почётным шефом на вечные времена.

Генерал А. П. Иловайский - степной помещик - жил в Таганроге в роскошном особняке в два этажа на углу Конторской (ныне им. Розы Люксембург) улицы и Соборного (ныне Красного) переулка. У этого дома была вместительная пристройка, в которой Иловайский организовал первый в Таганроге частный любительский театр. "При театре существовало общество, которое - пишет городской историк Иван Бондаренко, - под руководством директора гимназии устраивало украинские спектакли, литературные чтения и лекции с показом "Туманных картин".

В Таганроге проживал и почётный судья титулярный советник Дмитрий Иванович Иловайский, а казачий полковник П. А. Иловайский ещё в 1793 году был директором главного народного 4-хклассного училища в тогдашней столице казаков Черкасске.

О Миллерах немало было сказано выше, но заслуживают внимания ещё два их представителя. В 1875 году в станице Старочеркасской родился Александр Александрович Миллер, он стал учёным-археологом, с 1932 года работал заведующим кафедрой Ленинградского университета. В 1933 году был репрессирован и сослан в Сибирь, где и умер.

Его младший брат, Михаил Александрович, родился в 1883 году в посёлке Миллерово-Каменском. Он окончил Таганрогскую гимназию и два университета - Московский и Харьковский. Был так же, как брат, учёным-археологом, заведовал кафедрой в Ростовском университете. Во время немецкой оккупации в 1942 году он эмигрировал в Германию.

В истории Примиусья известны и редкие природные явления, о которых хочется сказать особо. 11 января 1838 года в холодное раннее утро жители

Примиусья и всего Приазовья слышали, как в домах загремела посуда, стали подпрыгивать стулья и столы, в сараях замычал скот, во дворах метались перепуганные собаки. Это было землетрясение. Затем землетрясение было отмечено ещё раз в начале Первой мировой войны, но значительно меньшей силы. На этот раз в ночной тишине только позвякивала посуда. А 4 февраля 1872 года жители Примиусья наблюдали красивое, но очень редкое в наших географических широтах явление - северное сияние. Затем оно повторилось только летом 1941 года. Как видно из статистики, в наших краях аномальные явления повторяются примерно один раз в сто лет.

СТЕПЬ ХУТОРСКАЯ

Любоваться степью хорошо из окна самолёта летом, при ярком солнце. Квадраты полей сменяются сёлами, и кажется, что степь густо заселена. Но вот зимой, да ещё вечерами, картина совсем другая. Между полосами поселковых огней - огромные тёмные пространства, словно всё вымерло. Меня это наводит на грустные размышления. Ведь ещё недавно степь была иной. Между сёлами она была густо покрыта хуторами. Степь разговаривала, грохотала. Куда всё это делось?

Заводской трудяга самолёт АН-24 медленно приближается к Таганрогу. Высота заметно падает. Возвращаясь из дальней командировки, люблю смотреть в окно-иллюминатор, наблюдать за разворачиванием панорамы западной степи родного Примиусья.

После огромных шахтных терриконов, неуютных улиц шахтёрских посёлков под крылом медленно проплывают голубые ленты речек и речушек, зелёные прямоугольники полей, обрамлённых лесопосадками, словно рассада в ящиках. Поля пронзают асфальтированные прямые магистрали, виднеются узкие грунтовые дороги.

Вдоль речек селения тянутся почти сплошной полосой: большие, маленькие и совсем крохотные. По дорогам куда-то спешат коробочки автомашин, снуют в одну и другую стороны.

Вот речка Тузлов со своими притоками: Большой и Малый Несветай, Крепкая. На их берегах раскинулись огромные красивые сёла: районный центр Радионово-Несветайская и бывший районный центр Больше-Крепинская; сёла поменьше: Генеральское, Петровка, Крюково, Греково-Ульяновка, Лысогорка, Платово-Ивановка, Аграфеновка, Барило-Крепинская, Криничный Луг, Миллерово.

Правый берег Тузлова очень крутой, порою кажется, что река натывается на гору, поупирается-поупирается и сдаётся, сворачивая влево. Дороги к реке спускаются с правого берега, как в котлован. Зато левый берег - пологий, незаметно уходит в степь.

Самолёт делает разворот, накрывается влево, земля в иллюминаторе уходит куда-то вниз, видно только синее небо да редкие облака. Но вот он выравнивается, и в окне снова появляются зелёные квадраты, а за ними - широкая лента Миуса с его притоками Крынкой и Каменкой. Здесь поселений совсем много. Большие районные центры: Куйбышево, Матвеев Курган и Покровское, а между ними - тоже не маленькие: Большая Кирсановка, Алексеевка, Кульбаково, Ряженое, Политотдельское, Марьевка и уже совсем близко у Таганрога - Большая и Малая Неклиновки, Троицкое, Николаевка и другие.

Миус извилист, петляет по широкой пойме от одной горы к другой. В его пойме кое-где сохранились лесные рощи, как у Куйбышево и Алексеевки, а кое-где - только кустарники, называемые местным населением околками, как у Ряженого, Малой Неклиновки и других сёл.

Самолёт продолжает снижаться. Остались справа от нашего маршрута узкие голубые ленточки речек Сарматской, Сухого и Мокрого Еланчиков. Вдоль Сарматской, как и вдоль других рек, тоже сплошь сёла: Латоново, Красная Горка, Отрадное, Сухосарматская и Мокросарматская, Андреево-Мелентьево. А вдоль Мокрого Еланчика раскинулись селения: бывший районный центр Анастасиевка, Марфинка, Мало-Кирсановка, Греково-Тимофеевка, Ефремовка. На самом же западе Примиусья у русла Сухого Еланчика растянулись улицы сёл: Екатериновка, Григорьевка, бывшего районного центра Фёдоровка.

Названия речек Сухой и Мокрый Еланчик и сёл Сухосарматская и Мокросарматская говорят сами за себя. Речки мелководны, летом во многих местах пересыхают, хотя весной они показывают свой буйный нрав, затапливая низины и неся свои воды в Азовское море.

Окунёмся в историю и проследим этапы хуторизации Примиусских степей. Эта история неразрывно связана с историей всей страны, и в то же время у каждого хутора она своя. Были хутора старинные, богатые, принадлежащие помещикам, крупным чиновникам, кулакам, были хутора начала нашего века - столыпинские, и были хутора совсем новые - советские, появившиеся в период НЭПа.

Появление старинных хуторов ведёт свою историю из глубины веков. Люди издавна селились в основном у источников воды - вдоль речек, балок. Одни хутора со временем разрослись в большие сёла (например, хутор Латоны - в село Латоново), другие же остались небольшими оазисами в степи. Но главное, что влекло людей на те или иные места, - это наличие земли, пригодной для ведения хозяйства, дающего пропитание.

Земля - источник жизни не меньший, чем вода. Она всегда была признаком богатства и предметом раздора. Переселенцы всех мастей вначале составляли основной костяк крестьян Примиусских степей. Это были выходцы из Малороссии (Украины), из Таврии (Крыма), из средней России.

И, хотя заселение началось сразу после указа Сената 1746 года о размежевании донских земель с запорожцами, долгое время оно шло крайне медленно. Это объяснялось угрозой нападения со стороны турок и крымских татар, которая существовала до самого окончания русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. С 1775 года ситуация поменялась. Теперь Миусские земли навсегда отошли к России. Началось их бурное заселение.

Если до 1775 года во всем бассейне Миуса существовало всего 4 хутора (поселения), то с 1776 по 1780 было основано 24 хутора (поселения) [Материалы к истории заселения Миусского округа. СОВДСК, вып. V-II. Новочеркасск, 1905 - 1907 гг.]. В следующем пятилетии - с 1780 по 1785 - еще 6 хуторов, а начиная с 1786 г. каждые 5 лет появлялось около двух десятков хуторов-поселений. Таким образом, к 1800 году на Миусе было уже 103 поселения.

На первом этапе заселения Примиусья, когда оно формально принадлежало Донским казакам, существовало чёткое разграничение населённых пунктов по виду административной принадлежности земли и по категории её заселявших. Хуторами назывались лишь поселения, расположенные на войсковой станичной земле. И поскольку в Примиусье по переписи 1873 года была одна единственная казачья станица Новониколаевская - ныне Новоазовск, то во всём Миусском округе Области Войска Донского на то время числилось 15 хуторов,

расположенных вокруг упомянутой станицы. Поселения на "владельческих" землях, т. е. принадлежащих владельцу (помещику, чиновнику, богатому крестьянину, позже названному кулаком), назывались посёлками, хотя по числу дворов и жителей они ничем не отличались от казачьих хуторов. Таких посёлков в Миусском округе (по данным той же переписи) было 312.

На свободных от конкретных хозяев - государственных - землях тоже селились крестьяне ("крестьянские" земли), которые образовывали слободы и свободные посёлки. Эти посёлки также были по количественному признаку аналогичны станичным хуторам. Слобод в Миусском округе на данный период было 46, а свободных посёлков - 276.

Миусский округ в Области Войска Донского был самым населённым: на одного жителя приходилось всего лишь 5,97 десятины земли, в то время, как в других округах эта цифра доходила до 60 десятин. В расчёте на одно поселение в Примиусье тоже приходилось очень мало земли - только 17,61 квадратной версты. Но эти населённые пункты были сравнительно мелкими. Так, поселения, где число дворов было менее 5, в Миусском округе составляли до 36 % (заметим, что по количеству мелких поселений, впоследствии названных хуторами, этот округ уступал только Черкасскому, где они составляли до 60 %).

И вот настало время, когда правительство, раздав все миусские земли дворянам - в основном, из числа казачьей верхушки - и тем самым потеснив свободных крестьян, столкнулось со всё возрастающим недовольством крепостным правом не только со стороны самих крестьян, но и некоторой части дворян, понимающих, что подневольный труд крестьян малоэффективен. Правительство стало искать выход.

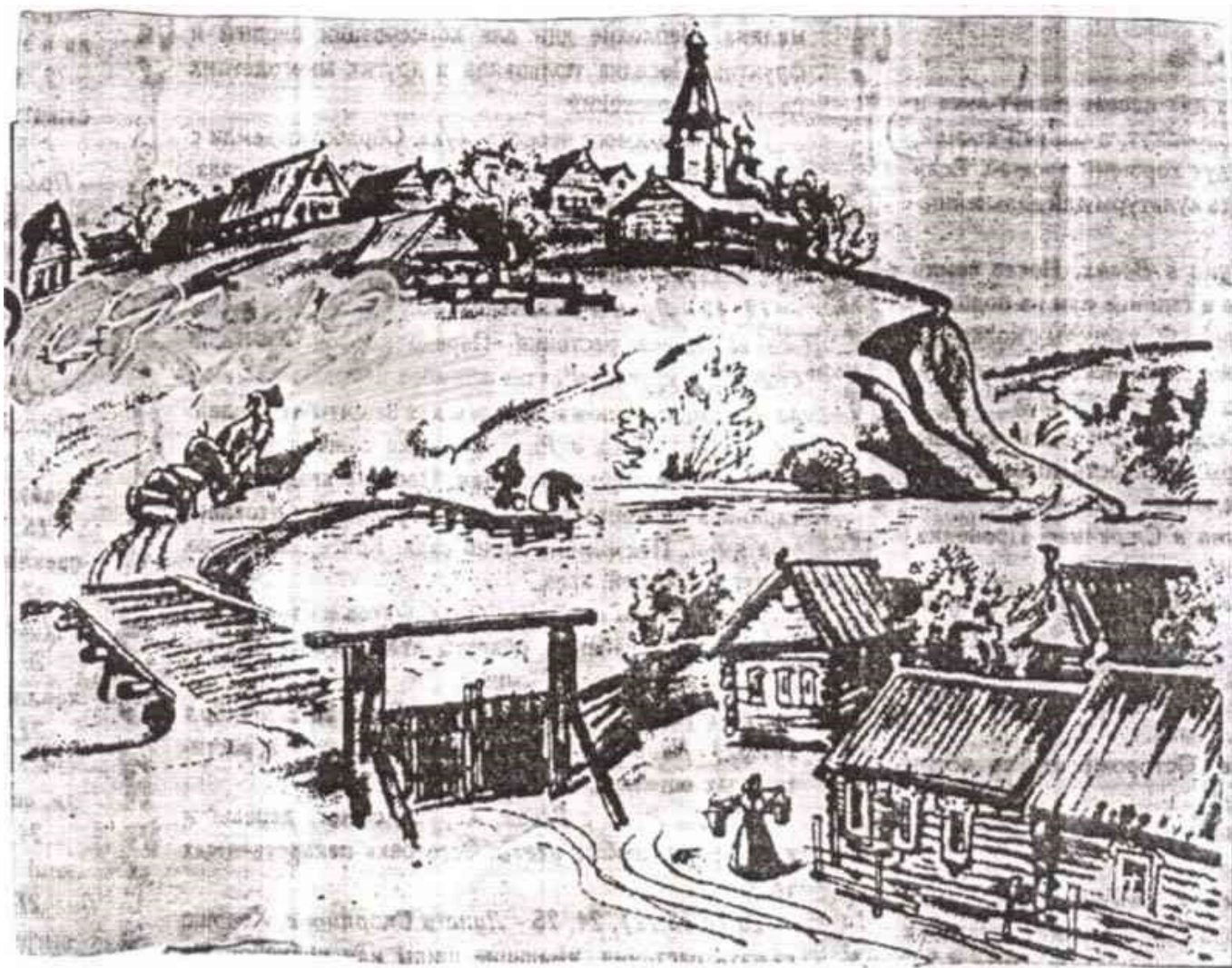
К концу царствования Николая I стало ясно, что без освобождения крестьян от крепостной зависимости и наделения их землёй нельзя решить двух главных задач: увеличить продуктивность земли и погасить усиливающееся недовольство крестьян, приводившее часто к погромам хозяйских имений. Назревала реформа.

Первая программа освобождения крестьян и наделения их землёй появилась в 1856 году, сразу после вступления на престол Императора Александра II. При обсуждении этой программы выявилось два различных подхода к реформе. Одна концепция, - за неё ратовали крупные землевладельцы - помещики, - заключалась в согласии их освободить крестьян, но без наделения землёй; другой подход, отстаиваемый дворянской буржуазией, - освободить крестьян с правом выкупа земли, создать условия для капиталистического, вместо барщинного, развития сельского хозяйства.

Правительство, учитывая эти подходы и стараясь угодить обеим сторонам, маневрировало и предлагало освободить крестьян с наделением строго определёнными участками земли, за которые они должны отбывать также строго определённые повинности.

Первыми откликнулись на эту программу литовские землевладельцы, которые заявили, что согласны освободить крестьян без земли. Вслед за ними такое же заявление сделали и петербургские помещики. Император не замедлил направить литовскому губернатору 20 ноября 1857 года рескрипт с разрешением освободить крестьян, а 5 декабря того же года он сделал аналогичный шаг для петербуржцев.

Более прогрессивно настроенные публицисты и члены правительства продолжали критиковать первоначальный вариант реформы. Под их давлением 29 ноября 1858 года Император уже сам возглавил Главный Комитет по реформе и указал, что "необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно становились собственниками земли", повелев разработать способы содействия крестьянам к

выкупу земли, а также определить условия прекращения срочно-обязанного положения крестьян.

Эти условия были положены в основу готовящегося документа и вошли в манифест от 19 февраля 1861 года, который и ознаменовал собою начало эпохи Пореформенной России. Основными положениями Реформы были определены следующие:

- отдаётся предпочтение "полюбовным соглашениям" землевладельца и выкупающего землю крестьянина;
- после внесения выкупа крестьяне становятся собственниками земли;
- сохраняется круговая порука сельского общества в исправном отбывании повинностей государству.

В зависимости от количества и качества земельных угодий установлены пределы наделов выкупаемой земли на душу населения - высший от 2,75 до 12 десятин, низший - не менее $\frac{1}{3}$ высшего. Если у крестьянина, владевшего до выкупа землёй, не хватало до нормы, ему прирезали землю за счёт помещика; если наоборот - были излишки, - то отрезали в пользу помещика. В Примиусье была установлена норма в 6 десятин на душу.

По уставной грамоте земля хотя и закреплялась за отдельными крестьянами, но владела ею сельская община, земля была "мирской". Чтобы выйти из общины нужно было заявить на сельском сходе и получить согласие не менее $\frac{2}{3}$ общего числа общинников.

Для выкупа земли правительство давало ссуду на 49 лет. После реформы, к 1878 году, учтённая земля в 391 млн. десятин в европейской части России распределялась следующим образом:

- в частной собственности - 93 млн. десятин;
- в крестьянской наделной (полученной по реформе) - 131 млн. десятин;
- казённой (государственной) - 150 млн. десятин;
- удельной (содержание царской семьи и двора) - 7 млн. десятин.

Остальная земля принадлежала другим владельцам. Более зажиточные крестьяне стали скупать земли у тех крестьян, которые из-за малой трудоспособности или отсутствия рабочего скота и инвентаря не могли обрабатывать свой надел. Одни богатели и выделялись на хутора (на свою землю), другие нищали и попадали к ним в зависимость. Оставшиеся у крестьян наделы стали мельчать, да к тому же неизбежно росло число отошедших от родителей молодых семей, что также способствовало разделам наделов и их мельчанию. В Миусском округе за 14 лет (от переписи 1859 года до переписи 1873 года) число поселений выросло (за счёт хуторов) вдвое.

В 1886 году правительство вынуждено было прибегнуть к такому непопулярному решению, как запрещение передела наделной земли. Но процесс деления крестьянских семей продолжался, и правительство 8 июня 1893 года в своём постановлении вновь вернулось к вопросу о переделах. Теперь уже не запрещалось делить наделы, но были оговорены условия - срок утверждения передела растягивался до 12 лет, причём требовалось согласие схода, земского начальника и уездного съезда. Однако уже 14 декабря того же года правительство разрешило досрочный выкуп наделной земли, хотя и с согласия сельской общины, указав, что выкупленную землю можно продавать только в крестьянские руки.

Сельская община, существовавшая издавна и бывшая основой круговой поруки, явно устаревала и уже тормозила развитие сельского хозяйства.

Ей (общине) приходилось всё время решать вопросы "справедливого" пользования землёй и "справедливого" распределения угодий. На какие только меры не толкало общину совместное владение землёй! Вот один из оригинальных механизмов, так красочно описанный в очерке известного путешественника и писателя Сергея Меча.

1912 году он писал:

"...владея землёю на общинных началах, крестьянин, естественно, натолкнулся на трудный вопрос: как обрабатывать общую землю ("мирскую") и как делить безобидно для всех её произведения? Конечно, было бы всего проще пахать землю общими силами и делить поровну между всеми работниками её продукты. Но ведь для этого необходимо, чтобы все члены общины были одинаково прилежны, одинаково работящи. Крестьянин вышел из этого затруднения, придумав переделы мирских полей, которые производятся от времени до времени между работниками деревни. За основание при таких переделах обыкновенно принимается душа: каждый крестьянский двор владеет наделом на известное число душ. Но понятие души в этом случае совсем особое. Под душой понимают не действительно живого человека, а единицу, платящую известную долю податей... Душа, по понятиям крестьянина, выражает собою известную долю мирской земли, которая обложена налогом. Окладная душа - то же, что душевой надел".

Переделы, перекройка пахотной земли проводятся довольно редко, но они совершаются очень целесообразно. С. Меча на примере одной деревни рассказывает о таком целесообразном переделе.

Одно из... крестьянских полей разделено на три части, или на три яруса: А, В и С. Ярусы А и В представляют собою площадь несколько котловидную, где вода застаивается посредине и бывают вымочки хлебов. Крайние полосы ярусов А и В наиболее удобны; следующие за ними полосы, приближаясь к середине, постепенно становятся хуже, и, наконец, срединные полосы подвержены ежегодным вымочкам. В ярусе С полосы короче, но шире. Этот ярус везде одинаково плодороден, но полосы его имеют то неудобство, что одни дальше, другие ближе к деревне - обстоятельство, в хозяйстве немаловажное.

Чтобы уравнивать всех, крестьяне бросают жребий, и тот, кто вынул №1, получает в ярусе А лучшую полосу и притом ближайшую к усадьбам; зато в ярусе В он получает худшую полосу, а в ярусе С ему даётся самая отдалённая от деревни полоса. Последний двор получает в ярусе А худшую полосу, зато в ярусе В - лучшую; но т. к. эта лучшая полоса удалена от деревни, ему даётся в ярусе С самая близкая к усадьбе полоса".

1	4
	3
2	В 2
	1
3	4
	А 3
4	2
	1

Схема распределения земельных наделов

Конечно, какое бы справедливое распределение в общинном пользовании землёй не придумывалось, оно всё равно по сути своей было частнособственническим по отношению к земле. Каждый получал, хотя и до очередного передела, свой клочок земли и обрабатывал её сам, как умел и как мог, и собирал только самим собою выращенный урожай. Но за исправное отбывание государственных повинностей отвечало всё общество, за каждого нерадивого несли издержки все общинники. Такая система была во многом архаичной, отсталой, пережитком родового быта.

К 1905 году в европейской части России из 12,3 млн. крестьянских дворов 9,5 млн. принадлежали крестьянам, состоявшим в сельских общинах, т. е. более 71%. Общины владели землёй площадью, составлявшей 83% от общей крестьянской земли. Крестьяне и имели землю, и не имели, т. к. она была мирской. Переделы обезличивали землю, за её плодородием мало следили. Надо было что-то предпринимать.

20 июня 1905 года вышло правительственное сообщение, что предполагается передать малоземельным крестьянам все годные для земледелия казённые земли и купить у частных землевладельцев часть земли за казённый счёт.

В июле того же года на пост Председателя Совета Министров был назначен бывший министр внутренних дел Пётр Аркадьевич Столыпин, энергичный и умный человек, сторонник твёрдой власти и убеждённый реформатор. Он считал, что крестьян наделять землёй необходимо, но всю отбирать у помещиков и раздавать крестьянам нельзя, ибо если уничтожить класс помещиков, исчезнут на селе "очаги культуры". Очевидно, его слова стали пророческими - очаги культуры в степях, в том числе Примиусских, впоследствии исчезли.

Началась столыпинская реформа - очередная крестьянская реформа. Главной её целью было насаждение миллионов очагов мелкокапиталистического земледелия. Для этого были определены условия:

- новые владельцы должны иметь известный минимум земли и капитала;
- их участки должны быть обеспечены водой и удобными подъездами;
- крестьяне должны быть свободны и равноправны в имущественном и гражданском отношениях.

Главный упор делался на землеустройство, сведение к одному месту (в хутор или отруб) "укреплённых", т. е. закреплённых за тем или иным крестьянином, чересполосных наделов. Универсальным типом поселения для всех местностей объявлялись хутора. Там, где по природным условиям невозможно было создать хутор, организовывались отруба, т. е. проводилось сведение всей надельной земли в один массив без постройки постоянных жилищ. Это было начало второго этапа хуторизации.

Столыпинское правительство развернуло работу по пропаганде хуторов. Были даже организованы экскурсии крестьян в Латвию, где подобные хутора существовали давно. Крестьяне южных районов России и Украины, в том числе и Примиусья, во время экскурсий видели зажиточных латвийских хуторян, имеющих добротные постройки, обилие пастбищ и скота, немало пахотной земли.

В Латвии у хуторянина было в среднем около 60 десятин земли, т. е. в 10 раз больше, чем у крестьянина Миусского округа. Это одновременно и привлекало российских крестьян, и пугало, потому что они знали - на своих 2-3 десятинах, которые были у большинства, развернуть такое, как у латышей, хозяйство невозможно. Поэтому на хутора кинулись только достаточно зажиточные крестьяне, имевшие капитал, иной раз и сомнительного происхождения.

Возьмём для примера территорию между Миусом и Сарматской (50-60 квадратных вёрст). Здесь в данный период возникло более двух десятков хуторов. Это были, в основном, "середяне", как их называли по наименованию слободы, откуда они вышли (слобода Середняя-Троицкое). Она находилась на острие Воровского шляха, и её крестьяне занимались добавочным промыслом, в том числе иногда и не совсем законным.

Середяне основали хутора своих фамилий: Едуш, Гармаш, Самойлов, Вozyка, Соколов, Тороп, Скороход и др. Это были хутора с одним-двумя дворами. Альманах "Таганрог" за 1912 год приводит по хуторам Милость-Куракинской и Матвеево-Курганской волостей любопытные данные с указанием численности населения и площади земли. На хуторе Едуш проживало 13 человек, земли имелось 20 десятин; на хуторе Гармаш - 27 человек, земли - 600 десятин; у Соколова - 47 человек, земли - 796 десятин; у Скорохода - 55 человек, земли - 126 десятин.

В 1915 году хутор Соколов (Соколовский) имел уже 9 дворов с 55 жителями и землёй в 177 десятин.

Обосновались на этих землях и выходцы из Южной Малороссии - тавричане. У них были хутора Маныч и Новониколаевский (Матвеево-Курганской волости). В хуторе Маныч по данным той же переписи было 6 дворов с 65 жителями и 400 десятинами земли. Таким образом, тавричане были в лучшем имущественном положении, чем середяне.

Ещё в более худшем, чем середяне, положении первоначально были выходцы из близлежащих слобод: Ряженого, Неклиновки, Матвеева Кургана и других. Однако, скупая землю у малоимущих крестьян, хуторяне стали сравнительно быстро богатеть. Они построили добротные дома, обустроили усадьбы, развели скот, некоторые стали приобретать сельхозмашины (даже молотилки, тракторы). Слободские парни считали за честь посвататься к хуторской девке - богатой невесте, далеко не всегда красивой.

Известен, например, случай, когда ряженский парубок Андрей, наслышавшийся о богатой, но некрасивой хуторянке, решил посвататься, так сказать, "не глядя". Он уговорил своих родителей съездить в огромный кирпичный дом с террасой, стеклянными дверями и злыми собаками. Каково было удивление отца Андрея, когда на сватании невеста показалась с перекошенным лицом, наполовину закрытым платком. Сначала Андрей и его отец не придали этому значения - тогда модно было девушкам закрывать платком нижнюю часть лица, но всё же, как они вспоминали позже, такой "морды" они не видели никогда.

Родители невесты уже прикидывали, как они будут приезжать в Ряженое на мельницу и останавливаться на ночлег у сватов, а родители Андрея думали, как же им отделаться от этой уродливой богачки. Дома отец и говорит Андрею:

- Может, не поедет больше на хутор, пусть они, наши сваты, поругают нас, поругают, и на том всё кончится? Андрей вздохнул облегчённо и повеселел. Бог его миловал.

Но курьёзы курьёзами, а хутора богатели и разрастались. Столыпинская земельная реформа набирала силу. Она была весьма прогрессивным шагом, выгодным как для определённой части крестьян, так и для государства, прежде всего с экономической точки зрения; она постепенно заменяла старую малоэффективную общинную форму земледелия, когда результатами стараний одних общинников пользовались другие их "коллеги", заменяла более рациональной формой по принципу "работать на себя".

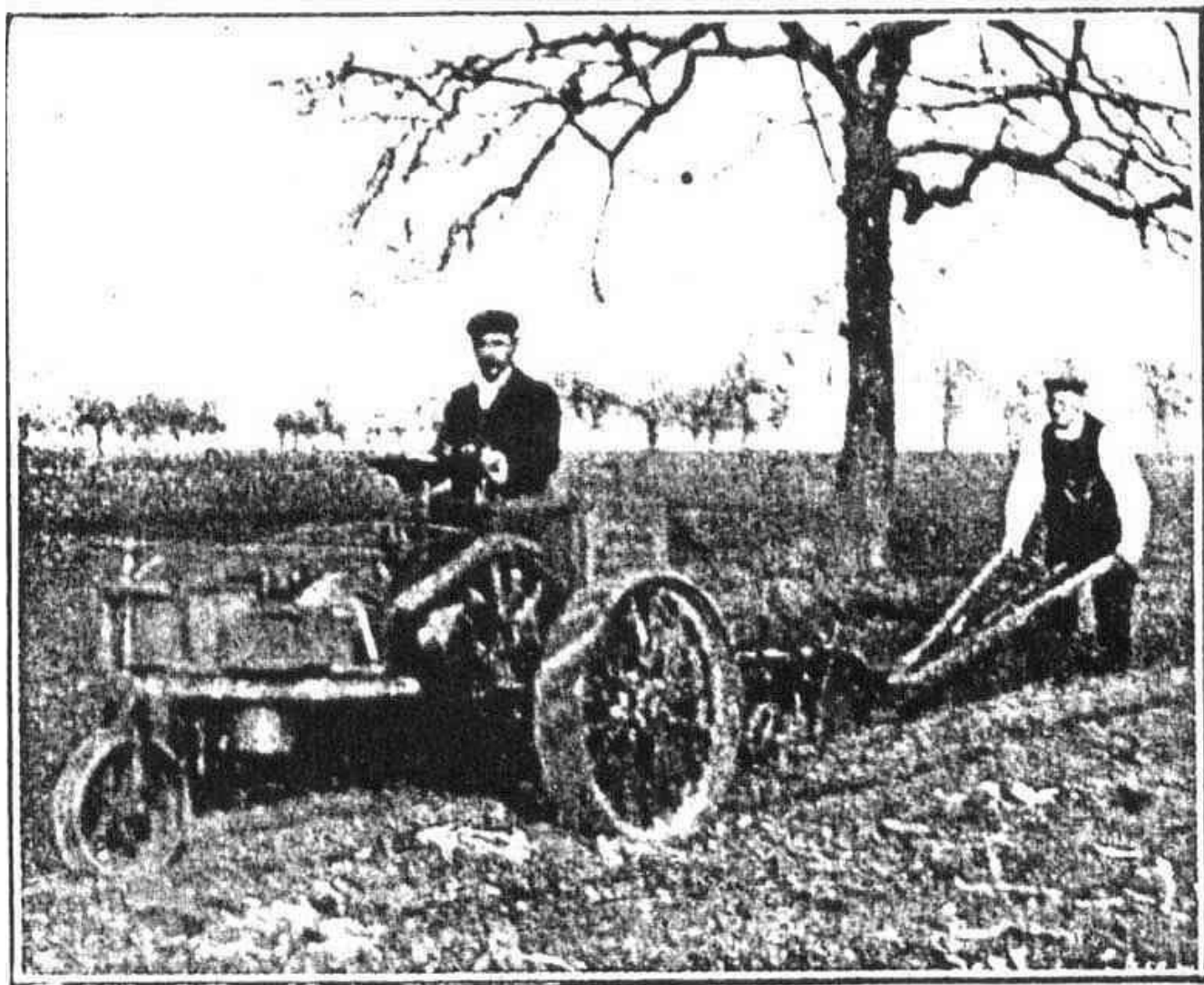
К 1915 году хуторяне и отрубники имели больше земли в расчёте на двор, чем общинники. Каждый хуторянин приобретал столько земли, сколько мог освоить (учитывая и труд наёмных работников). У хуторян сократились случаи негативных явлений мелкополосицы и дальнотемелья. Они начали даже иногда сдавать излишек угодий в аренду общинникам. Так, на примере той же Примиусской земли можно видеть, как общинники слободы Ряженой имели мелкие полосы за 10-12 вёрст от своего подворья - за Воровским шляхом, у хутора Соколова, а у хуторян сведённые в одно место полосы составляли большой цельный массив, расположенный вокруг их хутора.

У крестьян, особенно за счёт хуторян, после реформы увеличилось количество инвентаря. Если до реформы оценочная стоимость инвентаря, приходившегося на средний двор, составляла 59 рублей, то после реформы - 83 рубля. Появились заграничные тракторы, не исключая и примиусских хуторян (в стране к 1913 году их было уже около 150 штук).

Наибольшее количество выделившихся из общины приходилось на первые годы реформы (1908 - 1909). Хутора и отруба в Примиусье составляли более четверти всех крестьянских хозяйств. К 1912 году (более чем через 100 лет после массового появления хуторов на Миусе) только в двух волостях - Милость-

Куракинской и Матвеево-Курганской - было уже 82 хутора и подобных им поселений с общим населением 13500 человек и общей землёй в 23500 десятин. А таких волостей по Миусу было более трёх десятков.

Одним из типичных хуторов был хутор Добрицы. Здесь поселились три брата: Василий, Егор и Андрей - крепкие хозяева, быстро ставшие на ноги. У Василия было шесть сыновей: Иван, Данила, Егор, Дмитрий, Пётр и Митрофан, у Егора - три сына: Пётр, Роман и Семён, у третьего брата Андрея - два: Степан и Пётр. Целая армия мужиков. Это были крепкие работники, не знавшие отдыха ни днём, ни ночью. Такая огромная мужская сила была способна горы своротить. И Добрицы их воротили. На балке, по обе стороны которой был расположен их хутор, они устроили большой пруд ("ставок"), развели рыбу, воду использовали для обильного полива огородных культур. У каждого дома (со временем в хуторе стали селиться и другие крестьяне) появился сад. Стали разводить пчёл.

Пахота плугомъ при помощи механическаго движенія употребляется за границей и въ крупныхъ хозяйствахъ Россіи.

Добрицы быстро разбогатели, купили сообща трактор, стали использовать сезонных наёмных работников из числа слободских общинников. Петра Андреевича нередко называли даже "паном", как помещиков - он был из них

самым "крутым", как сказали бы сейчас. В 1912 году население хутора составляло 33 человека, а земли было 450 десятин.

Со временем процветавший хутор разросся - впоследствии во время коллективизации, когда разукрупнили ряженский колхоз "Ультиматум", в Добрицах была размещена центральная усадьба колхоза им. Куйбышева. В хуторе появилась 4-хклассная школа и детские ясли. Днём мужики и бабы были в поле, а в хуторе оставались старики и дети, наполнявшие улицу гамом и шумом. По вечерам хутор шумел на всю округу.

Возвращался скот с пастбищ, расположенных, в основном, по балкам: Бабинской, Литвиновой, Степановой, возвращались с полей мужики усталые, но весёлые, громыхали телеги, мычали коровы. А ближе к ночи, когда приходили слободские (ряженские) парубки, становилось совсем шумно и весело, хуторские девки запевали песни, устраивались танцы. Свои - хуторские - парни частенько шли в другие хутора и даже в слободу. Свои девки - не такие: "хоть сова, да из другого села". Оно и понятно - с одной стороны, в хуторе почти все - родственники меж собою, с другой стороны, хуторские невесты не всегда привлекали богатых местных женихов. Хуторским парням в слободе было из чего выбирать.

Шум в хуторе затихал где-то за полночь, правда, не надолго, потому что ещё до рассвета Добрицы просыпаются и снова принимаются за хозяйские дела.

Через пригорок от них обустроили свой хутор братья Бутенки: Григорий, Спиридон, Василий и Семён. Впоследствии с ними на хуторе поселился и Фёдор Криволай с сыновьями Марком, Андреем и Иваном. Это были тоже разбогатевшие после реформы люди. Жителей на этом хуторе было 14 человек, он располагал землёй в 150 десятин. Молодёжь хутора пополняла вечеринки соседей. Парни и девчата становились частью общей большой компании.

Природные условия позволяли хуторянам успешно управляться и со скотом, и с полевыми работами, но требовали рабочих рук, особенно мужских. А их у хуторян было достаточно. Хуже всего приходилось тем, у кого много дочерей - с одной стороны, некому было справляться с тяжёлыми работами, с другой - дочерям необходимо было готовить приданое, а это - разорение для хозяйства и так не очень крепкого. Поэтому на хутора выделялись в первую очередь те, у которых был капитал, затем - те, у которых было много мужчин, и только потом, - так сказать, "женские" семьи.

С этой точки зрения хутор Едуш, как и описанные выше, являл наглядный пример. Там обосновался Шищенко Илья с пятью сыновьями: Филиппом, Михаилом, Ильёй, Василием и Иваном. У Шищенко рабочих рук было достаточно, поэтому они обходились без наёмных работников, а это в свою очередь спасло их впоследствии от раскулачивания.

Мужчины не только работали в поле, но и ухаживали за скотом, чинили инвентарь, ездили на мельницы и ярмарки, продавали излишки урожая и делили выручку по статьям расхода. Сколько пойдёт на налоги, сколько на одежду и обувь, на воспроизводство скота, а сколько можно отложить для накопления на возможные покупки какой-нибудь облегчающей труд машины: косилки, молотилки, а может быть и трактора или парового движка. На всё нужно иметь расчёт.

Хутора Добрицы, Бутенки, Едуш были "мужскими" хуторами.

Недалеко от них находился хутор Возыка с его хозяином Алексеем и сыном Фёдором. Это поселение представляло собой целую "барскую экономию": большой добротный дом, сарай для скота, навесы для инвентаря. А инвентаря было много, в том числе молотилка с паровым движком, трактор "Фордзон", выписанный из

заграницы. Вся усадьба была обнесена каменным забором, на ночь ворота запирались наглухо. Летом во дворе на сеновале спали сезонные работники, в подсобных помещениях находились также наёмные, но постоянные работники. В особых конюшнях ржали застоявшиеся красавцы - выездные жеребцы.

Жили хуторяне, работали сами, заставляли работать других, богатели. Иногда случались и курьёзы. Рассказывают, якобы именно в хуторе Возыки был такой случай.

Известный в округе конокрад поспорил с друзьями, что уведёт из сарая Возыки самого красивого, самого дорогого, служившего только для торжественных выездов хозяина, вороного жеребца. Никто не верил - знали, что вороной жеребец на ночь замыкается цепью в особо охраняемой конюшне, не смотря на то, что всё подворье тоже закрывается воротами с мощными засовами и большими замками. По периметру забора изнутри двора бегали по проволоке собаки-володавы. Но тем не менее профессионал-конокрад, подогретый недоверием дружков, поспорил и начал осуществлять свой коварный план. Сам он, якобы, рассказывал так: "Прикинулся я нищим странником, оделся подобающе, надел крест и суму и под вечер подошёл к воротам Возыки. Вышел пожилой работник, хотел угостить чем-нибудь и проводить, а я молюсь и причитаю здравицу хозяину, желая отблагодарить его лично. Хозяин вышел. Я - к нему, прикидываюсь чисто блаженным, целую руку хозяину и вдруг как заору: "Батюшки, батюшки! Нога, ногу скрутило. Ой-ой!" - падаю, цепляясь за работника и хозяина. Прибежали другие работники, хлопчут, водой мочат ногу, а я всё ору, хотя постепенно затихаю. Хозяин распорядился внести меня во двор, положить на сеновал. А тем временем уже совсем смеркается. Попробовали меня поднять, а я снова: "Ой-ой, нога, нога!" - и всё молюсь да крещусь. Оставили меня, пусть, мол, полежит до утра, блаженного обижать не следует. Мне того и надо. Поел, что подали, затих, постепенно стало затихать во всём подворье. Присматриваюсь и замечаю: жеребца вороного после прогулки по двору провели в конюшню, замкнули цепью, ключ работник взял с собой. Думаю, куда же он его спрячет? А он возвращается с бабой и дитятей малым, постель сооружают прямо на пороге конюшни и ложатся спать. Дитя, конечно, посредине. Ключ мужик под подушку положил. Прикидываю, что делать? Отступать некуда. Взялся за гуж - не говори, что не дюж.

Стихло всё во дворе, уснули сторожа на пороге конюшни. Я потихоньку ползу, не приподнимаясь, и вытаскиваю ключ из-под подушки. Дитяtko тихонечко подвигаю к матери, она, сонная, отодвигается, чтобы ненароком его не придавить. Я ещё подталкиваю дитя, мать ещё отодвигается. Образовался проход. На всякий случай потолкал немножко мужика, вроде дитя шевелится, - отодвинулся и он. Прошёл в конюшню, отомкнул замок, у самого мысли - не заржал бы жеребец, но сторожа храпят, намаялись за день, да и к ржанью жеребца и позвякиванию цепи привыкли. Вывел я красавца во двор, вскочил на него и сиганул прямо через забор, где было пониже. Собаки взорвались, работники переполошились, а я стегаю жеребца и мчусь, куда глаза глядят. Отмахал вёрст пятнадцать, взмыленный жеребец шагом пошёл. Перекрестился - пронесло, теперь надо сбыть его в условленном месте. И сбыл. Спор выиграл. За выручку мы с друзьями изрядно покутили".

Со временем Возыка завёл себе нового красавца, история забылась, а конокрад на глаза ему не попадался.

Совсем по-другому жили на своём хуторе Гармаши - братья Феодосий, Василий и "Немой" (как звали последнего, никто уже не помнит). Эти не имели таких роскошных усадеб, но были не менее богатыми: свой огромный капитал

хранили в государственных банках. Говорят, у них в долгах бывал сам местный помещик Броневский. Обширные поля, обрабатываемые наёмными работниками, приносили большой доход. На 27 хуторян приходилось 600 десятин земли. Сами братья мало работали физически, но работников эксплуатировали нещадно. Нередко можно было услышать жалобы на них, особенно со стороны женщин, которые работали по дому.

Как-то две слободские женщины вспоминали, как бывало один из братьев поднимался ночью, выходил во двор, требовательно будил едва успевших уснуть после долгого и изнурительного дня работниц и приказывал: "Девчата, понесите жинке в дом свежей воды из колодца". Женщины продирали глаза, выполняли приказ и ставили возле колодца ведро с водой. Только уснут, хозяин приходит снова и говорит: "Жинка воды хочет, несите скорей" - "Вон вода стоит" - говорят работницы. - "Вот и понесите" - кричит хозяин. Делать нечего, надо подниматься и нести в дом воду "барыне", при этом думая про себя: - "Чтобы ты до утра околела".

Некоторые хуторяне не выдерживали конкуренции с более зажиточными, продавали свою землю и уходили в города или шахтёрские посёлки.

Революция всё изменила. Богатые землевладельцы покинули свои поместья. Одних репрессировали, другие погибли в огне Гражданской войны, третьи "добровольно" поменяли образ жизни. Изменилась хуторская жизнь. Новое правительство в аграрной политике столкнулось с теми же проблемами, что и старое. Пришлось прибегнуть к НЭПу (новая экономическая политика). В результате в 1924 - 1926 гг. крестьяне снова двинулись на хутора. Это был третий этап в истории хуторов. Появились новые - теперь уже небогатые - хутора и в Примиусье. Только на рассмотренной нами ранее в качестве примера территории возникли хутора Кулик, Новомировка, Чёрный и другие.

Очень наглядную картину представляли собой хутора Красный и Чёрный. Они составляли как бы один хутор, но были заметно отличными внешне и внутренне. Красный (дома покрыты красной черепицей - признак состоятельности) был заселён зажиточными крестьянами. Чёрный (почерневшие соломенные крыши) - в среднем менее зажиточными (семьи Грунтовских, Галицких, Мельниченко, Печёрских). Но были и здесь сравнительно состоятельные, вроде Волкодава.

Землю помещика Шаронова площадью 340 десятин выкупили ряженские крестьяне, в частности Несветай, Богданенко, Гордиенко. Кроме того, здесь было два хутора Панченко, располагающих в общей сложности около 100 десятинами земли на 24 человека жителей, а также хутор Подгорный с 12 жителями и сотней десятин земли. В устье балки Литвиновой появился хутор Новомировка. Там построили хаты как старшее поколение - выходцы из Новосёловки - Богомаз Дмитрий, Новак Филипп, Косяченко Лот, Коржов Даниил, Лисовенко, так и молодое поколение Богомазов: Иван и Авксентий Степановичи, Иван и Аким Ивановичи, Владимир Денисович, Иван Никитич.

Хутор построился в один год. Возник вопрос, как его назвать? Было предложение назвать хутор "Богомазов", т. к. из 10 дворов 6 принадлежали Богомазам. Это предложение было мгновенно отвергнуто молодёжью, считавшей, что времена названий по фамилиям уже прошли. Новым хуторянам, полным надежд, хотелось чего-нибудь нового: "Новая жизнь", "Новый свет", - перебирали они, сошлись на "Новомировке".

Старые хутора тоже продолжали развиваться. К 1930 году (начало коллективизации) в большинстве из них (исключая совсем мелкие) были организованы центральные усадьбы колхозов, в остальных - отделения колхозов

(колхозные бригады). Так или иначе, но вся степь покрылась хуторами. Везде кипела колхозная жизнь, везде были люди, повсюду слышались голоса. Вечерами степные просторы оглашались песнями девушек и женщин, возвращавшихся с работы.

Но не долго просуществовали новые, да подчас и старые хутора. Начинался четвёртый, разрушительный этап хуторизации.

В 1939 - 40 гг. правительство предприняло решительные шаги, направленные на реформирование крестьянского уклада, выразившееся прежде всего в укрупнении посёлков. Хутора, имеющие не более 10 дворов, подлежали ликвидации, а их жители - переселению в другие, более крупные, хутора или слободы. Перед самой Отечественной войной многих хуторов не стало, причём в другие посёлки переселились не все их обитатели, некоторые ушли в города. Тяжёлая уже послевоенная жизнь подтолкнула и других на уход из сельских местностей. А тут ещё повсеместная мобилизация сельских парней и девушек в школы ФЗО и РУ оставила село без молодёжи. Да и взрослое население стало искать на производстве (т. е. опять же в городах) работу, за которую можно было получить продуктовые карточки.

Удержать крестьян в сёлах, а особенно в хуторах, стало невозможно. Ни отсутствие паспортов, ни запрещение выдачи справок с места жительства - ничто не могло приостановить начавшийся отток людей из села.

Сёла редели, хутора исчезали. Пришлось колхозы укрупнять, объединять целые районы. Появился термин "нежизнеспособные поселения, неперспективные".

Уход крестьян в города (так называемая урбанизация) нанёс сельскому хозяйству большой урон. Конечно, правительство понимало, что силой сдержать этот процесс, так опрометчиво начатый предвоенным укрупнением сёл под благовидным лозунгом "создать крупные очаги культуры", невозможно, но мало что делало для сохранения и улучшения исторически сложившегося быта тружеников. Старшее поколение крестьян, знавшее и любившее землю, отживало. На смену приходило новое поколение, вкусившее плоды урбанизации и не проявляющее к земле заметного интереса.

Надо, конечно, признать, что стремление молодёжи к более культурному образу жизни, который видели сельские парни, послужившие в армии и поездившие по свету, есть само по себе начало прогрессивное.

Трудно ожидать, что в отдалённых хуторах скоро появятся современные "очаги культуры". Ведь для этого необходимо создать сеть хороших дорог, снабдить хутора электроэнергией, подвести газ, обеспечить условия приёма телевидения, построить современные школы и клубы, наладить медицинское обслуживание, внедрить новые технологии сельхозработ, позволяющие применять индустриальные методы труда. Всё это сделать очень-очень трудно, ой, как трудно! Но тем более надо прилагать максимум усилий, чтобы двигаться в этом направлении.

Как же сейчас выглядит некогда богатая, густонаселённая хуторская степь? Хуторов почти не осталось. Если посмотреть на ту же - взятую нами для примера - территорию междуречья Миуса и Сарматской, то увидим унылую картину. На месте многих бывших богатых хуторов остались чахлые кустарники (следы усадеб), кое-где заброшенные колодцы. Нет теперь ни хутора Добрицы, ни Чёрного, ни Шаронова, ни Возыки, ни Гармаша, ни Новомировки, да и многих других. Да что там говорить, если даже такой хутор как Соколов, славившийся своими процветающими хозяевами, доживает свой век. Кругом бурьян, запустение.

Жаль, конечно, бывшей хуторской жизни: жалко, что многие люди вынуждены говорить о своей малой родине в прошедшем времени. На вопрос, "где ты родился?" им приходится отвечать: "Был такой-то хутор". Хутора исчезают, многие сёла сильно редуют. Почти в каждом селе Примиусья, как, впрочем, и в других местах, в настоящее время немало пустых заброшенных хат. Молодые разъехались, старики вымерли. Новые поселенцы из других регионов не спешат ехать в деревню, а украшают городские заборы и столбы объявлениями о желании купить жильё в городе. Очевидно, этот процесс - необратим. Что же дальше?

На мой непрофессиональный взгляд, будущее села, в том числе и в Примиусье, очевидно за крупными фермерскими хозяйствами, о которых мечтал ещё Столыпин. Только крепкому фермеру, имеющему много земли и достаточно техники для её обработки, располагающему транспортом для перевозок на большие расстояния, под силу будет создание в отдалённой степи каких-то благоустроенных посёлков.

Но это уже вопрос другого специального анализа и исследования. Специалисты сельского хозяйства лучше меня разбираются в этом, им и освещать поднятую проблему. Мы же на примере Примиусской степи ограничились рассмотрением истории возникновения, развития, расцвета и упадка таких специфических населённых пунктов, как хутор.

Интересным выглядит сопоставление числа жителей в сёлах в 1912 и в 1999 годах:

№	Село	Данные на		Рост
		1912 г.	1999 г.	
1.	Матвеев Курган	2 306	14 854	6,4 раза
2.	Марьевка	161	665	4,4 раза
3.	Старо-Ротовка	248	1 043	4,3 раза
4.	Рясное	510	1 630	3,25 раза
5.	Ново-Андриановка	366	719	2 раза
6.	Каменно-Андриановка	496	740	1,5 раза
7.	Ряженое (с Денисовкой и Н. Б.)	2 127	2 581	1,2 раза
8.	Алексеевка	2 487	935	0,4 раза
9.	Камышовка	189	176	0,93 раза
10.	Политотдельское (Милость Куракина)	1 673	1 076	0,65 раза

11.	Александровка	1 036	773	0,7 раза
12.	Латоново	2 030	1 454	0,7 раза
13.	Марфинский пос.	3 623	1 313	0,37 раза
14.	Анастасиевка сл.	3 582	1 722	0,38 раза
15.	Екатериновка сл.	2 142	1 085	0,51 раза
16.	Б.-Кирсанова сл.	1 616	993	0,62 раза
17.	М.-Кирсанова сл.	1 578	1 330	0,85 раза

Как видно из таблицы, сильнее росло население в сёлах близ железной дороги, слабее или даже уменьшалось в более отдалённых.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ ТАГАНРОГСКОГО ОКРУГА

В начале XX столетия аграрный вопрос в России встал с новой силой. По Указу от 9 ноября 1906 года из сельской общины стали интенсивно выделяться хутора и отруба. Выделенная земля становилась личной собственностью (а не семейной, как было раньше). Продавать землю разрешалось только приписанным к сельскому обществу. В это время одно за другим следуют принятия законодательных актов. По Указу от 14 июня 1910 года сельские общества, не претерпевшие земельных переделов в послереформенный период (с 1861 года), становились наследственными владениями (участковыми или подворными). Затем в мае 1911 года вышел закон о землеустройстве селений, по которому участковые владения, все без исключения, стали наследственными.

Из общины выходили, как правило, зажиточные и беднейшие – они становились хуторянами или подворниками. Зажиточные выходили потому, что могли скупать землю у беднейших и богатеть. Беднейшие же выходили за тем, чтобы иметь возможность продать свою землю и тем самым на какой-то период получить средства к существованию, не думая о том, что потом совсем разорятся и попадут в кабалу к зажиточным. Средние слои крестьян долго оставались в общинах.

Открытые в 1873 году крестьянские Поземельные банки скупали землю у крупных землевладельцев (вынужденных по каким-то причинам продавать часть или всю землю), выплачивая им сразу всю причитающуюся сумму. Затем банки продавали крестьянам эту землю в рассрочку на 55,5 года под 6,5 % годовых. Если заёмщики разорялись, банк отбирал у них участки. Шло расслоение крестьянства, этого самого многочисленного класса населения. В Примиусье также проходили аналогичные процессы, но в более концентрированном виде.

Сельское население в 1913 году составляло 84 % всех жителей страны, что достигалось, в основном, за счёт многодетных семей. Сначала оно быстро росло: за 15 лет оно выросло на 1/3. И хотя смертность в этот период была тоже высока (28,5 человек на 1000 человек населения за год), рождаемость была ещё выше (44 человека на 1000 человек населения за год). Плотность населения по стране

составляла 28,8 человека на 1 кв. версту. Заметим, что в Таганрогском округе плотность населения (без учёта самого Таганрога) была в два раза выше. Плодородные Миусские земли заселялись интенсивно.

Таганрогский округ Области Войска Донского был образован 1 января 1888 года на базе бывших Таганрогского Градоначальства, Миусского округа Области Войска Донского и Первого стана Ростовского уезда. В это время округ занимал площадь в 13 500 кв. вёрст и насчитывал свыше 500 тысяч жителей. Граница с Украиной по-прежнему проходила по реке Кальмиус. В него входили одна казачья станица – Новониколаевская (ныне город Новоазовск Донецкой области) и 55 волостей, в которых казачье правление было формальным. Половина территории, занимавшейся этими волостями, теперь находится в составе Украины. (Волость – чуть больше нынешних сельских администраций.) Остальные волости в 1923 году вошли в Таганрогский сельский, Фёдоровский, Неклиновский, Анастасиевский, Матвеево-Курганский, Куйбышевский, Больше-Крепинский и Родионово-Несветаевский районы Ростовской области.

Позже Таганрогский сельский, Фёдоровский, Анастасиевский и Больше-Крепинский районы были упразднены. Их территория была поделена между четырьмя остальными. Теперь уже нет не только волостей, но и многих населённых пунктов, другие поменяли названия.

Таганрогский округ – 1910 г.

Больше-Кирсановская	28 поселений
Больше-Крепинская	31 поселений
Вареновская	2 поселений
Голодаевская	12 поселений
Екатериновская	38 поселений
Весёло-Вознесенская	8 поселений
Лысогорская	15 поселений
Миллеровская	9 поселений
Мало-Кирсановская	18 поселений
Матвеево-Курганская	45 поселений
Милость-Куракинская	30 поселений
Мокро-Еланчикская	11 поселений
Мыс-Добронадеждинская	45 поселений
Николаевская	1 поселений
Петровская	31 поселений
Покровская	1 поселений
Преображенская	2 поселений
Сарматская	106 поселений
Советинская	29 поселений
Троицкая	2 поселений
Успенская	1 поселений
Фёдоровская	38 поселений

В этих волостях проживало более 220 тысяч человек, которым принадлежало около 300 тысяч десятин (1 десятина приблизительно равно 1,45 га). Как видим, на одного сельского жителя, включая и детей, приходилось в среднем около 1,5 десятины земли. Но это – в среднем. Фактически земля принадлежала, в основном, крупным землевладельцам и зажиточным хуторянам – около 250 тысяч десятин.

Более 1/3 земли входило в 67 экономий, среди которых были весьма крупные: Кутейникова (3 438 дес.), Платоновой (3 370 дес.), Власовой (4 017 дес.), Мазаевых Григория и Гавриила (по 4 133 дес.) и Дея (4 720 дес.). Самой крупной в округе была экономия Молчевского (68 314 дес.). Экономиями назывались большие земельные угодья с расположенными на них конторами управления с должностными лицами. Название «экономия» происходит от греческого слова «эконом» - «хороший хозяин».

Более семи тысяч десятин принадлежало 29 владельческим участкам, среди которых также были очень крупные: участок Лакиера – 2 700 дес. – и Денисенко – 1013 дес. земли.

Самой многочисленной группой землевладельцев были хуторяне – в 279 хуторах проживало 15 105 человек, владевших землёй общей площадью в 61 326 десятин. Среди них были весьма зажиточные: хутора Самарского (130 десятин на одного жителя), Черницкого (120 десятин на одного жителя), Николаевский (100 десятин), Андриановых (84 десятин), Левашовых (по 70 десятин), Руднева (68 десятин) и др.

По зажиточности (обеспеченности землёй) к хуторянам близко примыкали колонии немцев. В 23 колониях проживало 3 957 человек, которым принадлежало владельческой земли 6 365 десятин и общественной 4 032 десятины. Крупными колониями были: Старая Ротовка (Матвеево-Курганской волости), Атаманская (Фёдоровской волости), Ново-Марьевская и Николай-Поле (Больше-Кирсановской волости).

Дальше следовали 19 земельных товариществ, которые располагали 3 702 десятинами земли, а проживало в них 2 811 человек. Некоторые из них были довольно крупными: Успенское товарищество (ему принадлежало 520 десятин на 28 человек), Ново-Николаевское Алексеевской волости (1 365 десятин на 180 человек), Сайковское Троицкой волости (1 100 десятин на 253 человек), Фицхалауровское Матвеево-Курганской волости (168 десятин на 48 человек).

На указанной территории округа было 17 слобод. Что такое «слобода» – в разное время понималось по-разному. Так, самое старинное понятие – это поселение свободных людей. Затем слободами стали называть пригородные селенья, а ещё позже – слобода – это большое село, где имеется несколько церквей, или ярмарка и волостное управление, род сельской столицы. К началу XX века название «слобода» закрепилось за селениями, к которым приписывались другие – более мелкие – посёлки, деревни, хутора. Они обязательно имели уже не только владельческую (принадлежавшую отдельным владельцам) землю, а и надельную.

Вот в этих-то 17 слободах и проживали в данный период 55 326 человек, которые в общей сложности имели 23 129 десятин владельческой земли, около 12 000 десятин надельной и около 2 000 десятин общественной. Самой большой слободой в округе была слобода Голодаевка (ныне село Куйбышево). В ней проживало 10 036 человек, земли они имели 9 114 десятин. Крупными слободами также являлись: Больше-Крепинская (6 289 человек, около 5 000 десятин), Успенка (4 497 человек, 3 041 десятина), Лысогорка (3 490 человек, 2 400 десятин), Фёдоровка (3 859 человек), Екатериновка (2 142 человека), Алексеевка (2 487 человек), Матвеево-Курган (2 306 человек), Латоны (2 030 человек), Анастасиевка (3 582 человека) и т.д.

В округе было 122 посёлка, в них проживала основная масса крестьян – 68 100 человек. За этой массой числилось 25 734 десятины владельческой земли, 15 000 – надельной и только 176 десятин общественной. Таким образом, самая многочисленная прослойка населения имела в среднем всего лишь около 0,6 десятины земли на одного жителя. Некоторые посёлки были не меньше слобод, как например: Марфинский Анастасиевской волости (жителей – 3 623 человека), Ново-Александровский Екатериновской волости (2 254 человек), Натальевский Весёло-Вознесенской волости (2236 человек) и другие.

Автор просит читателей извинить его за обилие цифр и названий, но для характеристики округа важно показать, что за население проживало в нём, чем занималось и что оно имело. Земля – единственный источник благосостояния сельских жителей, и поэтому её количество у того или иного хозяина говорит о степени зажиточности.

Продолжим характеристику населённых пунктов. В 21 деревне проживало 5 492 человека, земли им принадлежало общественной 288 десятин, надельной 1

256 десятин, владельческой 646 десятин. Средняя обеспеченность землёй в деревнях была самой низкой и составляла менее 0,44 десятины на человека. (Деревня – это небольшое сельцо, совокупность крестьянских дворов без церкви, обычно приписанных к приходу храма какой-нибудь слободы).

В наших краях в начале XX века слободы, крестьяне которых не работали на владельческих землях и не имели своей земли, а работали на государственной земле, стали называться сёлами. Таких сёл в Таганрогском округе сначала было только три: Покровское (12 602 человека), Троицкое (9 142 человека) и Николаевка (9 440 человек). Затем к ним присоединились слобода Преображенская, которая стала называться селом Самбек (7 811 человек), и Вареновка (2 960 человек).

На Миусской земле существовало 22 сельских общества (общины) с общей численностью населения около 14 000 человек. Эти общества имели, в основном, мелкие земельные наделы и располагались в трёх волостях: 11 обществ в Советинской, по 5 в Алексеевской и Милость-Куракинской и одно в Матвеево-Курганской волости. Крупными были общества: Горско-парадское (1 496 человек, 670 десятин), Абрамовское (1 100 человек, 500 десятин), Александровские - № 1 (1 218 человек) и № 2 (1 366 человек), Ряженские - № 1 и № 2 (примерно по 500 человек и по 400 десятин). Самым обеспеченным землёй обществом было Алексеево-Иловайское (936 человек, 1 572 десятины).

В округе было три имения Поземельных крестьянских банков: Турчаниново и Матвеево-Курганское – по 803 десятины земли и Мыс-Добронадеждинское – 4 761 десятина.

Таким образом, если подвести итоги, то можно заметить, что обеспеченность землёй самой высокой была среди крестьян (после крупных землевладельцев) у хуторян – 4,5 десятины на человека (они составляли 7 % от общего населения сельской части округа) и у колонистов – 2,63 (1,8 %). Для сравнения, у крестьян слобод, сёл и посёлков (80 % населения) обеспеченность землёй была 0,6 – 0,65 десятины на человека. Самая низкая была у крестьян деревень и общинников – 0,4 – 0,5 десятин на человека (8,4 % населения).

Кроме перечисленных категорий населённых пунктов в Таганрогском округе находились рыбацкие посёлки: Александрина коса (145 человек), Беглицкая коса (274 человека), Золотая коса (675 человек). У рыбаков были только приусадебные участки.

Было в округе одно поселение, числившееся как «местечко» - Милость-Куракина. Известно, что местечками назывались еврейские и польские посёлки. Почему бывшее Шабельское называется местечком, - автору не известно. Землёй оно не располагало.

И вот что ещё интересно. В большинстве населённых пунктов округа женщин было меньше, чем мужчин: на 100 женщин приходилось 120-130 мужчин. Автору не думается, что девочек рождалось меньше, чем мальчиков. Очевидно, смертность девочек была выше. Отношение к ним в крестьянских семьях вытекало из тогдашних понятий: «девки – лишний рот, а мальчики – будущие работники, хозяева, их надо беречь». Автору по своей, да и по другим многодетным семьям известно, что девочек умирало больше. А вот в Вареновке, расположенной близко к городу, где преобладало огородничество, «девки не были лишним ртом». Здесь женщин было 1 608 душ, а мужчин только 1 352. В этом, вероятно, есть определённая закономерность. Там, где главным был тяжёлый труд пахаря, мальчиков берегли больше, а где преобладал домашний, усадебный и, как полагали, более лёгкий труд, больше берегли девочек.

В эти же годы усилилось переселенческое движение. Крестьяне бежали на другие земли в поисках лучшей жизни. Из Ряженого многие уехали «на Самару» - в Самарскую губернию (семьи Штыбы, Щербаченки, Грунтовские и др.). Сначала правительство всячески препятствовало переселению, т. к. не хотело оставлять крупных землевладельцев без рабочих рук. Стали возникать крестьянские бунты. Крупное выступление крестьян, подавленное силой, произошло в 1906 году в имении Иловайского. Были бунты и в других имениях округа. Тогда правительство поменяло тактику – стало поощрять переселенческое движение и даже выдавать пособия на переселение. Пусть, мол, уходят подальше от бунтарских центров.

Эти меры тоже не решали крестьянских проблем. Переселенцы, хлебнув горя на чужбине, стали возвращаться в родные края, в основном, образуя новые хутора. Так, «ряженцы», вернувшись из «Самары» поселились на вновь образованном хуторе Самарского (совпадение?) в Мокро-Еланчикской волости. В течение 1910-1916 годов около 30 % переселенцев вернулось обратно.

В таком положении миусских крестьян и застала Февральская 1917 года революция. Естественно, люди села ждали от нового правительства в первую очередь решения земельного вопроса. Будет у крестьян своя земля, - будет и хлеб. Поэтому они стали активно приветствовать декларативные заявления Временного правительства о якобы скорой передаче им всех помещичьих земель и голосовали за «крестьянские» партии, такие, как партия Социал-революционеров (эсеров). В Ряженом основная масса избирателей опускала свои бюллетени в урну №1 (партия эсеров) и только один Игнат Кияшко опустил бюллетень в урну №5 (партия большевиков). Кияшко впоследствии стал не только крупным революционером, но и большим специалистом в промышленности (занимал пост директора одного из Харьковских заводов).

Временное правительство, пытаясь не ссориться с крупными капиталистами и при этом как-то удовлетворять нужды простых людей, лавировало и предлагало проводить «справедливую» политику распределения помещичьих земель: передавать крестьянам не всю землю, а оставить у старых владельцев побольше её под видом «культурных хозяйств». Это послужило одной из главных причин того, что оно не могло долго удержаться у власти, - грянула Октябрьская революция, пришли большевики. И снова развернулась борьба за землю. Одним из первых декретов Советской власти был «Декрет о Земле» - земля крестьянам (13 ноября 1917 г.). На следующий день был обнародован Указ о конфискации помещичьих земель. Зажиточные крестьяне, имевшие большие земельные владения, настаивали на распределении только помещичьих земель и только по количеству инвентаря и скота в семьях, что давало им большие преимущества. Беднота была за распределение всей земли, в том числе надельной и купчей, и обязательно по едокам.

Весной 1918 года вся земля была распределена, но оставались некоторые «культурные хозяйства», на базе которых создавались образцовые государственные хозяйства – совхозы. Так, на базе экономии Мазаева в Анастасиевской волости был создан совхоз «Ленинский», на базе земель помещицы Денисенко в Милость-Куракинской волости – Ряженский совхоз №4 и т.д.

В 1918 и 1919 годах в Примиусье бушевала Гражданская война. Народ разделился на два враждебных лагеря. Одни, отстаивая старые порядки, были за сохранение своих привилегий, другие – за их отмену. Правительство проводило неукоснительную политику ликвидации класса эксплуататоров. В Циркуляре Наркомзема №2857 от 28.11.1924 г. с грифом «Сов. секретно» «О выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев из их бывших имений»

указывается, что «бывшие помещики и крупные землевладельцы должны быть выселены из своих имений не позже осени 1925 года, причём помещики могут наделяться землёй только в тех губерниях Республики, в которых не имелось поместных владений, а землевладельцы-кулаки – за пределами своих губерний». Подчёркивалось, что «Выселение не должно касаться крестьян, приобретших в дореволюционное время землю через бывший Крестьянский Поземельный банк с рассрочкой платежа и по нормам Устава этого Банка, пользующихся в настоящее время землёй по трудовой норме.»

Весьма интересен пункт 8 данного Циркуляра. Приведём его полностью.

«В исключительных случаях, когда хозяйство бывшего помещика представляет из себя большую агрикультурную ценность и не превышает допустимых в данном районе размеров показательных трудовых хозяйств, а сам владелец совершенно порвал со своим прошлым и пользуется симпатией окружающих крестьян, он может быть оставлен, но каждый раз с особого распоряжения НАРКОМЗЕМА».

В Циркуляре №55 от 03.01.1925 г. разъясняется, что наряду с конфискацией земель бывших помещиков и крупных землевладельцев у них конфискуются также строения, живой и мёртвый инвентарь, кроме предметов домашнего обихода. В пункте 6 говорится: «В случае произведенного выселяемыми посева озимых хлебов на урожай 1924/1925 гг. им предоставляется [право] собрать таковые».

Более зажиточные крестьяне подались на хутора – это был период НЭПа – форма сожительства с мелкими землевладельцами. Помещики и крупные землевладельцы одни разъехались, принудительно оставив свои владения, другие разбежались добровольно. Бывший политкаторжанин дворянин В.А. Броневский всё передал в распоряжение Ряженского Ревкома, сам перебрался в Таганрог. Но многие не могли мириться с потерей своих богатств, сопротивлялись, саботировали указания новых властей, создавали группы по борьбе с продотрядами, изымавшими у крестьян «излишки» хлеба.

И вот что характерно. Засуха, неурожай приводили к усилению нажима на крестьян, т. к. снижение объёмов заготовок, как, например, в 1921 году, вызывало голод в городах. Как только урожай был лучше, как в 1922 году, хлеб начинал поступать в города, нажим ослабевал. В 1924 году – снова неурожай и снова - нажим на крестьян, усилилось раскулачивание. Была проведена денежная реформа, налог стали брать деньгами. Основной упор по налогам делался на зажиточных. Так, те, кто был отнесён к разряду кулаков, платили налог на душу населения в 8 раз больший, чем бедняки. 35 % всех налогов поступало в волостной бюджет, поэтому местная администрация была заинтересована в том, чтобы большее количество крестьян отнести к кулакам.

Первое крупное раскулачивание пришлось на период начала коллективизации (1926-29 гг.). Не все добровольно шли в создаваемые колхозы, некоторые сопротивлялись. Апрельский 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) объявил о первом серьёзном нажиме на кулаков, июльский того же года потребовал от местных органов власти ещё более усиленного нажима. 4 февраля 1930 года была разослана инструкция о порядке проведения раскулачивания. В ней указывалось, что кулаки не все одинаковы, и подход к ним должен быть различным. 1-я категория – это те, кто является инициаторами и исполнителями беспорядков или террористических актов, их надлежало выслать в лагерь. 2-я категория – это менее сопротивляющиеся колхозному движению, этих посылали на лесоразработки в Сибирь. 3-я категория – это остальные зажиточные, не хотевшие вступать в колхозы, им определяли землю за пределами колхозов.

В Примиусье организованных очагов сопротивления не было, поэтому раскулачивание касалось 2-й и 3-й категорий. Неурожай 1931 года снова привёл к усилению давления. 1932-33 годы – это годы повсеместного раскулачивания. И хотя в «Правде» уже была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», на местах продолжали выполнять инструкцию о раскулачивании. Её в ряде мест считали конъюнктурной. В Матвеево-Курганском районе (село Ряженое) в это время были высланы Кондрат Андреевич Снитко, Спиридон Ерохин, Павел Калинович и Ефим Калинович Алейниковы, Иван Андреевич Красуля и др. После появления статьи потерпевшие стали жаловаться, обращаться даже в Москву.

Первый председатель Ряженского колхоза «Ультиматум» Иван Григорьевич Андриенко, участник Гражданской войны, имевший звание «Красный Партизан», был освобождён от занимаемой должности в связи с его перегибами при проведении коллективизации. Кондрат Снитко был быстро возвращён из ссылки, Павел Калинович Алейников писал в Москву М.И. Калинин и был возвращён с дороги (из Батайска), вернулся Спиридон Ерохин и др. Ефим Калинович Алейников «заартачился», как говорит его дочь Мария Гавриленко, и не захотел возвращаться. Вся его семья была в ссылке в Могоченском леспромхозе в 60-ти километрах от реки Обь. Там же с ними были Митрофан Добрица, Пётр Тимошенко и др.

«Я никогда не прощу отца, - говорит Мария Ефимовна, - за то, что он показывал свой гонор и обрёл семью на прозябание в ссылке». Многие члены раскулаченных семей, чтобы самим спастись, вынуждены были публично отказываться от отцов, матерей, мужей, братьев. Газеты 1930-31 годов буквально пестрели объявлениями типа: «Мы, Возыка Иван и Тихон Антоновичи, отказываемся от отца своего Возыка Антона, проживающего в хут. Халыба-Адабашев Таганрогского района, как от кулака и порываем с ним всякую связь, будем работать как весь пролетариат»; или: «Я, Лебедев Пётр Иванович, отказываюсь от отца и матери своих, Лебедевых Ивана Захаровича и Акулины Порфиоровны, проживающих в селе Анастасиевка Матвеево-Курганского сельсовета, как от лишенцев и порываю с ними всякую связь, хочу жить своим трудом»; «Я, Горбатенко Клавдия Михайловна, отказываюсь от своего мужа Горбатенко Фёдора Кузьмича, как от кулака и порываю с ними всякую связь. Село Фёдоровка Таганрогского района». Газета «Таганрогская правда» от 17.01.1931 г. содержала 10 подобных объявлений, от 22.01.1931 г. – 3 объявления, от 26.01.1931 г. – 4 объявления, от 28.01.1931 г. – 3 объявления, от 29.01.1931 г. - 1 объявление, от 30.01.1931 г. - 3 объявления об отказе от родственников и т. д.

В 1935-36 гг. снова была засуха, снова неурожай, снова трудности с хлебом и снова колоссальный нажим на крестьян. Печально знаменитый 1937 год поверг многие семьи репрессиям. Отряд районных уполномоченных буквально издевался над колхозниками-механизаторами, особенно, бригадирами. За всякие с ними пререкания, за всякие несогласия и возмущения вызывали в органы и часто колхозники уже не возвращались домой.

Были сосланы ряженские бригадир тракторной бригады Фаддей Шаповалов, а также частично упоминавшиеся выше Митрофан Добрица, Пётр Тимошенко, братья Даниил и Иван Алексеевичи Андриенко, Иван Иванович Лобода и др. Снова был сослан Спиридон Ерохин. Некоторые из них погибли, другим удалось выжить. Это время люди вспоминают как кошмар. Помнится рассказ нашего квартиранта, жившего с семьёй в нашей кухне. Фамилия его было Руденко, имени не помню. А вот его детей – своих сверстников, запомнил хорошо: старший Николай и младшая Нюра. Отец их был высококлассным мастером, выложил камнем бочкообразный погреб, который потом многократно спасал нас во время

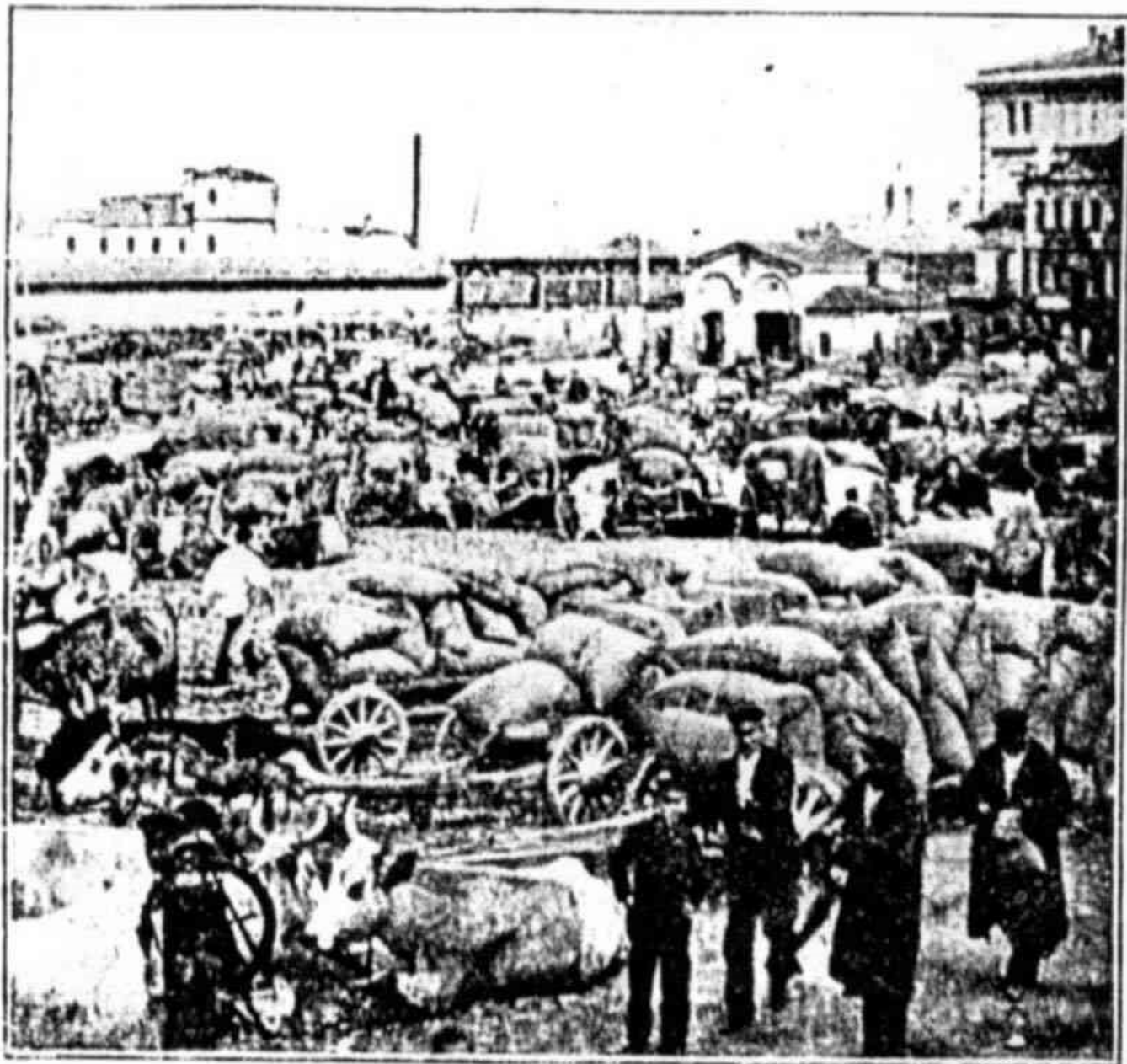
прохождения здесь линии фронта 1941-43 годов. Так вот, Руденко и его жена рассказывали, как они убежали из Покровского, и их не выслали: «Сообщили нам соседи, что в исполкоме намечено нас отправить в ссылку, раскулачить. Решили мы бежать. Собрались ночью, никому ничего не сказали, почти ничего не взяли, перекрестились, простились с коровой, с собакой, взяли детей и пошли пешком. Пока рассвело, - были далеко от села, а потом на попутных подводах добрались в шахтёрские посёлки. Там и жили, пока не прослышали, что люди возвращаются. Соседи потом рассказывали, как они слышали днём, что ревёт корова, скулит собака, увидели, что двери у нас открыты настежь, везде бродят куры. Пришли и нас не обнаружили. Теперь мы возвращаемся, но дом наш занят колхозом». Это было в 1939 году.

А один из бывших бригадиров вспоминает, как однажды надоевшего уполномоченного трактористы решили проучить. Дело было накануне жатвы, бригадир выжидал ещё день-два для созревания хлеба, но «вредный» уполномоченный требовал: начинайте и всё! Тогда один тракторист залез в бытовой вагончик, разделся до гола, весь обмазался мятыми вишнями и, как только туда сунулся уполномоченный, заорал не своим голосом. Орал, бился на нарах, разбрасывая вишнёвый сок. Уполномоченный вылетел, как ошпаренный – «Там сумасшедший!» - и только видели его длинные полы шинели, дал дёру через бугор. Не возвращался он недели две. Жатва проходила более спокойно.

Земля и хлеб крестьянам давались и не легко. Но что делать? Так было всегда, всегда за землю приходилось бороться.

ПРИАЗОВСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Таганрог был задуман и основан Петром I не только как военная крепость, но и как международный порт для внешней торговли. Уже в 70 – 80-е годы XVIII века выяснилось, что Таганрог является единственным населенным пунктом Юга России, пригодным для успешного развития внешней торговли. Торговля, как теперь говорят, есть двигатель прогресса. Одесса, Мариуполь, Бердянск, Ейск ещё не были основаны, а Керчь, Николаев, Херсон, Азов и Ростов в силу их географического положения и слабого уровня развития не могли обеспечивать в большом объёме заграничные перевозки.

До 60-х годов XIX века основными товарами, вывозимыми через Таганрогский порт, были икра, коровье масло, льняные и пеньковые изделия, уральское железо, сибирские меха, кожи. Только представьте себе! Железных дорог ещё нет, а уральское железо за тысячи километров везут сюда на воловьих возах, везут месяцами. С появлением железных дорог начали действовать другие черноморские и азовские порты. Таганрог стал основным экспортёром хлеба. Пшеница, - в основном знаменитая таганрогская «арнаутка», - прибывала в порт из Области Войска Донского и соседних губерний – Харьковской и Екатеринославской. Доставлялась она на возах. Только за один 1860 год в

Таганрогский порт пришло около 170 000 возов (каждый воз в среднем вмещал полторы тонны зерна). Беспрерывная вереница возов двигалась по почтовому тракту (улица Почтовая, ныне – им. Дзержинского). Одни возы, пыля и громыхая, двигались в сам порт, где поставщики зерна сдавали его экспортёрам, другие возы останавливались на въезде в город, где крестьяне, а привозившие зерно были в основном ими, сдавали зерно местным ссыпщикам.

Через Таганрогский порт было продано за границу:

- в 1856 году – пшеницы 653 490 четвертей, ржи – 6 570 четвертей;
- в 1865 году – пшеницы 693 036 четвертей;
- в 1868 году – пшеницы 1 458 427 четвертей;
- в 1870 году – пшеницы 1 952 455 четвертей;
- в 1875 году – пшеницы 980 808 четвертей, ржи – 55 692 четвертей;
- в 1880 году – пшеницы 370 971 четвертей, ржи – 16 920 четвертей;
- в 1895 году – пшеницы 1 256 242 четвертей, ячменя – 687 671 четвертей.

Цены на пшеницу были более-менее стабильными, - 4 руб. за одну четверть. Четверть по весу была приблизительно равна 24 пудам, т.е. около 400 кг. Таким образом, за один рубль можно было купить около 100 кг пшеницы. Количество зерна, ежегодно продававшегося за границу, зависело от урожайности и регулировалось государством. Известно, что ещё в 1800 году император Павел I запретил вывоз зерна отовсюду, кроме Таганрога. Таганрогу было разрешено продавать зерно за границу потому, что оно поступало в то время из Воронежа и Тамбова, где не было неурожая.

Сортировка зерен для посева. По фот. В. Юницкого.

Розничная торговля в середине XIX века в Таганроге осуществлялась, в основном, через базары и лавки, а оптовая – через магазины (в 1860 году в городе насчитывалось уже 146 магазинов и 279 лавок). Два раза в год в городе проходили ярмарки: 9 мая – «Никольская», 15 августа – «Успенская», разворачивавшиеся на территории нынешних рынка «Торговый ряд» («Радуга») и привокзальной площади. На ярмарки съезжались люди из окрестных сёл и других городов. Чего здесь только не было! Крестьяне везли продукты, часто отрывая их от скудного семейного стола ради возможности выручить наличную копейку. Мастерские продавали свои поделки, мещане шныряли в поисках чего-нибудь дешёвенького. Находились и купцы-кутилы, потешавшие публику. Рассказывают, один из таких купцов, бывало, скупает у крестьян молоко, «закваску» (кислое молоко) и выливает его из кувшинов в большой мешок (матрац), лежащий на возу. Сыворотка течет из всех пор, лошадь понуро плетется, собаки следом бегут целой стаей, детвора улюлюкают... Бывали и другие курьезы.

Внешняя торговля заключалась не только в экспорте товаров, но и в их импорте. В город привозились товары, которые сосредотачивались в оптовых магазинах организовавшейся на берегу моря (район нынешней Каменной лестницы) «Купеческой биржи», откуда они развозились по всей стране. Ко второй половине XIX века существовало уже 82 оптовых магазина, в городе насчитывалось 750 купцов, а всего населения проживало более 18 000 человек, из них около 500 личных и потомственных дворян. В 1913 году основную часть вывоза за границу составлял хлеб. В Таганроге было 10 экспортных контор, 35

комиссионерств и агентств иностранных и русских обществ, 11 ссыпщиков хлеба. Население уже составляло около 70000 человек.

Характерно, что за 50 лет при общем росте населения в 3,5 раза, число дворян увеличилось вдвое, крестьян почти в 20 (!) раз, мещан – осталось на прежнем уровне, а купцов уменьшилось (!) в два раза. Мелкие купцы разорялись, крупные богатели. Одним из видных представителей купечества был ссыпщик Яков Михайлович Дринберг. Начиная с того, что, скупая зерно у местных крестьян и мелких землевладельцев, ссыпал в большие амбары, расположенные на Чеховской улице на въезде в рынок, там же его перерабатывал, очищал,

сортировал и перевозил в порт для продажи за границу.

На полукруге Чеховской (до 1904 года она называлась Александровской) улицы, за базаром между Гоголевским (бывшим Ярмарочным) и Смирновским (бывшим Кладбищенским) переулками в 1898 году Якову Михайловичу принадлежали большие подворья домов № 133 и 135 (квартал 56) (теперь там находится мастерская по ремонту автомобилей) и в доме № 136 (квартал 55) (ныне там располагается МУП «СДРСУ»). Номера домов указаны по старой нумерации. В тот же период на продолжении Чеховской улицы, за Смирновским переулком, в квартале 43 под номером 149 Я.М. Дринбергу принадлежал дом, в котором теперь разместилась фирма «Зеленый мир» (Зеленхоз), магазины «Флора» и «Инструменты». Во дворе этого дома амбары для хранения зерна сохранились до сих пор и используются торговыми фирмами под склады. Тогда же Яков Михайлович приобрёл ещё одно подворье для ссыпки зерна в соседнем 57-м квартале - дом №61 по Кладбищенскому переулку. Теперь там жилые дома.

По рассказам мужиков из села Ряженого нынешнего Матвеево-Курганского района, Яков Михайлович был добрейшим человеком. Он и его приказчики устанавливали закупочные цены на хлеб более сносные, чем другие скупщики;

пока зерно разгружалось, бесплатно кормили крестьян в устроенных тут же харчевнях. Это было очень кстати, - ведь воловьи возы часто двигались к городу почти целый день, - без еды не обойтись. Яков Михайлович лично знал каждого поставщика, - выходил на встречу, приветствовал, справлялся о здоровье, приглашал в харчевню и распоряжался, куда разгружать воз. Цены обычно были оговорены заранее. Зачастую всё это происходило так: на приветствие мужиков он слегка склонял голову и спрашивал: «Как доехал, Степан Петрович? Как здоровье, Кузьма Михайлович? Пожалуйста перекусить». Крестьяне благодарствовали и усаживались за длинные столы с ароматными борщами.

Грузчики после тщательной переработки грузили зерно на другие, теперь уже конные возы, и драгили везли его в порт на Купеческую биржу. Там заключались сделки с иностранными покупателями, и зерно грузилось на пароходы.

Крестьяне относились к Якову Михайловичу с большим уважением. Они уезжали с деньгами, довольные сдачей зерна на его ссыпки. Дринберг и сам проживал с семьёй в домах с амбарами, где были сосредоточены ссыпки. Постепенно Яков Михайлович богател, расширял торговлю, купил ещё несколько подворий: дом мещанина Якова Тимченко стоимостью 4 000 рублей – на Кольцовской улице, № 78, квартал 58, а на Купеческой бирже недалеко от Депадьдовской (ныне - Каменной) лестницы – дома № 28 (стоимость 400 рублей) и №№ 29, 30 (общей стоимостью 4 800 рублей).

Вскоре выяснилось, что его торговле сильно мешают так называемые «кулашники», которые стали встречать возы с зерном на въезде в город и принуждать крестьян к невыгодной для них продаже (по дешёвой цене), а затем перепродавать зерно богатым экспортёрам. Яков Михайлович тут же купил у Дениса Василенко дом № 55 в районе, примыкавшем с западной стороны к Почтовой улице, перестроил его и организовал там пункт приёма зерна. В 1913 году это здание уже оценивалось в 6 000 рублей. Для расширения торговли и этого оказалось мало.

К тому времени Яков Михайлович перестал лично встречать возы, - этим занимались приказчики, отпала и необходимость жить с семьёй непосредственно на своём «производстве». Он покупает огромный дом № 53 в 117-м квартале по Александровской (так она стала называться с 1904 г., до того – Монастырская, в Советское время – им. Свердлова) улице. Этот дом имеет свою историю. «...В 30-е годы XIX века здесь находился одноэтажный с мезонином купеческий дом. Но в 60-е годы здесь было выстроено двухэтажное здание, в котором в 1863 году открылся городской общественный банк» (М. Киричек. Таганрогская правда. «В окружении банков»). Затем его выкупает греческий подданный Микели, перестраивает в 1870 году, а в 1898 году он уже числится за его женой Феодорой Микели. Оценивался тогда этот дом в 4 000 руб.

Яков Михайлович Дринберг расширяет подворье, приспособливает под ссыпки зерна и доводит его стоимость к 1913 году до 26 000 руб. Квартиры сдает в аренду жильцам. Затем он покупает дом №7 (квартал 75) с огромным подворьем на Гимназической (ныне – Октябрьской) улице, принадлежавший надворному советнику Константину Христофоровичу Россето, стоимостью 2 500 руб. Подворье также использует под ссыпки зерна, а в доме располагается сам с семьей. В 1913 году этот дом уже стоил 8800 руб. В настоящее время это подворье частично занимает 3-я городская больница, частично – обувная фабрика.

Ещё один дом № 68 (квартал 89) на Александровской улице (бывшее владение греческого подданного Аристада Афанасьевича Папагеоргопуло) числится за женой Якова Михайловича Любовью Григорьевной Дринберг.

В 1916 году дом №53 (квартал 117) на углу Александровской улицы Яков Михайлович продал Петербургскому международному коммерческому банку за 28 000 руб. В Советское время там располагались различные учреждения, в том числе: средняя школа №16, вечерняя школа №7 (для лиц с нарушениями слуха и речи), ремесленное училище №5. Сейчас это огромное здание с большим подворьем принадлежит Таганрогской таможне.

У Дринберга был целый ряд постоянных поставщиков зерна: хуторяне и колонисты близлежащих Матвеево-Курганской, Милость-Куракинской, Сарматской волостей – Богатырев, Гармаш, Добрица, Косоротов, Богомаз, Нечепуренко, Панченко и другие. Некоторые поставщики приезжали и из других – сравнительно удаленных волостей Таганрогского округа. Более крупные землевладельцы - такие, как Денисенко, Броневский, Шаронов, Соколов, Федотов, Мазаев, Шабельский и др., - поставляли зерно прямо в порт, работая через экспортные конторы.

Хлеб, конечно, шел не только на экспорт, - основная его масса шла на внутренний рынок для горожан и личное потребление крестьян. В Таганроге существовали крупнейшие мукомольные мельницы, - такие, как паровая мельница Алфераки. На остальной территории округа мукомольные мельницы были почти в каждой слободе. Так, в Аграфеновке было две мельницы – братьев А. и И. Борисовых и О.А. Белоусова; в Голодаевке (ныне - Куйбышево) мельницей владел В.С. Гринь; в Алексеевке – наследники Г. Афончикова; в Успенке – Г.А. Бишлер; в Лысогорке – В.Г. Иванов; в Александровке – М.Н. Иловайский; в Больше-Крепинской – И.И. Козлов и Ларионовы; в Мариновке – В.А. Серегин, П.Н. Степанов, А.С. Чехов; в Ряжене – А.В. Денисенко (водяная и две паровых).

Кроме упомянутых ранее ярмарок в Таганроге, зерновыми продуктами торговали на ярмарках в крупных селах: Покровском – 1 октября, Матвеевом Кургане – 29-30 июня, Ряжене – 20-23 апреля и 26 октября и в других. Особенно широко торговля зерновыми товарами была развернута в Успенской. Там торговали: Вертела Пётр, Косенко Илья, Левченко Дионисий, Ляшов Василий, Маныч Ефим Григорьевич, Родионов Алексей, Режко Григорий Дмитриевич, братья В. и М. Штольц и М. Дрейлинг.

В городе и округе процветала и рыбная торговля. Существовал специальный рыбный базар (на нынешней Октябрьской площади), современная улица им. Энгельса называлась Рыбной. Азовская рыба пользовалась спросом не только на местных рынках, но и далеко за пределами округа. На рынке присутствовали достаточно крупные рыбопромышленники – такие, как Каменно-Варвацы, Алфераки, Лакиер. Они имели большие рыбоспелтные заводы в свих имениях. Более мелкие, как Шаронов Иван Иванович II-й, имели заводы на территории города. Шаронов, кстати, и жил на Рыбной улице.

Особенно распространен был подледный лов, на него устремлялись тысячи горожан и крестьян из ближних сел. По свидетельству мужиков из Ряженого, занимавшихся извозом рыбы и прасольством, на азовский лед сходились крестьяне и съезжались огромные обозы из дальних мест. Возле каждого невода возникали целые базары. В море было много крупной рыбы, и даже очень крупной, - такой, как осётр, севрюга, белуга. Рассказывают, что как-то один ряженский крестьянин подрядился лошадьми вытаскивать неводы, и огромная белуга чуть не утащила в прорубь лошадей. Острые подковы резали лед и скользили к проруби. Мужик только и успел перерубить канат. Позже эту белугу вытащили в другом месте, - она намотала на себя много неводов.

В городе и сёлах Таганрогского округа активно торговали и другими товарами. Бакалейные, галантерейные, кожевенные, мануфактурные лавочки были густо разбросаны по всему округу. Кроме города, лавки существовали в следующих населенных пунктах: четыре в слободе Алексеевка, в Аграфеновке, Лысогорке, Александровке, Советке и Ряжене – по три, в Голодаевке – двадцать две, в Больше-Крепинской – восемь, в Мало-Крепинской – шесть, а также в других сёлах. Чем ближе располагалось село к городу, тем меньше в нем было лавочек, - крестьяне могли легко пользоваться городскими магазинами, базарами и лавками.

В одном очерке не представляется возможным подробно рассказать обо всей торговле в округе, поэтому мы ограничились самыми характерными моментами и для примера рассказали только об одном самом популярном ссыпщике - Якове Михайловиче Дринберге. У него было более десятка приемных пунктов и жилых домов, разбросанных по городу. Было, конечно, много и других ссыпщиков и хлеботорговцев, таких, как Д. Неграпonte, А. Дрейфус, Бесчинские, Сифнео.

В настоящее время Таганрог продолжает торговые традиции. Рынок на территории стадиона «Радуга», привокзальные рынки, «Центральный» и «Старый» базары, рынки «Николаевский», «Русское поле», даже самый новый - «Простоквашино», целыми днями, многие без выходных, кишат народом, идет торговля. Люди активно занимаются, в современном выражении, «бизнесом».

ПАН БРОНЕВСКИЙ

У донского атамана Иловайского было несколько дочерей, и, выдавая их замуж, он давал им в приданое часть земли, полученной от Императрицы Екатерины II за боевые заслуги. Одним из зятьев Иловайского был Алексей Богданович Броневский, получивший землю и обосновавший родовую усадьбу у села Ряженое, точнее, у той его части, которая стала называться Новоселовкой.

Броневский до этого служил на флоте, затем в кавалерии, а дослужившись до чина полковника, вышел в отставку и поселился в Таганроге, близ своего имения.

Сохранились о нем исторические сведения, приведенные в книге "История города Таганрога" П. П. Филевского.

В 1851 году Броневский был председателем Таганрогского коммерческого суда, членом попечительства Николаевского детского приюта. В 1855 году, во время так называемой Крымской войны, когда англо-французский десант пытался с моря штурмовать Таганрог, статский советник Броневский, несмотря на свои 70 лет, явился в первый день бомбардировки города в войска и мужеством своим ободрял молодых воинов.

26 августа 1856 г., по окончанию войны, недавно заступивший на престол император Александр II пожаловал Таганрогу грамоту за заслуги в обороне города. Грамоту в город привез граф Сиверс и 27 августа вручил ее исполнявшему тогда обязанности градоначальника Броневскому в его квартире в присутствии других высокопоставленных чинов.

Судьбе было угодно, чтобы пути внука Броневского и Его Величества Александра II впоследствии пересеклись при трагических обстоятельствах. Но об этом - ниже.

Усадьба Броневского в Новоселовке занимала около пяти гектаров земли; в ней были красивый кирпичный дом, покрытый железом, фруктовый сад, ухоженные аллеи. Вокруг нее были высажены дубы и вырыт глубокий ров, следы которого видны до сих пор. За усадьбой стали селиться крестьяне, беглые из Украины, в основном, из Полтавского уезда. Крестьяне обрабатывали землю Броневского и служили в его имении. Здесь появились такие фамилии, как Андриенко, Богомаз, Денисенко, Косяченко, Красуля, Новак и другие. Их потомки живут там и до сих пор.

Новый поселок стал называться Новоселовкой №2, а в простом обиходе "Броневкой", по имени хозяина барской усадьбы Броневского. И жителей этого поселка тоже стали называть "броневцами".

В последней четверти XIX века сын Броневского - основателя усадьбы - Алексей Алексеевич, получивший образование агронома, с особым старанием занимался садом, так и называвшимся жителями поселка "панским садом". Он посадил в этом саду лучшие сорта яблонь и груш, привезенных из заграницы; кусты сирени; вдоль рвов, как живую изгородь, люцию, тогда только появлявшуюся в России. Нанял садовников и сторожей из числа крестьян, поселившихся возле усадьбы.

Самым ближайшим подворьем возле изгороди сада было подворье одного из сторожей-садовников Петра Михайловича Богомаза, слывшего весьма строгим и скупым хозяином, преданным порученному ему делу и своему барину Броневскому. Рассказывают, что свою внучку Стешу, которая приносила ему обед, Петр Михайлович встречал на меже сада у калитки, забирал обед и иногда давал ей несколько поднятых с земли полугнилых плодов, но никогда не позволяя сорвать свежих плодов - ведь они были не его, барские.

Сам барин, Алексей Алексеевич Броневский, находился, в основном, в Таганроге, где служил младшим нотариусом по городу Нахичевани-на-Дону в нотариате Таганрогского окружного суда. В этот округ тогда входили суды городов (кроме Таганрога): Ростова, Азова, Нахичевани, а также прилегающих волостей.

Валерьян Алексеевич, уже внук Броневского - основателя усадьбы - родился в 1858 году в Таганроге. На учебу был отдан в столицу, где и учился в университете.

В то время, а именно в 1880-х годах, в Петербургском университете училось много передовой молодежи, впоследствии сыгравшей значительную роль в

развитии науки, культуры, философии не только России, но и всего мира. С этого времени начинается самостоятельная жизнь, полная драматизма, молодого бунтаря - Броневского В. А. Надо сказать, что под влиянием французских, немецких и русских мыслителей последняя четверть XIX века в России стала временем бурного распространения социалистических идей. Студенчество также было увлечено модными течениями.

По всей стране стали возникать тайные общества, ставившие своей целью борьбу с правительством за переустройство общества, улучшение жизни простых людей. Но пути улучшения жизни разными обществами и разными группами виделись по-разному, и не все они приводили к желаемым результатам.

Так, осенью 1876 года возникла "Северно-Революционная народническая группа", позже получившая название "Земля и Воля". Ядром этой группы в Петербурге был "основной кружок" (около 30 человек). Общество ставило своей целью готовить народ к восстанию и делилось на группы: "деревенщики", действовавшие в крестьянстве, "рабочая группа", действовавшая в рабочих районах Петербурга, и "интеллигентская группа", проводившая работу среди студенчества. В последнюю входил и Броневский В. А. Между этими группами шли постоянные споры и дискуссии о путях переустройства России, о методах борьбы, о целях этой борьбы. Большое внимание уделялось непосредственно физическому устранению "неудобных" министров и политических деятелей, создавались специальные террористические группы.

Основная борьба развернулась между лидерами групп Плехановым и Желябовым. Плеханов был против террора, за усиление революционной деятельности в народе. Желябов же считал, что работа в деревне при отсутствии политических свобод бесплодна, что нужно устранять деятелей, препятствующих получению народом этих свобод.

В. А. Броневский в 1877 году, будучи студентом, вступил в организацию "Земли и Воли", а когда 15 августа 1879 года произошел раскол этой организации на две самостоятельные - "Черный передел" и "Народная Воля", Броневский вместе с Желябовым, Софьей Перовской, Степаном Халтуриным и другими вошел в "Народную Волю". Эта группа наряду с пропагандистской работой занималась подготовкой и осуществлением террористических актов. Следовали одно за другим покушения на видных государственных деятелей, в том числе, и на самого Государя.

За участие в подготовке террористических актов, приведших к убийству Александра II, в 1880 году Броневский был арестован и осужден на 4 года тюремного заключения. Просидев в Петропавловской крепости около полутора лет, по ходатайству своего отца, потомственного дворянина, был административно выслан на 4 года в Сургут Тобольской губернии. Длителен был путь из Петропавловки по знаменитой Владимировке в Тобольскую губернию. Он мужественно прошагал тысячи километров, мерз, голодал, терпел побои, изнемогал от усталости. Но дух его не был сломлен. После отбытия ссылки он эмигрировал за границу. К сожалению, материалами о его жизни за границей мы не располагаем, но надо полагать, что там он поддерживал связь с единомышленниками среди русской эмиграции.

Пришел новый, полный драматизма, 1905 год. Бурные события захлестнули вновь всю страну. В Петербурге и других городах революционная борьба привела к организации первых Советов рабочих депутатов. Броневский В. А. возвращается в Таганрог, поступает на Котельный завод бухгалтером. Здесь он постепенно становится любимцем рабочих, которые с большим интересом слушали его беседы, а он старается использовать приобретенный в столице опыт

пропагандиста. Вокруг него стали возникать целые кружки. Надо сказать, что он был скромным, интеллигентным человеком, но в трудное время - решительным, не переваливавшим ответственность на других.

Его соратники и сотрудники по Котельному заводу вспоминали: "Останапливаясь на избрании В. А. Броневского в Совет рабочих депутатов, следует прежде всего отметить, что Броневский является народовольцем и сподвижником Степана Халтурина, уже успевший побывать до 1905 года в ссылке; вернувшись в Таганрог, он поступил в бухгалтерию Котельного завода, тем не менее он был настолько скромен (или по другим каким причинам), что до октября месяца среди рабочих масс имя Броневского не фигурировало как революционера и даже организации С.-Д. совершенно был не известен. И только после царского манифеста 17 октября (в котором были провозглашены уже более прогрессивные принципы - основы гражданской свободы в виде неприкосновенности личности, свободы слова, собраний, обещания созвать законодательную Думу - прим. автора) Броневский, выступая на собраниях рабочих Котельного завода, а затем и на других, как например в "Сампомощи" (название клуба приказчиков того времени, где устраивались митинги и собрания различных партий и союзов - прим. автора), сообщал свои автобиографические черты из революционной жизни, и с тех пор для рабочих масс имя Броневского стало известным..."

19 октября 1905 года рабочие Котельного завода бросили работу и объявили забастовку, предварительно выделив заводской Совет старост, куда вошел и служащий Броневский. А 10 декабря Таганрогская организация С.-Д. выдвинула его во вновь избранный первый Совет Рабочих Депутатов, где он и занял пост секретаря Совета. Председателем Совета был избран член С.-Р. Александр Треков, его заместителем - Борис Оловягин.

Заседания Совета проходили ежедневно в здании железнодорожного театра, проходили бурно и непрерывно, и только громоподобный голос Михаила Копылова (по кличке "Бур"), поддерживающего порядок в здании, перекрывал ораторов, когда на сцену к трибуне пытались прорваться вне очереди.

Деятельность Совета настолько быстро стала разрастаться, что вести о "Новой власти" дошли до крестьян, и они ехали, по словам Оловягина, в город за разрешением земельных споров с помещиками. Население города шло также в Совет, как к новой власти. Полиция бездействовала. Железнодорожное руководство обращалось в Совет за содействием в отправке застрявших поездов, Государственный банк предлагал взять на хранение кассу.

Вот что рассказывает об этом сам В.А. Броневский: "Самый крупный промах Совета заключался в отклонении предложений делегатов Государственного банка принять на хранение его кассу в 2 или 3 миллиона. Государственный банк сделал это по настоянию Донского земельного банка, который боялся за свои вклады и сперва посылал к Совету своих делегатов, надоедая, чтобы Совет сам потребовал на хранение кассу от Государственного банка, таково было доверие к Совету. На ходатайство Донского земельного банка о нажиме на Государственный банк, последним было указано, что Совет сам знает, что ему делать, но когда посольство от Государственного банка настаивало все же принять кассу, - в этом ему было отказано."

А тем временем жандармерия готовилась к битве. 11 декабря главноначальствующий города Таганрога полковник Шмидт объявил в городе чрезвычайное положение. 16 декабря в 8 часов утра со стороны Марцево в город вошли войска, окружили здание Совета. Многие члены Совета были арестованы, председатель Треков внезапно бежал в Ейск, а затем за границу. Броневский

укрылся на заводе под охраной рабочих. Совет был обезглавлен и обезоружен. Но бунт разрастался, страсти накалялись.

17 декабря (1905 года) рабочие Котельного завода, организовавшие накануне боевую дружину, решили выступить на защиту бастовавших рабочих Металлургического завода. Они отобрали оружие у полицейских, сгруппировались в отряды. Участники этого выступления вспоминали: "При обсуждении вопроса (идти или не идти к Металлургическому заводу), Броневский стал доказывать, что бесполезны будут жертвы и пролитие крови, т. к. у нас нет никакого оружия, и мы не сумеем дать определенного указания и т. д. (После многих лет участия в делах "Народной Воли" он, очевидно уже понимал, что простые террористические акты и возникающие бунты не могут иметь какой-либо перспективы - прим. автора). Другие же ораторы призывали не слушать Броневского, называя его "трусом". Тогда Броневский (не видя другого выхода) заявил: "если так, я иду впереди, но все же это будет бесполезно и напрасные труды".

И вот, дружина двинулась к Металлургическому заводу, где у ворот выстроился отряд казаков. Во главе плохо вооруженных рабочих шел Броневский с двумя "Смиттами" в руках (револьверы системы "Смитт-Виссон"). Толпу обогнала казачья двуколка, и вслед раздались выстрелы. Казаки открыли огонь, сначала поверх голов, затем в толпу. Толпа в панике стала разбегаться.

После второго залпа были тяжело ранены секретарь Совета Броневский, рабочий Котельного завода Иван Королев и Сухачев. Другие были ранены легко и смогли убежать. После, когда стрельба утихла, оставшиеся рабочие из ближайшего двора взяли подводу и подобрали раненого Сухачева, а Королев и Броневский, как лежавшие ближе к воротам, были подобраны позже и привезены в больницу "Красного Креста". Там Королев умер, а Броневскому сделали операцию, извлекли пулю из затылка и приставили к его палате двух полицейских.

Однако вскоре Броневскому из тюремной больницы удалось бежать. Его товарищи рассказывали, что "усилиями организации С.-Д. через своих членов Ивана Миронова, Хижнякова и др. Броневский был выкраден с еще незажившей раной из "Красного Креста". Им помогали Мария Питерина, Ольга Броневская, Василий Иванов и др." А сам Броневский описывает свой побег следующим образом.

"19 января 1906 года жена, придя ко мне днем, сообщила, что накануне в рабочем клубе жандармы сделали обыск и отобрали веревочную лестницу и что надо бежать сегодня же, что она с дочерью придет ко всенощной и принесет все, что нужно. Во время обеда я осторожно подрезал столовым ножом замазку у оконных рам, легко и бесшумно вынул двойную раму и опять поставил ее на место. Во время всенощной (церковь была рядом с моей камерой) пока городовые молились (очевидно, чтобы я не убежал), жена с дочерью принесли мне веревку с узлами, крюк с винтовой нарезкой и сверло. Мы с женой просверлили в полу под кроватью дыру и ввинтили крюк, чтобы привязать к нему веревку. Я должен был, по условию, отворить окно, зажечь спичку и, когда у соседнего двора, где жили Игнатьевы, мне ответят тем же, привязать веревку к крюку, опять зажечь спичку и после ответа со спичкой лезть в окно.

После всенощной жена и дочь, помолясь для вида, ушли. Принесли ужин и, когда все затихло после ужина, все произошло так, как было по условию, очень удачно. Лезть пришлось со второго этажа сначала на пристройку, а затем с нее на землю. Когда я спустился на пристройку и лез по крыше, держась за веревку очень длинную, крыша очень сильно гремела, но я живо с нее спустился и бежал."

По словам Миронова, Броневского ночью отвезли на частную квартиру. Прежде, чем сразу же перебросить его в Харьков, как предполагала организация,

пришлось около недели подлечить. С тем, чтобы полиция не нашла следы, его переводили с квартиры на квартиру. Через неделю, тщательно загримированного, его удалось направить в Харьков.

По дороге на вокзал он видел расклеенные объявления с его портретами и требованием выдать преступника за вознаграждение.

Полковник Шмидт телеграфно сообщил жандармскому подполковнику, находившемуся тогда в Харцызске: "Бронеvский ночью ушел. Полковник Шмидт." Департамент полиции немедленно прислал Донскому жандармскому управлению предложение принять самые решительные меры к розыску Бронеvского.

Арестованных членов Совета в Таганроге судила Новочеркасская выездная палата, но из-за недостаточности улик оправдала, т. к. сви детели под угрозой расправы со стороны дружинников, находившихся на свободе, отказались от своих прежних показаний. Прокурор опротестовал приговор.

Бронеvский же в Харькове вступил в партию С.-Р., устроился с помощью товарищей по партии в лабораторию взрывчатых веществ и работал там под кличкой "Иван Алексеевич".

Там же, в развалинах одного дома на окраине города, в свободное от работы время, Бронеvский изготовлял бомбы и начинял их взрывчаткой, принесенной из лаборатории. Обычно вход этой "мастерской" сторожила собака, тщательно натренированная на подачу предупредительных сигналов. Но жандармам удалось выследить "Ивана Алексеевича", обезвредить собаку и внезапно ворваться в "мастерскую".

- Что ты делаешь ? - спросили его.
- Готовлю гостинцы, - ответил Бронеvский.
- Для кого ?
- Для вас.

Его схватили, надели наручники и вскоре препроводили в Киев.

Судил его Киевский военный суд 15 января 1907 года за принадлежность к партии С.-Р. и хранение взрывчатых веществ. Приговорен Бронеvский был к 4-м годам каторги.

А в Таганроге 4 мая 1907 года началось следствие по делу боевой дружины, тогда же был предъявлен обвинительный акт членам дружины, в т. ч. и Бронеvскому. Его привезли в Таганрог, закованного в кандалы и наручники. В вокзале он обратился к народу с просьбой отозваться, есть ли кто из Новоселовки. Отозвался Аким Федорович Новак, который часто работал у Степана Петровича Богомаза, сына садовника Бронеvских. Бронеvский сказал: "Передавайте привет всем мужикам из Новоселовки, скоро и к ним придет лучшая жизнь."

28 июня 1907 года сенатом был назначен повторный суд. Вновь были арестованы Оловягин и Старцев. Свидетели были те же, что и в 1906 году, защитником был тот же толковый, грамотный присяжный поверенный Золотарев. В делах жандармерии сохранилось свидетельское показание Ильи Мельникова, "который удостоверил, что около 9 часов утра 17 декабря 1905 года вблизи Металлургического завода он слышал, как Бронеvский говорил собравшимся у лавки рабочим, чтобы они шли домой и забирали оружие, а спустя некоторое время к Бронеvскому подъехали два неизвестных и передали ему какой-то сверток. После этого Бронеvский, обратившись к толпе, сказал: "Товарищи, говорите, какой системы у вас револьверы и получите патроны," причем стал раздавать патроны."

На этот раз Золотареву не удалось отвести обвинение. Следствие закончилось. И уже в 1908 году Новочеркасская выездная судебная палата в

Таганроге приговорила Броневского за нападение на казаков к 3-м годам исправительного дома. Это был его второй суд.

В третий раз - в том же году, тем же судом, там же был приговорен в ссылку на поселение. Определение палаты было следующее: "...лишенного прав состояния ссыльно-каторжного В.А. Броневского сослать на поселение, каковое наказание считать поглощенным наказанием, коим он осужден приговором Киевского военного суда, состоявшимся 15 января 1907 года и вступившим в законную силу, почему настоящий приговор в отношении его личной ответственности не проводить."

Наказание Броневский отбывал в исправительном доме Новочеркасска до 1909 года, а в 1909 - 1910 -х годах в Александровском центре. В 1910 году был водворен на поселение в Манзурскую волость Иркутской губернии, в 1913 - 17 годах жил в Иркутске.

После Февральской революции Броневский вернулся в родные края, некоторое время жил в родовой усадьбе в Новоселовке, оставленный семьей, затем в Таганроге.

В период германской оккупации города Таганрога и его окрестностей в 1918 году старые товарищи по партии С.-Р. (до вступления Броневского в партию С.-Д.) выдвинули его кандидатом в Городскую Думу. Но, к счастью, оккупация продолжалась недолго, и Броневский никакой деятельности, как кандидат, не проявлял.

Зато его дочь Софья, в отличие от своей сестры, которая помогала с матерью побегу из тюрьмы, будучи пленной сестрой милосердия в I-ую мировую войну, вышла замуж за немца. Она с мужем появилась в Новоселовке и пыталась устанавливать новый порядок на старый лад и пороть непокорных крестьян.

Под руку ей попал и Дмитрий Авксентьевич Богомаз, внук преданного Броневским садовника Петра Михайловича. Дмитрий Авксентьевич был дома на излечении после ранения. Он сказал Софье Валерьяновне: - "Ваш отец боролся за рабочих и крестьян, а Вы теперь устраиваете расправу." - "Ну что же, - ответила Софья, - скажите спасибо, вас спасло ваше хлебосольное гостеприимство, которое вы оказывали нам, приезжавшим из Таганрога на дачу. Ваш дед и отец исправно служили в нашем поместье. Это вас спасло. Скажите спасибо."

Осенью того же года германские войска покинули оккупированные Таганрог и прилегающие районы. Но вокруг уже бушевали бои Гражданской войны. Софья Броневская с мужем покинули Новоселовку.

После установления советской власти В.А. Броневский вернулся к активной деятельности. Он занимал последовательно ряд ответственных постов. 29 мая 1923 г. исполком Уездного Совета принял решение о создании городской архивной комиссии. В неё вошёл и В. А. Броневский, который занимался упорядочением и систематизацией разрозненных архивов, чем принёс большую пользу городу. Будучи персональным пенсионером, вел большую общественную работу. Как и его дед и отец, он был большим патриотом своего города, прекрасным лектором. Его живые, остроумные доклады в залах Чеховской библиотеки и аудиториях учебных заведений любила молодежь. Его любовно называли "Дедушкой Броневским". Часто он сопровождал многочисленных экскурсантов при осмотре Таганрогских музеев и достопримечательностей города. Был он членом "Всероссийского общества политкаторжан" и первым старостой Таганрогской группы, активным членом профсоюза работников просвещения.

Но силы В.А. Броневского, подорванные многолетним пребыванием в тюрьмах и ссылках, с возрастом таяли, что привело к тяжелой, продолжительной болезни. А 12 января 1928 года на семидесятом году жизни его не стало.

Похороны В.А. Броневского стали трауром для всего Таганрога. Вот как описывает их городская газета "Красное знамя".

"Вот этот неутомимый, кипучий человек - лежит неподвижно на возвышении в большом зале Краеведческого музея. Возле гроба, утопающего в знаменах и венках, - почетный караул, сменяющийся каждые пять минут. К часу дня гроб выносят к подъезду здания. Кругом толпа тысяч в пять человек. Тут и воинские части, и подшефная Таганрогской группе политкаторжан Трудшкола N 4, группы просвещенцев, членом профсоюза которых состоял тов. Броневский.

У подъезда происходит гражданская панихида. С речами выступают представители политкаторжан, исполкома, горсовета, окружкома, совпрофа и других организаций. Процессия растянулась на несколько кварталов. Три оркестра музыки непрерывно и поочередно играют похоронный марш. Так Таганрог провожал тело тов. Броневского.

Похоронен он в первом районе кладбища (при входе - налево). Прощальные речи у могилы произнесли - рабочий, представители от Крайистпарта, Работпроса и общества политкаторжан."

В настоящее время на неухоженной могиле покоится покосившееся надгробье из серого бетона, на нем прикреплена доска из белого мрамора с надписью:

**Дорогому товарищу
В.А. Броневскому,
отдавшему полвека своей
жизни делу революции.
Род. в 1858 г., умер в 1928 г.
Таганрогская группа
политкаторжан**

После его смерти одна из улиц (бывшая Камышанская) была переименована в Броневскую. Рабочие Котельного и Металлургического заводов его помнили и чтители. Они вспоминали, как в первые послереволюционные годы он шагал в передних рядах первомайской демонстрации, проходившей по этой улице.

В 1937 - 38 годы ряд его сподвижников-политкаторжан был репрессирован за принадлежность к другим, "небольшевистским", партиям, за их, якобы, неправильные, методы борьбы со старым строем.

Заканчивая рассказ о Валериане Алексеевиче Броневском, сыне и внуке помещиков, связавшем свою судьбу с судьбами тысяч людей, искавших лучшей жизни и боровшихся за это, следует еще раз заметить, что он принадлежал к плеяде героев, которые были большей частью гонимы, чем поощряемы со стороны официальных властей. До революции 1917 года он подвергался преследованию и наказанию за то, что вообще боролся с произволом властей; после революции в тридцатые годы был предан забвению за то, что боролся не теми методами, как считали "рьяные большевики", на самом деле ничего не имеющие общего с коммунистическими принципами. Улицу, носившую его имя, снова переименовали, теперь в Социалистическую, в пятидесятых годах. Но в 1957 году репрессированных его соратников реабилитировали. Снова на какое-то время вспомнили и Броневского.

Жизнь его была полна драматизма и в общественных, и в семейных делах. Не все родные и близкие разделяли его взгляды, но все ценили его за прямоту, честность, порядочность, заботу о других.

В этом очерке не ставилась цель анализировать и делать оценку событиям прошедших лет с позиций нынешнего времени, просто хотелось раскрыть еще одну из страниц истории города Таганрога, а также села Ряженого, поселка

Новоселовки, связанную с фамилией Броневских - патриотов, служивших своему народу.

Ну, а родовая усадьба Броневских после революции пришла в запустение. Сад постепенно был вырублен, новых деревьев уже никто не сажал, фамильные склепы разрушены, и только непосредственно в доме шумела жизнь, но это была уже другая жизнь. В доме Броневских сначала располагались сельский совет и поселковая школа, затем только школа. На месте бывшего "панского сада" остались только рощи сирени, да люция по его периметру. Во время Отечественной Войны был разрушен и дом, и теперь там, на месте бывшей усадьбы, разместились более двух десятков вновь построенных домов сельчан с ухоженными, но небольшими, усадьбами. Поселки Новоселовка №1 и Новоселовка №2 соединились и превратились в части села Ряженого с длинными улицами Комсомольской и имени Кирова.

Правда, и сейчас еще можно услышать от старожил: "он живет на Броневке". Но молодежь уже не знает не только в Ряженом, но и в Таганроге, фамилию Броневских. А жаль! Броневские заслуживают того, чтобы о них помнили.

ДОМ ШАРОНОВА

Старожилы села Ряженого помнят красивый кирпичный дом на берегу Миуса, недалеко от моста, на нынешней улице Ленина. Этот дом принадлежал Шаронову. Он был покрыт железом; огромные с полудужьями окна смотрели прямо на каменную, с высокими шпилями, церковь. Двор церкви, обнесённый изящной оградой, занимал почти всю площадь в центре села, рядом с ним очень эффектно смотрелись ворота с лепной аркой дома Шаронова. Около дома находился флигель, где размещались прислуга и семья управляющего экономией. Усадьба с многочисленными постройками и садом, спускавшимся прямо к Миусу, занимала большое пространство.

Ещё большую территорию охватывали земельные угодья Шаронова, раскинувшиеся по одну и другую сторонам Миуса. На его землях было, кроме центральной усадьбы в селе, два хутора, называвшиеся именем владельца: один - между Колесниковым и Ряженым, у самой реки, а второй - в 8 - 10 километрах от Миуса, рядом с хутором Чёрный.

На первом из этих хуторов содержался, в основном, молочный скот, целая ферма. Ежедневно молоко, произведенное этой фермой, для отправки в город грузилось на поезд, останавливавшийся у "Шароновской площадки", специально устроенной по ходатайству Шаронова. Эта площадка существовала до 1930-х годов, известная как бывший старый "блочок" у хутора Гаевка. Работники фермы жили по преимуществу в этом хуторе, но некоторые приходили и из самого Ряженого.

У железной дороги, где сейчас остановочная площадка "Миусский", также были шароновские постройки для рабочего скота. Заведовал этим поголовьем Лободенко.

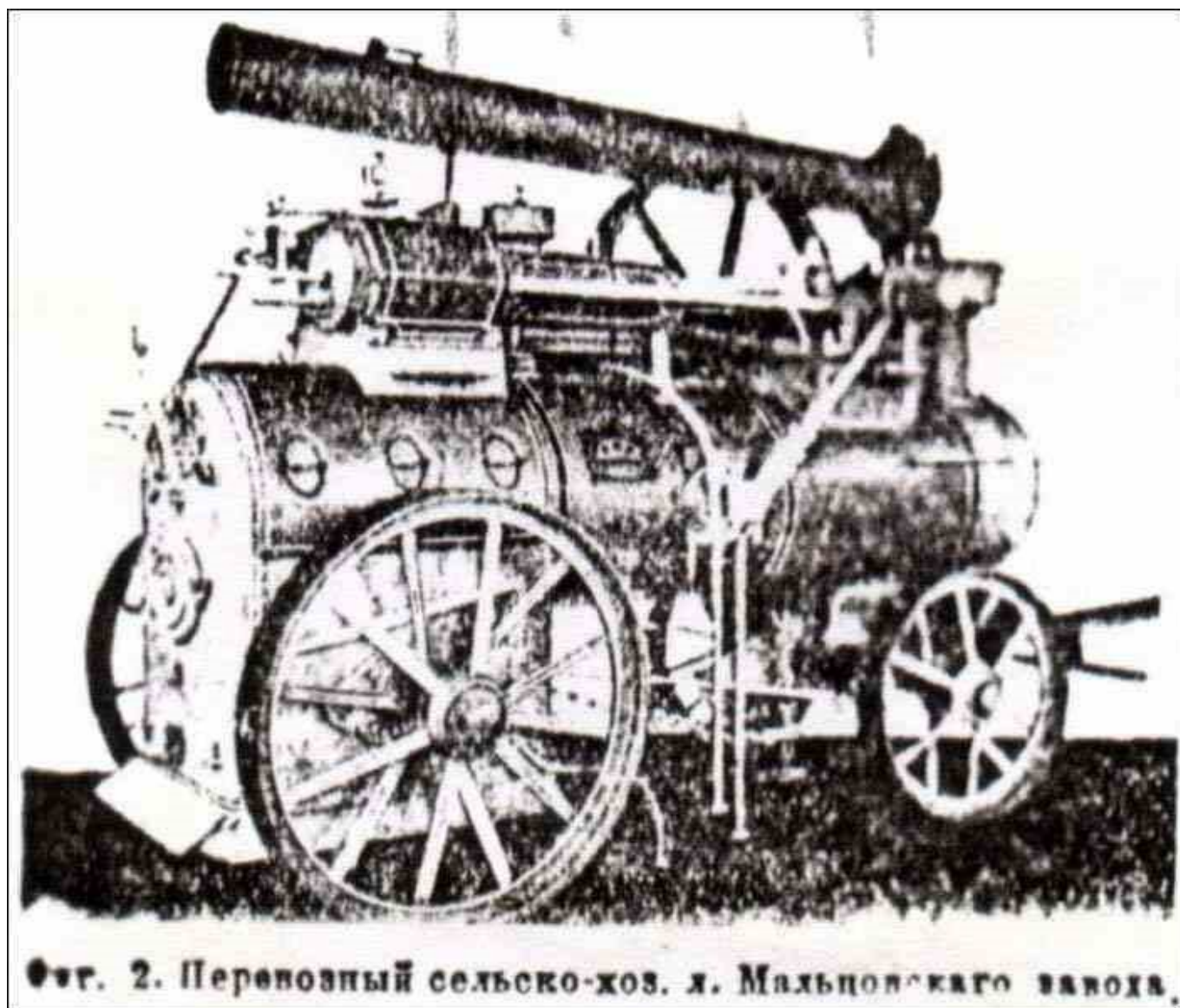
Второй хутор находился в центре пахотных земель. В 1912 году к нему отходило 340 десятин земли. Здесь был сосредоточен весь сельхозинвентарь: молотилка с паровым двигателем, косилки, телеги, плуги и т. д. Работники этого хутора трудились с утра до позднего вечера на огромных полях, куда периодически навещался сам хозяин - Шаронов Евгений Иванович - на своих выездных рысаках, запряжённых в дрожки. Его типичную для крестьянина фигуру в картузе, простых брюках и пиджаке, в высоких кожаных сапогах

работники узнавали издали. Он хорошо разбирался в сельском хозяйстве, хотя по образованию был адвокатом; сын таганрогского купца, Шаронов сам часто давал ценные указания работникам и управляющему. Он пользовался всеобщими любовью и уважением не только со стороны работавших у него крестьян, но и соседей по имению в Ряженом. Добрый и справедливый по натуре Евгений Иванович редко повышал голос, умел спокойно заставить любого прислушаться к нему.

Жена Шаронова слыла настоящей "барыней", - во всяком случае, таковой ей хотелось быть. С прислугой она держалась высокомерно, часто покрикивала. Носила дорогую широкую, свободного покроя, кофту, шляпу и ботинки на высоких каблуках. Когда она сердилась, а это бывало часто, то со стороны выглядела как распушившаяся наседка возле непослушных цыплят. В Ряженом так и говорили при случае: - "Что ты распушилась как Шарониха?".

Отец Евгения Ивановича, богатый купец, жил в Таганроге и был уважаемым человеком: в 1882 году его избрали попечителем начального училища. Умер он в 1903 году. На Старом кладбище в Таганроге до сих пор стоит огромный красивый памятник из шлифованного чёрного мрамора. Высокий постамент хорошо сохранился, а вот фигурная верхушка повалена; на ней виднеется чёткая надпись:

**Здесь покоится прах
Ивана Ивановича
Шаронова 1-го
умершего 1 августа 1903 г.
на 85 г. жизни**

Фиг. 2. Переносный сельско-хоз. л. Мальцовского завода.

Здесь следует пояснить, что в Таганроге проживали два Шаронова Ивана Ивановича - 1-й и 2-й. Первый, как уже сказано, был отцом ряженского Евгения Ивановича. Второй же занимался рыбным промыслом, был выходцем из крепостных, но довольно зажиточный человек, имевший в Таганроге по Екатерининской улице (ныне Энгельса) в 1916 году два дома общей стоимостью 9600 тогдашних рублей. Но это совсем "другая линия", по словам внука Ивана Ивановича 2-го - Владимира Петровича Шаронова. Хотя, вполне возможно, что эти линии где-то в прошлом имели общие корни.

Управляющим в Ряженской усадьбе Шароновых был Андрей Тимофеевич Снитко. Он вместе со своей семьей был привезен из Драбовского уезда Полтавской губернии крупным землевладельцем Бальва, поселившимся затем с сыновьями в Таганроге на Александровской (ныне Чехова) улице. Андрей Тимофеевич не был крепостным потому, что, как он любил вспоминать, родился через месяц после отмены крепостного права. У него было два сына: Кондрат (1882 г. рождения) и Спиридон (1885 г. р.), а также дочь Дора, в замужестве Поляниченко.

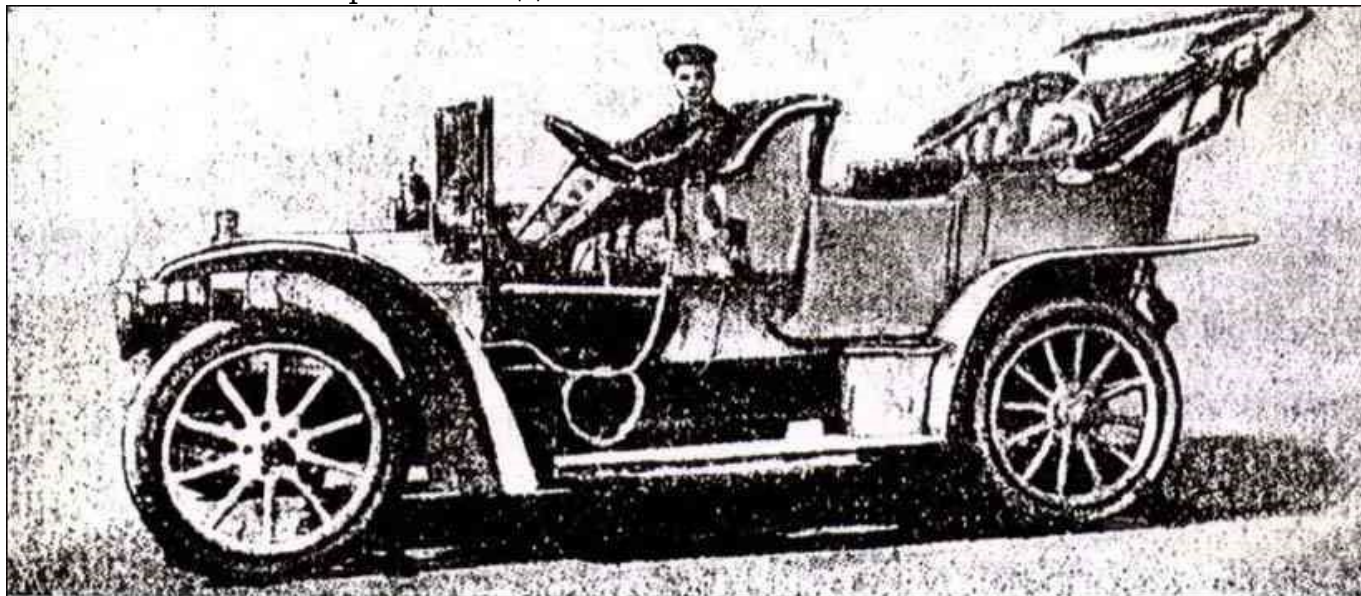
Шаронов взял к себе Снитко по рекомендации Бальвы. Когда подросток Кондрат, хозяин послал его в Москву учиться на механика, осваивать машины. Машин у Шаронова было много, в том числе и автомобиль. Вернувшись из

Москвы, Кондрат удивлял ряженцев своим умением управлять, лихо восседая на автомобиле. "Однажды, - рассказывает его племянница Лидия Спиридоновна Снитко-Зак, проживающая в Таганроге, - Кондрат уговорил покататься на машине свою мать, которая при большой тряске испуганно кричала: "Останови! Останови!"

Со временем Спиридон Андреевич уехал в Таганрог, а Кондрат Андреевич заменил отца и стал управляющим усадьбой Шароновых.

Дочь Шаронова Мария была не на много старше дочери Кондрата Снитко Нади, и они обе учились в Таганроге: Мария - в Мариинской женской гимназии, а Надя - в прогимназии, открытой спустя 20 лет после гимназии для девочек из тех семей, которым плата за обучение в гимназии была слишком высокой. Гимназия была 8-миклассной, прогимназия же - только 4-хклассной. Размещались они в разных местах Таганрога, и Кондрат Андреевич возил на "своём" автомобиле на учёбу в город обеих девочек. Мария, как дочь хозяина, настоящая гимназистка и старшая по возрасту, помогала подруге Наде и всячески её опекала. Когда Мария повзрослела, и отец задумался о её будущем, он, как весьма состоятельный человек, построил для дочери в 1910 году великолепный дом в престижном месте Таганрога, на Николаевской (ныне - им. Фрунзе) улице, автором проекта которого был знаменитый архитектор Ф. О. Шехтель - близкий друг А. П. Чехова.

Об этом доме, известном в городе каждому, следует рассказать подробнее. О нём много написано в местной литературе, газетах и журналах. Считаю целесообразным привести отрывок из статьи Н. Чередниковой в "Таганрогском вестнике" за 31 января 1996 года.

Легковой автомобиль Шаронова

"Родоначальник русского модерна в архитектуре, автор более 50 проектов московских жилых домов, банков, храмов, промышленных объектов Шехтель, по отзывам современников, работал, "полушутя, разбрасывая блёстки своей фантазии". Таганрогу повезло - две из них "долетели" до нашего города. Это уникальное здание публичной библиотеки, фасад которого похож на фасад одного из двух семейных особняков Шехтелев в Москве, и самый красивый дом в Таганроге - на улице Фрунзе, 80. Бывшее владение адвоката Шаронова, а ныне Музей градостроительства - поистине архитектурная жемчужина. Уменьшенная копия Ярославского вокзала (в Москве - прим. автора) с мозаичным панно на

фасаде, выполненным по эскизам Николая Рериха и Михаила Врубеля, обошлась хозяину в немыслимую по тем временам сумму - 25 тысяч рублей".

***Дом Шаронова в Таганроге.
Построен в 1912 г.***

Ныне Музей градостроительства и быта г. Таганрога

Добавим к этому описанию, что на воротах этого дома установлены выполненные из мозаики головы львов, "охраняющих" вход во владения богатого хозяина. А над воротами был утраченный сейчас герб Шаронова в виде круга с вензелем "Е. Ш." Сохранилось воспоминание современников об этом гербе. Он был весьма похож на вензель Императрицы Екатерины II, выполненный также в форме круга с литерами "Е. II". Из-за этого таганрогские власти заставили Шаронова поменять эмблему. И последняя стала иметь форму квадрата с тем же вензелем.

Недолго пришлось Шароновым пожить в своих прекрасных особняках. Грянула революция, и дома (как таганрогский, так и ряженский) были национализированы. В сельском доме сначала размещался сельсовет, позже -

школа (ШКМ - школа крестьянской молодёжи). Во время войны школа была частично разрушена, затем кое-как отремонтирована, а с постройкой новой 10-летней школы здание старой было передано колхозу под хозяйственные нужды. Теперь его уже нет, а на этом месте стоит жилой дом бывшего председателя колхоза Шаповалова Ивана Павловича.

В таганрогском доме Шаронова в 1920-е годы размещались, по свидетельству известного городского краеведа Маргариты Киричёк, сначала шёлковая станция, затем - детский сад. Впоследствии в нём располагались детская поликлиника, райком КПСС. В 1970 году здание было передано Музеем градостроительства и быта, который был открыт после длительной реставрации только в 1981 году.

Ну, а что случилось с бывшими хозяевами Шароновыми? Дочь Мария учительствовала, вскоре вышла замуж за горного инженера и уехала на Урал к месту его работы. Евгений Иванович, её отец, во время Гражданской войны, как рассказывает А. С. Снитко, жил инкогнито, не обнаруживая себя и бросив свои владения. В 1921 году он появился в Таганроге грязный, оборванный, влачащий нищенское существование, но вскоре снова уехал и умер, якобы, от тифа.

Бывший управляющий К. А. Снитко был сослан в качестве раскулаченного, но вскоре, после выхода в свет "знаменитой" статьи И. В. Сталина "Головокружение от успехов" в 1930 году, вернулся в Ряженое, жил со своей семьёй на квартирах у разных людей, работал в колхозе мастеровым. Его сыновья погибли на фронте в Отечественную войну, а сам он доживал старость у дочери Надежды в Прибалтике.

Уходят из жизни люди, но их дела и творения остаются. Около таганрогского красавца Музея градостроительства и быта (дома Шаронова) всегда оживлённо. Он находится на очень бойком месте - перекрёстке улицы им. Фрунзе и Гоголевского переулка. В здании часто демонстрируются выставки картин, различных поделок и промыслов, пользующиеся неизменной популярностью у таганрожцев экспозиции восковых фигур знаменитостей. Люди постоянно обращают внимание на этот дом, рассматривают его, ходят по его залам, восхищаясь талантливым зодчим, создавшим это творение, и хозяином, давшим нам возможность созерцать подлинную красоту.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ БЫВШИХ ВЛАДЕНИЙ ГЕНЕРАЛА ГРЕКОВА

ГРЕКОВ ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
Генерал-майор

Копия с портрета худ. Д.Доу, 1-я половина XIX в.

Музей истории донского казачества, г. Новочеркасск.

Родился Греков Т.Д. в 1771/74г. Участник русско-турецкой войны 1787-1791гг., русско-французской войны 1805-1807 гг. и Отечественной войны 1812г. Т.Д. Греков (именуемый 18-м) со своим атаманским полком при штурме города-крепости Немура в феврале 1814г. обеспечил М.И. Платову победу в этом бою. Сын прославленного донского генерала Дмитрия Евдокимовича Грекова, он награжден многими русскими и иностранными орденами.

В 1820г. основал поселок Греково-Тимофеевка, М.-Курганского района. Последние годы жил в своем доме в Таганроге, где и умер в 1831г.

История нашего края - Приазовья и Миусского бассейна, - как и история любого края, очень интересна. Свыше дюжины кочевых народов, известных в истории, сменяли друг друга, пока не появилось более оседлое население. Двести сорок лет топтали нашу землю орды татаро-монголов, после них триста лет

владели нашим краем турки. И только после их изгнания в 70-х годах XVIII века наш край интенсивно заселяется оседлым народом.

Таганрог, хотя и отметил свое трехсотлетие, но как населенный город существует чуть более двухсот тридцати лет. Последовала бурная его застройка, а также закрепощение появившихся вокруг него поселений и возникновение новых. Дворяне, военные, в основном казацкие офицеры, за усердную царскую службу получают огромные земельные участки, осваивают Приазовский край, становятся богатыми помещиками.

Одними из таких помещиков были известные на Дону и в Таганроге Грековы. Они имели земли в Миусском (впоследствии Таганрогском) и Донецком округах. До сих пор сохранились названия селений: Греково-Ульяновка на реке Тузлов в бывшей Больше-Крепинской волости, ныне Радионово-Несветайского района; Грекова экономия в Сарматской волости, ныне Неклиновского района; Греково-Тимофеевка на реке Мокрый Еланчик в Мало-Кирсановской волости, ныне Матвееве Курганского района; Александровка-Грекова на Грузском Еланчике, ныне отошла к Украине; Греково-Степановка в верховьях реки Лозовая, притока Белой Калитвы, Донецкого округа (ныне относится к Чертковскому району). На Миусе часть села Ряженого до сих пор называют Грековкой, потому что крестьяне этого поселка жили и работали на земле Грекова.

«В 1820 году село, расположенное по обе стороны речки Еланчик (предполагают, что это название происходит от татарского «ИЛАН» - змея) было записано за генерал-майором Грековым Тимофеем Дмитриевичем и стало называться Греково-Тимофеевка». (Газета «Родник». 30.08.1998 г., М-Курган; по материалам районного архива).

Дата рождения Тимофея Дмитриевича Грекова точно не установлена, но предполагают, что это 1771 или 1774 годы. В службу он вступил в 1788 году и сразу участвовал в русско-турецкой войне 1787-1791 гг., затем в русско-французской 1805-1807 гг. и, будучи офицером казачьей армии Матвея Платова, отличился в Отечественной войне 1812 года, за что был награжден орденами и почетным оружием.

В заграничных походах 1813-1814 гг. именно ему и его атаманским казакам обязан Матвей Платов победой при штурме города крепости НЕМУРА в феврале 1814 года. С 1813 по 1819 годы Тимофей Дмитриевич Греков командовал Атаманским полком.

Предки его были потомственными военными (казаками). Отец, Дмитрий Евдокимович Греков, был прославленным донским генералом, участником многих войн; прадед, Тимофей Федорович Греков, был участником русско-турецких войн последней трети XVIII века, принимал активное участие в борьбе с отрядами Емельяна Пугачева, за что был щедро награжден.

Генерал Тимофей Дмитриевич Греков был женат на Марии - дочери Матвея Ивановича Платова от второго брака (с Марфой Дмитриевной Кирсановой - вдовой полковника Кирсанова). Он часто сопровождал своего тестя (М.И. Платова) в поездках по его имениям. Имений у Платова было много. Они частично ему достались в наследство от отца Ивана Платова, участника похода на Петергоф при восшествии на престол Екатерины II, частично были получены за свои военные заслуги. В поездке в имение Весело - Вознесенское Матвей Иванович умер на руках у Тимофея Дмитриевича Грекова в 1818 году.

К этому времени Таганрог от старой крепости «дошагал» уже до Александровской площади - нынешний центральный рынок. Появился ряд богатых домов. Тимофей Дмитриевич в 1825 году тоже построил дом в Таганроге на перекрестке улицы Полицейской (Чехова) и переуллка Соборного (Красного).

Нумерации домов в то время еще не было, она появилась только в 1832 году. Дом был обычной для того времени постройкой: длинный по переулку, с семью окнами на переулочек, входная дверь со двора. Фасад был обращен в сторону площади, которая к этому времени была осушена и выровнена. Раньше по весне она заливалась водой, образовывалось болото и «досушие таганрогские граждане охотились за куликами». На площади в 1833 году, прямо перед домом Грекова, началось строительство церкви св. Митрофана (Митрофан был Воронежским епископом, в ведение которого входило Таганрогское благочиние). Строительство шло медленно, плохо, средств не хватало, а бывшее болото давало о себе знать - фундамент садился, в стенах появлялись трещины. Со временем было решено новой комиссией под председательством Алексея Богдановича Броневского построить церковь на новом месте, в центре площади, на месте нынешнего молочного павильона (центральный рынок).

В 1831 году Тимофей Дмитриевич Греков, именуемый в истории казачества как Греков 18-й, умер. Дом его тоже давал осадку, и в 1840 году уже сын Тимофея Дмитриевича молодой корнет гвардии Николай Греков, женившийся впоследствии на Наталье Васильевне Леоновой, единственный наследник огромного состояния, произвел его ремонт. (ГАРО. Ф 581, д. 434, 1840 г. Дело о ремонте дома Грекова).

Оказавшись хозяином огромных имений, корнет задумывает перестроить дом и примыкающие службы. Хозяйственные дела захватывают его, и он, якобы в связи с ухудшением здоровья, выходит в отставку.

Занимается общественной деятельностью, являясь членом попечительского о тюрмах комитета. Николай Тимофеевич берет огромный кредит под залог своей недвижимости, заказывает в 1860 году проект перестройки дома. (Чертежи на 12 - ти больших листах хранятся в Ростовском архиве ГАРО. Ф 581, д. 539 . Дело о разрешении помещику Войска Донского, отставному гвардии Корнету Николаю Тимофеевичу Грекову перестройки двухэтажного кирпичного дома и строительства служб в 3-й Александровской части города Таганрога в 22 -м квартале под №№ 174 и 175, с приложением планов постройки, листов 12, 1861 год).

После перестройки дом приобрел новый вид. Он был выдержан в стиле, как указывают искусствоведы, позднего ампира. Центральная часть фасада, обращенного к площади, получившей название Александровской, выделена шестиколонным портиком с капителями коринфского ордера; фронтоны - прямоугольной формы с тремя орнаментами; по карнизу расположены зубчики. Во дворе был устроен огромный бассейн для сбора дождевой воды, стекаемой с крыши дома.

Корнет был любителем лошадей. Он приобретал скакунов, растил их, обучал, участвовал в скачках, некоторых перепродавал. Для обучения скакунов был устроен манеж с врытым в землю кованым железным столбом, толщиной в четыре дюйма. Этот столб и до сих пор торчит из земли. Старожилы рассказывают, что пытались убрать его, но не смогли, т.к. в его основании заделана огромная чугунная плита, и потребуется разрывать весь двор.

Некоторых лошадей приходилось выбраковывать, т.к. они плохо поддавались обучению или показывали низкий спортивный результат. Выбравленных лошадей забивали на мясо и разделывали тут же в подвале дома, подвешивая их за ноги к толстым (дюймов шесть в поперечнике) железным кольцам. Эти кольца и поныне висят под потолком подвала. За манежем находились вместилища конюшни. Время шло, корнет развлекался, доход от имений не покрывал расходы, надо было погашать кредит. И в 1876 году

появляется Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского Александра II о назначении опекунов над недвижимостью и имениями отставного корнета Николая Грекова в Донецком и Миусском округах и в Таганроге. Дело было возбуждено Полицмейстером Таганрога в связи с задержкой погашения кредита, полученного от Таганрогского отделения Государственного Банка. Во 2-м Департаменте Правительствующего Сената с сообщением выступил г. Обер-Прокурор на основании исполнительного донесения и за посланиями от Отдела Экзекуторских (исполнительных) Дел. Интересы Государственного Банка представлял Управляющий Таганрогским отделением одного банка Статский Советник г. Кульчицкий. Он же был назначен опекуном от данного банка.

По желанию корнета его сторону представляли два других опекуна: Войсковой Наказной Атаман Войска Донского Краснокутский Николай Александрович и Градоначальник Таганрога Максудов Павел Петрович. Участвовали в решении дела Банк крестьянской поземельной общины, Екатеринославский губернатор и Таганрогский Полицмейстер. (ГАРО, Ф 579. д. 5 1 9 от 24 августа 1876 - 14 марта 1877 гг. Дело о назначении 3-х опекунов над имением отставного корнета лейб-гвардии казачьего полка Николая Тимофеевича Грекова).

Имения Грекова были частично распроданы, дом в Таганроге тоже был продан, его приобрел купец Яков Хлытчев. В 1898 году его оценочная стоимость была в 3000 руб.- это по тем временам большие деньги. На склоне лет корнет П. Т. Греков проявлял набожность, занимался благотворительностью - на его деньги в 1880 году в имении Греково-Тимофеевке была построена церковь во имя Николая Чудотворца. Вот что о нем пишет журналист Андрей Данцев в журнале «Новочеркасск» № 3 за 2003 год: «...В сентябре 1905 года «Донские областные ведомости» сообщали: «В последних числах минувшего августа скончался в Петербурге внук графа М.И. Платова (сын его дочери) Николай Тимофеевич Греков на 82 году жизни. Покойный служил в лейб-казачьем полку, но большую часть жизни провел не у дел, управляя своим имением. У него остался сын Тимофей ... и три дочери».

Дом на Александровской продолжали продавать и перепродавать. В 1906 году он числится за женой кандидата права Сандрой Шилговой, оценочная стоимость 6300 руб. Последними хозяевами дома Грекова с 1911 года и до самой революции были Карл Фердинандович Юнг и Софья Ефимовна Броневская. Дом оценивался в 20 000 рублей.

Об этих хозяевах стоит рассказать подробнее. Карл Юнг, крестьянин колонист (в то время на территории Таганрогского округа в границах Ростовской области - было 23 немецких колонии), жил в Западной части Почтовой (Дзержинского) улицы в приличном доме (в 1910 году дом оценивался в 4 000 рублей). Женился он на дочери Софьи Викентьевны Броневской. Дочь тоже звали Софьей. Броневские имели имение в селе Ряженом, Милость-Куракинской волости (ныне М-Курганского района).

Это были представители знатного дворянского рода обрусевших поляков. Муж Софьи Викентьевны, Валерьян Алексеевич Броневский был народовольцем (о нем — отдельный очерк «Пан Броневский»). У Броневских было две дочери: Ольга, любившая отца и разделявшая его взгляды, и Софья, противница этих взглядов. В то время, как отец находился в Харьковском подполье, Софья в 1906 году обручилась с унтер-офицером 2-го разряда Константином Великопольским, сыном полковника Ивана Ивановича. Константин был на 8 лет старше Софьи (ему - 27, ей - 19 лет). Проживали они в доме № 35 Антона - Глушко (Полтавский, 23). Брак их длился не долго. Вскоре Софья порвала не только с семьей Великопольских, но

и с собственным отцом — каторжником, поменяла отчество и вышла вторично замуж за Карла Юнга. В 1911 году за ними уже числится бывший дом Грекова. В 1914г. она, замужняя женщина, добровольно ушла на фронт, была сестрой милосердия, познала грязь и кровь солдатских ран, попала в плен к австро-венграм и вернулась в Таганрог после размена военнопленными. Огрубевшая и ожесточившаяся, она сурово обращалась с прислугой и крестьянами в имении.

Во время бурных революционных событий имение Броневских в Ряжене подверглось разграблению местными крестьянами. Софья, волевая и энергичная, на некоторое время сникла, но весной 1918 года немецкая оккупация снова подняла ее на гребень жизни. Она приехала в имение в сопровождении казачьих урядников, собрала крестьян, потребовала вернуть все разграбленное и проводила допросы с пристрастием. Плеть в ее руках и руках урядников свистела, спины крестьян гнулись, рубахи на них лопались.

Немцы продержались недолго, осенью они покинули Таганрог и его окрестности. Карл Юнг и Софья Броневская тоже покинули Таганрог. Дом на Александровской площади (дом Грекова) был национализирован. Власть в Таганроге менялась и его заселяли различные учреждения: и полицейское управление старой власти, и революционная комендатура новой и другие временные учреждения. Потом дом заселили жильцами, стал он многоквартирным. Внутри настроили перегородок, сделали новые входные двери, убрали лепные карнизы, а вместе с ними и потолочных ангелов. Со временем дом стал ветшать - денег у новой власти не хватало, ремонт годами не производился, трещины в стенах все увеличивались, особенно от бомбежек во время Отечественной войны. Ободранный и потрескавшийся он долго угнетал взгляд соседей, жильцов и прохожих, идущих на «новый» базар.

И вот снова времена поменялись. Дом Грекова решила приобрести церковь. Администрация города согласилась, но банк «Донинвест» заключил с мэрией соглашение на приобретение этого дома с обязательством произвести полную его реставрацию, как памятника истории и архитектуры. Кстати сказать, в списке памятников истории и архитектуры, охраняемых государством, числятся по городу Таганрогу 258 домов. Большое спасибо организации «Спецпроектреставрация», которая заботится о сохранении таких памятников. Дом Грекова - особенный, с такой архитектурой в городе домов немного.

Жильцам по их желанию предоставили новые квартиры, переселили всех, освободив дом для реставрации. Головная организация «Спецпроектреставрация» (г. Ростов) разработала проект ремонта и восстановления дома, максимально приблизив его к первоначальному виду.

Главными критериями были определены: не нарушать историческую архитектуру и обеспечить достаточную прочность. «Мы не имели права, - сказал один из сотрудников банка, - да и сейчас не имеем права ничего изменять, а только восстанавливать старое». Пришлось убрать перегородки, устроенные жильцами, убрать наслоения штукатурки, заделать трещины, укрепить фундамент - шаг за шагом восстанавливать оригинал.

Было обнаружено много находок, относящихся к первой половине XIX столетия: квадратные, кованые в кузницах, железные гвозди; застрявшие в стенах цокольного этажа ядра времен бомбардировки города англо французскими войсками в 1855-56 годах; длинные штыки того же периода; оружие Гражданской войны, извлеченное из дворового дождевика; обрывки цепей и другое. При сколе штукатурки на одной из стен был извлечен белый лист бумаги с объявлением (лист на свету мгновенно пожелтел) от второго октября 1920 года о расстреле по приговору Ревтрибунала трех граждан за пьянство, грабежи, продажу казенного имущества, бандитизм, нарушение приказа о хождении в неурочное время и ношение оружия, не имея на то права. Объявление подписано комендантом города.

Работы по реставрации были проведены огромные - наружный вид теперь радует глаз прохожих, внутренние залы удобны для работающих, нижние помещения теплы зимой, летом прохладны, верхние оснащены кондиционерами. Газоны и тротуары благоустроены, в подвале разместилась современная газовая котельная, отремонтированы подсобные помещения. Сотрудники банка - эрудированные специалисты в элегантных костюмах - работают с современной компьютерной техникой. Для клиентов помещение оснащено столами и скамьями, удобными для ожидания. Дом Грекова приобрел второе дыхание.

Имение Грекова на реке Мокрый Еланчик (Греково-Тимофеевка Мало-Кирсановской волости) разрослось и в 1912 году в нем уже числилось жителей

1671 человек. Владельческой земли было всего 52 десятины, зато наделной было 942 десятины. Жизнь в слободе кипела.

После революции, когда земля была у землевладельцев отобрана, в Греково-Тимофеевке образовались земельные товарищества, а в 1929 году там были созданы два колхоза - «За темпы» и «Имени Широкова». Жизнь закипела еще интенсивней. Затем, после Отечественной войны, настало время укрупнения, и колхозы были объединены в один с названием «Знамя коммунизма». Но дело шло не ахти как и пришлось Греково-Тимофеевке снова выделиться и образовать свой колхоз «Россия».

Дела в колхозе пошли лучше, но население села продолжало уменьшаться, за послевоенные годы из него разбежалась половина колхозников: кто уехал в город, кто в шахтерские поселки, кто в другие более крупные села, поближе к железной дороге. Церковь, построенная корнетом Н.Т. Грековым, была в 30 - е годы разрушена.

В настоящее время колхоз преобразован в товарищество с названием «Колос». Дела начали улучшаться, но того, что было, уже не вернешь. В селе к 1999 году осталось только 793 человека, это - меньше половины дореволюционного состава.

И все - таки село живет и, говорят, неплохо. СПК (колхоз) «Колос» - одно из двенадцати хозяйств, входящих в Объединение ООО ЮТС Агропродукт», руководит колхозом Николай Андреевич Яновский. «О нем говорят, - как пишет газета «Земля заботы нашей», - что он создал социализм в отдельно взятом хозяйстве». В колхозе есть оздоровительный центр с тренажерным залом, сауной, кондитерским кафе; есть стадион, площадка для дискотеки, кафе, два магазина. В Греково - Тимофеевке есть школа, дом быта и дом культуры. Реставрируется разрушенная церковь.

ПОТОМКИ СПОДВИЖНИКОВ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Григорий Саввич Сковорода
(1722 - 1794 гг.)

12 сентября 1698 года Московский Пушкарский приказ, ведавший всеми русскими укреплениями, приказал начать сооружение крепости на мысе Таганий Рог, облюбованном царём Петром I во время его Азовских походов. Эта дата вошла в историю как дата основания города Таганрога. Но не только это событие связано с ней. С этого момента началось также интенсивное заселение всего Примиусья.

С тех пор прошло 300 лет. Город рос, развивался, развивались и его окрестности, неоднократно переходившие в первой половине XVIII века из рук в руки турок и русских. Во второй половине века, когда Приазовье, а вместе с ним и Примиусье, навсегда отошли к России, сюда хлынули не только беглые крестьяне и казаки, но и достаточно грамотные люди, получившие образование кто за границей, кто в более старых городах России.

Первыми грамотными людьми в городе и сёлах были военные, купцы и духовенство. Таганрог сначала долго был крепостью, и поэтому военные в нём преобладали. Один из них - Коваленский Григорий Иванович, впоследствии основатель села Ряженого, которое долго в народе называлось его именем.

Григорий Иванович в 70-е годы XVIII столетия вместе со своим братом Михаилом обучался в Харьковском коллегиуме, где грамматику и греческий язык преподавал знаменитый украинский просветитель-гуманист, философ и поэт Григорий Саввич Сковорода. Учитель и ученик подружились. Встречались не только на лекциях, но и в доме друга Сковороды протоиерея Петра - дяди Коваленских.

Учитель Г. С. Сковорода - выходец из семьи малоземельного казака Полтавской губернии, окончивший Киево-Могилянскую академию, трижды подвергался увольнению из Харьковского коллегиума за антиклерикальные взгляды, в которых отражались настроения простого украинского крестьянства и рядового казачества. Атеистом он не был, но выступал против схоластики официальной религии. Сковорода утверждал, что будущая жизнь должна быть основана на равном труде. Окончательно он был изгнан из Харьковского коллегиума за прочитанный курс "Христианского добронравия", после чего все последние 25 лет своей жизни он провёл в странствиях по Украине в качестве бродячего философа-наставника. В 1781 году побывал и в Таганроге у своего ученика Г. И. Коваленского. Достоверно не известно, но вполне вероятно, что он посетил и его Ряженское имение.

Учитель и ученик никогда не теряли связь, переписывались, обменивались рассуждениями о жизни. Коваленский разделял взгляды Сковороды и принимал его концепцию трёх миров: макрокосмос (бесконечный мир со множеством малых миров); микрокосмос (человек); символический мир (основанный главным образом на Библии). Таганрогскому журналисту Александру Николаенко посчастливилось обнаружить в архиве публичной библиотеки Санкт-Петербурга переписку Сковороды, в которой есть письмо от 1788 года своему ученику и другу Коваленскому, который к этому времени (с 1776 года) проживал на даче в селе Ряженом. Коваленский после учёбы служил в армии, был военным комендантом (кригс-комиссаром) ряда городов, на гражданской службе имел чин надворного советника, слыл энергичным общественным деятелем в Таганроге, занимался благотворительностью, участвовал в научных изыскательских экспедициях. Он читал в подлинниках греческих философов и считал, что каждый образованный человек должен знать греческий язык. Недаром Г.С. Сковорода в письме к другому таганрожцу, Алексею Базилевичу, советует: «...если ты не знаешь этого греческого слова, то спроси у Григория, он же «грек», который бубнит себе под нос: «кто не эллин [грек], - тот варвар».

Брат Григория Ивановича, Михаил Коваленский был так же, как и их учитель Сковорода, писателем, просветителем, жил в Петербурге. Он автор «Жития Григория Сковороды...» В книге «По старой Греческой», (Таганрог, 2003 г.) . О.П. Гаврюшкин пишет: «Район существующей ныне Греческой улицы в начале 19 века был совершенно пустынен, вокруг ни деревца, ни кустика, лишь два небольших строения, стоящих на некотором расстоянии друг от друга. Одно из них принадлежало купцу Ивану Сарычеву, другое, подобное, комендантше Фузанцевой. В 1807 году владение Сарычева перешло в собственность дворянина Коваленского». Тот ли это Коваленский и где он жил до этого времени, куда приходил Г.С. Сковорода, установить пока не удалось.

А вот что пишет журналист Гесс- де - Кальве в « Украинском вестнике» за 1817 год. (Статья приведена Г.П. Данилевским в его сочинениях , т. XXI, С. -Петербург, издание Ф. Маркса, 1901 г. стр. 63,64): «В Таганроге жил Г.И. Коваленский, воспитанник Сковороды (это, вероятно, брат М. Коваленского, автора записок о Сковороде). Чтобы навестить его, пустился наш мудрец в дорогу, на которой, как он сам говорил, помешкал более года. Когда же он прибыл в

Таганрог, то ученик его созвал множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотевшие познакомиться с Сковородою. Но сей, будучи враг пышности и многолюдства, лишь только приметил, что такая толпа милостивцев собралась единственно по случаю его прибытия сюда, тот час ушел из комнаты и, к общей досаде, никто не мог его найти. Он спрятался в сарае, где до тех пор лежал в закрытой кибитке, пока в доме не стало тихо».

Григорий Иванович Коваленский умер в 1807 году. Возможно его потомок, Григорий Коваленский был душеприказчиком при строительстве каменной лестницы в 1823 году и проживал в доме, где сейчас находится домик Чайковского.

В Харьковской области в селе Сковородинке (до 1923 года Пан-Ивановка) в 1972 году в доме третьего брата, А.И. Коваленского, открыт литературный мемориал Г.С. Сковороды, который проживал там в 90-х годах XVIII в. Там же на территории заповедника - его могила.

В XIX веке Таганрог потерял значение военной крепости и превратился в крупный торговый центр. Необходимость в грамотных людях всё усиливалась. В городе стали открываться одно за другим учебные заведения. В первую очередь, после открытия ряда частных школ, в 1806 году была организована коммерческая гимназия и при ней два отделения - низшее (первое приходское училище) и среднее (как 4-хклассное уездное училище). Затем гимназия повысила свой статус и стала классической, а училища стали самостоятельными. В последующем были открыты мореходные классы, женская семилетняя гимназия и женское 4-хклассное училище, называемое прогимназией, а также два мужских и одно женское начальные училища, земские народные училища.

В 1857 году живший в Таганроге известный писатель Нестор Васильевич Кукольник даже пытался устроить в городе университет: представлял правительству записку "О народном просвещении в землях, лежащих между Азовским и Каспийским морями" с проектом устроить университет в Таганроге. Но из этого ничего не вышло.

Развитие образования в Таганроге оказало решающее влияние на просвещение во всём Приазовье и, в частности, в Приморье. Так, уже в 1888 году в Ряжене существовало одноклассное училище, учительницей его была Варвара Белугина, а законоучителем - Иаков Чайкин. Белугина, очевидно, имела какое-то родственное отношение к Николаю Нестеровичу Белугину, бывшему в то время председателем Таганрогской комиссии общества содействия народному образованию в Области Войска Донского. В Таганроге на улице Чехова под номером 64 и сейчас стоит дом Белугина, построенный в 1880 году. Он не принадлежит к числу богатых купеческих домов, но, выполненный в стиле "Модерн", занесен в перечень архитектурных памятников города, подлежащих сохранению, что выгодно характеризует Николая Нестеровича.

***С. Ряженое. Водяная мельница.
Вид со стороны Миуса***

В Таганроге, как и в других старых городах, исторически складывались различные районы со своим определённым укладом. На Петровской, Николаевской (ныне им. Фрунзе), Греческой улицах селились богатые купцы, крупные чиновники, финансовые и бюрократические тузы. Улица Конторская, переименованная затем в Елизаветинскую (ныне - им. Розы Люксембург), была местом проживания интеллигенции: учителей, врачей, художников, конторских служащих. На этой улице в доме №14 в 60-70-е годы XIX века проживал популярный в городе доктор В. З. Денисенко. Он же впоследствии стал первым Президентом городского общества врачей, созданного по его инициативе в 1879 году, был также одним из первых почётных мировых судей Таганрогского окружного суда, членом Общества взаимного страхования. У села Ряженого были земли (более 1000 десятин), принадлежащие Денисенко. Дочь В. З. Денисенко - Антонина Васильевна, преподававшая в 70-е годы в Таганрогской женской гимназии и активно участвовавшая в проведении Всероссийской переписи 1897 года, управляла этими землями до самой Октябрьской революции. Старожилы села помнят барыню "Денисиху". Смолodu она, типичная казачка, ходила в брюках, гарцевала на красивом жеребце, метко стреляла из ружья. Из рук не выпускала плетъ. С возрастом заважничала, ходила по аллеям своего огромного сада с прислугой, длинный шлейф её платья носили за ней дворецкие из семьи Поляниченко. Последние были в её имении первыми людьми - управляли хозяйством, плантацией, раскинувшейся по пойме Миуса, мельницей, которая существует поныне, большим количеством машин.

***С. Ряженое. Водяная мельница.
Вид со двора***

Огромный на два подъезда дом в два этажа с колоннами находился за ещё более огромной мельницей и смотрел большими окнами на Миус. Жаль, что этот дом, переживший революцию и национализацию, сохранившийся в советское время в виде конторы Пригородного хозяйства Таганрогского комбайнового завода, устроенного на землях "Денисенко", был разрушен во время Отечественной войны 1941 - 1945 годов.

На старой Конторской улице в доме №52 в 70-е годы проживал инспектор классической гимназии Семён Федосеевич Кравченко, который затем преподавал в женской Мариинской гимназии математику и естественную историю. Его старший сын - Владимир - окончил классическую гимназию, получил медицинское образование и стал военным врачом. В 1905 году он на крейсере "Аврора" участвовал в сражениях Русско-японской войны. Им впервые в истории был применён рентгеновский аппарат на линейном корабле для обнаружения осколков у раненых матросов.

Владимир Семёнович после отставки жил в своём доме в Таганроге, написал книгу "Поход через три океана" (русские корабли шли в Японское море из Балтики через три океана).

Род Кравченко к сёлам Примиусья как будто и не имеет прямого отношения, но хочется о нём рассказать потому, что мне - уроженцу Ряженого, пришлось быть лично знакомым с племянником врача Алексеем Сергеевичем и многое от него слышать не только о его знаменитых родственниках, но и о других знаменитостях старого квартала на бывшей Конторской (Елизаветинской) улице. Алексея Сергеевича я знал в течение 20 лет по совместному проживанию в его родовом доме, человека уже пожилого (он родился в 1902 году) и весьма интеллигентного. Мы с ним часто вели душевные беседы. Алексей Сергеевич уже не работал, но много читал: книги из городской библиотеки носил целыми "авоськами". Именно у

него я видел и читал книгу "Поход через три океана" с автографом дяди: "На память о походах моему племяннику Алексею Сергеевичу".

Алексей Сергеевич рассказывал, что в доме напротив - Розы Люксембург, 65 - в 1910-22 годах жил его товарищ Володя Захаров, ставший впоследствии популярным советским композитором, известным народу по многим песням, в том числе таким, как "Лучше нету того цвету...", "Ой, туманы мои, растуманы", "Провожанье", "Русская красавица", "Песня о России" и другим.

Чуть наискосок от дома Кравченко было родовое гнездо Чеховых. О них Алексей Сергеевич тоже много рассказывал.

Главным в рассказах А. С. Кравченко всегда был рассказ о его доме, в котором довелось жить и мне. Его дед, упоминавшийся выше, - статский советник Семён Федосеевич Кравченко выкупил это подворье у монашеского братства. Дом тогда представлял келью постройки ещё XVIII века, наполовину расположенную в земле. Зато к дому примыкала большая усадьба с многочисленными кустарниками, дорожками, беседками. Семён Федосеевич надстроил второй этаж из шести просторных комнат. Привёл в порядок подворье, превратив его в сад с тщательно ухоженными аллеями. Алексей Сергеевич рассказывал, что по этим аллеям, посыпанным жёлтым песком, любили гулять гимназисты, вечерами важно прохаживались парочки зажиточных таганрожцев.

Позже - в 70-е годы - на месте этого сада было хозяйство "Зеленхоза", а с перенесением последнего в другое место образовался пустырь, на котором виднелась только одна маленькая беседка, огороженная сухими колючими ветками. В ней, отгороженный от мира, часами просиживал Алексей Сергеевич с книгой в руках. Он уже плохо видел и часто вместо очков применял лупу с 4-кратным увеличением. В последние годы, когда и эту беседку ликвидировали, построив на её месте гаражи, Алексей Сергеевич перебрался на газон перед домом, под небольшую абрикосу, и продолжал там читать книги и газеты на виду у любопытных прохожих. В 1988 году его не стало.

Дом Алексея Сергеевича на своей улице выделялся не только своей высотой, массивностью, но, прежде всего, огромными красивыми окнами верхнего этажа, каменной лестницей, ведущей на широкое крыльцо, лепными карнизами и капителями. Многочисленные прохожие всегда заглядывались на него. После революции в доме кроме семьи Кравченко, наследника старых хозяев, проживало в разное время много других семей. Запомнились семьи Седлак и Васильевых.

**Дом Кравченко.
Таганрог, ул. им. Розы Люксембург, 52.
Современный вид**

Франц Иванович Седлак - чех из интернациональной бригады, сражавшейся в гражданскую войну за советскую власть в России, встретил свою любовь в Таганроге и навсегда остался в нем. Это был весьма скромный, даже несколько застенчивый, старик, говоривший по-русски с большим акцентом.

Интересна и семья Васильевых. Впрочем это не одна семья, а несколько семей, живших вместе. Три сестры, древние старушки, Анастасия, Екатерина и Вера составляли костяк рода Васильевых; все они были рождения конца XIX столетия. Собственных детей они не имели, но воспитывали детей и внуков своих мужей. Сами, не имея достаточны средств к существованию (малые женские пенсии), они очень заботились о приемных детях и внуках: одевали, учили, выдавали замуж. Многие из их воспитанников вышли в люди, приезжали выразить благодарность. Подстать сестрам был и их брат - дед Коля, бывший часовой мастер, рано овдовевший и живший вместе с сестрами. Во дворе дома стояла лодка, вечно ремонтировавшаяся, ее окружала ребятня, помогавшая деду Коле. Эту семью, вернее род, соседи называли Васильевыми, хотя в их среде были и Шелестенко, и Савельевы, и Алтуховы и др.

О Броневских, известных в Таганроге и Ряжене, уже приходилось рассказывать ранее. Здесь же нас интересует только то, что это были люди высокообразованные, оказавшие положительное влияние на крестьян и, вообще, на всё их окружение.

Первым из Броневских в Таганроге появился Алексей Богданович. Выйдя в отставку после службы на флоте, он был в 60-е годы прошлого столетия председателем коммерческого суда и в отсутствие градоначальника исполнял его обязанности. Его брат Семён Богданович был генерал-губернатором Восточной Сибири в те времена, когда там отбывали ссылку декабристы. Надо сказать, что Броневские хоть и принадлежали к высшей военной иерархии, но были людьми гуманными по сравнению с другими бюрократическими служаками.

Тому есть много примеров. Вот один из них. В книге "Политическая каторга и ссылка. Книга 31" (Москва, 1927 г.) сообщается, что 31 мая 1837 года генерал-

губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант С. Б. Броневский подал начальнику Военной канцелярии докладную записку с проектом Высочайшего помилования декабристов. В этой записке предлагалось всех декабристов разделить на три группы: одних полностью амнистировать и разрешить им уехать домой, других - переселить на поселение в европейскую часть России, третьим разрешить вольно без надзора жить в Сибири. Государь не принял соображения Броневского и написал карандашом на записке: "Неудобоисполнимо". Гуманное отношение Броневского к декабристам можно увидеть, например, из переписки декабриста Михаила Сергеевича Лунина со своей сестрой Екатериной Уваровой.

Сын Алексея Богдановича - Алексей-младший - учился в Новочеркасске, получил звание агронома, занимался разведением садов, в том числе и в Ряжене, затем работал в Таганроге окружным нотариусом. Валерьян Алексеевич - внук Алексея Богдановича, о котором подробно рассказано в очерке "Пан Броневский", после окончания гимназии в 70-е годы учился в Санкт-Петербургском университете, был народовольцем, в 1880 году участвовал в подготовке покушения на государя, неоднократно побывал в тюрьмах и ссылках (1890 - 1915 гг.), в том числе и в Иркутском крае, где некогда его двоюродный дед осуществлял надзор за ссыльными декабристами. В Таганроге Валерьяна Алексеевича знали не только как революционера, борца за справедливость, но и как грамотного добросовестного бухгалтера Котельного завода, а после революции - и как высокообразованного лектора, искреннего пропагандиста, делавшего "живые" доклады. Его любила молодёжь и ласково называла "дедушкой Броневским", студенты и многочисленные экскурсанты заслушивались рассказами Валерьяна Алексеевича при посещении таганрогских музеев и осмотре памятных городских мест. Коллеги сохранили о нём память как о хорошем товарище и наставнике.

О Шароновых также уже рассказывалось в очерке "Дом Шаронова". Известно, что Евгений Иванович Шаронов, которому принадлежали дома в Таганроге (ныне - Музей градостроительства и быта) и в Ряжене (бывшая школа), был сыном богатого купца Ивана Ивановича - попечителя Таганрогского начального училища, открытого в 1882 году, - и племянником губернского секретаря Таганрогского окружного суда Петра Ивановича.

Евгений Иванович не только перенял от отца и дяди тягу к образованию, став адвокатом, но и привил её своей дочери Марии, которая училась в Таганрогской женской гимназии. Мария Шаронова училась сама и помогала своей подруге Наде - внучке управляющего их ряженским имением Снитко Андрея Тимофеевича. Надежда Снитко училась в женском 4-хклассном училище, которое было создано для способных девочек, не имеющих достаточных средств для обучения в Мариинской женской гимназии. Впоследствии и Мария, и Надежда стали учителями: они тоже передавали знания своим ученикам. Управляющий Андрей Тимофеевич и его сын Кондрат Андреевичи были достаточно грамотными (по тому времени) людьми. Кондрат Тимофеевич был хорошим механиком.

Конец XIX века стал временем, когда повсюду в сёлах Примиусья начинают появляться школы. В основном это были школы церковно-приходские. По переписи 1897 года в Ряжене на 220 дворов было грамотных 260 мужчин и 30 женщин.

Среди мужчин каждый третий был грамотным. Правда, грамотностью тогда называли умение лишь читать и писать, знать четыре действия арифметики. Указанный сравнительно высокий процент грамотности для крестьянской массы был явлением весьма прогрессивным. Это зачастую обуславливалось близостью Ряженого к городу и тем, что немалое количество студентов-вольнодумцев, отчисленных из столичных вузов с выдачей "волчьих билетов", запрещающих

проживать в городах, оседали в пригородных сёлах и находили себе работу, нанимаясь к сельскому обществу в качестве учителей. Встречались в сёлах Примиусья среди учителей и люди постарше - бывшие преподаватели городских школ, оказавшиеся "неблагонадёжными". Летом они пасли скот, зимой учили детей.

В Ноовсёловке №2 (посёлок Броневка) Ряженской сельхозуправы по найму сельского общества в 20-х годах учил детей возраста 8-10 лет Сергей Петрович (как раз из тех, кто селился по "волчьему билету") - человек очень интеллигентный, носивший подстриженную бородку, одевавшийся не богато, но подчёркнуто опрятно. Он сам составлял программу по языку и арифметике, рассказывал об устройстве мира, увлекал детей рисунками и всякими поделками. Были в посёлке и другие более остальных грамотные люди - из крестьян, самоучек. Их обычно называли "писарями", т. к. они часто оказывали односельчанам помощь в написании какой-либо бумаги, в прочтении письма или документа. Таким писарем был, например, дед Иван; его потомки получили уличное прозвище "писари". В разговоре обычно так и спрашивали: "А ты был у писаря?"

Из старшего поколения ряженцев, учившихся ещё до 1900 года, грамотностью отличались Мисиков Демьян Иванович, Богомаз Евстафий Сидорович, Сериков Магдарий, фельдшеры Рябуха Владимир Никитович и Красуля Федосей Павлович и другие.

За переходный период в истории страны (канун и время Гражданской войны) в Ряжене появилась целая плеяда грамотных людей из более молодого поколения (с датами рождения первого десятилетия нового века). Рябуха Павел Фёдорович и Богомаз Павел Евстафиевич получили высшее образование и стали горными инженерами; Лобода Дмитрий Иосифович стал бухгалтером. Были грамотными людьми и Красуля Евстафий Григорьевич, Мисиков Григорий Демьянович, братья Сергей и Василий Магдарьевичи Сериковы, Химченко Иван Денисович, Гордиенко Александр Петрович, Богомаз Владимир Денисович, Новак Игорь Иванович - все из "писарей".

С каждым годом число грамотных в Ряжене увеличивалось. В первые годы советской власти получили образование Поляниченко Александр Васильевич, Галицкий Александр Евпович, Богомаз Авксентий Денисович и другие. Но многие деревенские парни и девушки оставались недоученными. Суровое время, бедняцкая жизнь приводили к тому, что родители часто говорили своим детям: "Походил год - два в школу и хватит, надо в хозяйстве помогать".

Новое правительство учредило в уездах и волостях Чрезвычайные комиссии по ликвидации безграмотности (ЧКЛБ). Стало привлекать в порядке повинности грамотных людей к обучению неграмотных. В Милость-Куракинской волости, куда относилось и Ряженое, также была организована ЧКЛБ.

В эти же годы проходила реформа школы. Вместо деления на начальные школы, гимназии и реальные училища вводилась т. н. единая трудовая школа, которая делилась на две ступени: первая - для детей от 8 до 13 лет и вторая - для детей от 13 до 17 лет. При проведении реформы правительство подчёркивало, что всё положительное старой школы надо использовать в новых условиях.

В 1920 году в стране на 1000 человек населения приходилось уже 319 грамотных, в то время, как до 1917 года - только 223. Но материальные трудности в стране вызывали и трудности в школах. Известно, что в том же 1920 году государство выделило на полугодие для учащихся в среднем один карандаш на 60 учеников, одно перо на 22, одну ручку на 12, одну тетрадь на 2, одну чернильницу на 100 учеников.

Советское правительство вынуждено было временно разрешить приём в вузы без аттестатов о среднем образовании и без вступительных экзаменов, открыть при вузах подготовительные курсы, впоследствии превращённые в рабочие факультеты (рабфаки). Через эти рабфаки прошли многие ряженцы - будущие учителя, врачи, агрономы и зоотехники, инженеры, профессиональные военные, юристы. Таганрог, Новочеркасск и Ростов оказали огромное, решающее влияние на повышение уровня грамотности среди приморского населения.

Первый рабфак в стране был открыт в августе 1921 года в Москве. Среди его организаторов был М. Н. Коваленский - возможно, потомок ряженских Коваленских. Затем подобные структуры стали возникать и в наших краях. В Голодаевке (ныне Куйбышево) учились в рабфаке многие ряженцы.

В начале 1921 года школа снова претерпела изменение. Было решено признать в качестве основного типа общеобразовательной школы 7-летнюю вместо 9-летней. Старшие классы второй ступени сливались с профтехническими школами, проводилось временное снижение возрастной нормы общего и политехнического образования с 17 до 15 лет. А в 1923 году было развёрнуто движение за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, было создано общество "Долой неграмотность". Уже в 1925 году в стране училось около 1,4 млн. взрослых.

К 1926 году сложилась система школьного образования следующей структуры: начальная 4-хлетняя школа (I ступень); 7-иетняя школа в городах; школа крестьянской молодёжи (ШКМ) в деревне; школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на базе начальной школы; школа II ступени (5-9 классы) со второй профессионализацией (8-9 классы) в ряде школ. В Ряжене тоже была ШКМ, располагавшаяся в доме Шаронова; в ней учились многие ряженцы, уже упоминавшиеся выше. И всё же школа не справлялась с ликвидацией неграмотности. В 1927 году наша страна по уровню грамотности занимала 19-е место в Европе. Поэтому были предприняты новые шаги по исправлению положения: в 1928 году огромные отряды "культурмейцев", как их тогда называли, были направлены из городов в сёла для обучения грамоте взрослых. С 1930-31 учебного года было введено в школах обязательное начальное обучение. Тогда же была проведена и мобилизация молодёжи, особенно комсомольцев, в педагогические вузы. Но жизнь показала, что к полнообъёмному педагогическому образованию молодёжь, особенно сельская, в своём большинстве не готова. И в 1934 году в стране были открыты двухгодичные учительские институты. На базе Таганрогского педагогического техникума в 1939 году был также открыт учительский институт.

С 1934/35 учебного года в СССР начали действовать 10-летки, в числе которых была и Матвеево-Курганская, где стали учиться и некоторые выпускники 7-летки (неполной средней школы - НСШ) из Ряженого. Но до самой Отечественной войны многие сельские мальчишки, а особенно девочки, оставляли школу очень рано. Так, в 1938 году в Новосёловской школе из третьего в четвёртый класс не пришло почти половина девочек, а из четвёртого в ряженский пятый класс пришли единицы. В старших классах отсев был ещё значительней.

В 1939/40 учебном году в Ряженской НСШ, которая вбирала в себя выпускников начальных школ всей территории сельсовета, было 4 пятых класса, в следующем году из них было сформировано уже только 3 шестых с общей численностью не более 100 учеников, а в сентябре 1941 года в седьмой класс пришло около 50 человек. Правда, возможно, сказалась начавшаяся война. Даже в Таганроге неграмотность среди взрослого населения была ликвидирована только к 1940 году.

Вспоминая о школе, взрослые с благодарностью говорят о своих учителях, о своих первых наставниках.

В Новосёловской начальной школе в 30-е годы заведующей была Екатерина Ивановна, а её помощницей и заместителем - Екатерина Андреевна. Позже ученики, вспоминая, говорили, что мы учились у Екатерины I и Екатерины II. Заведующая была постарше, слыла добродушной, даже ласковой старушкой. Она была уважаемым в селе человеком, обучала грамоте взрослых, часто бывала на колхозных собраниях, где выступала с добрыми и умными советами. Помогала местному колхозу им. Кирова в налаживании учёта, в подготовке грамотных кадров. Ученики любили её как маму или бабушку.

Её помощница - женщина помоложе. С чёрными коротко подстриженными волосами, строгая в своей одежде и в требованиях к ученикам, не дающая никому спуска, она вся отдавалась процессу обучения и воспитания учеников непосредственно своей начальной школы. Другие довоенные учителя Новосёловской школы были как-то менее заметны - часто менялись, плохо уживались в селе. Был даже один учитель Алексей Алексеевич - паренёк лет 15, окончивший 7 классов и ещё не успевший сам оставить детские привычки. На перемене он вместе с учениками иногда прятался в кусты сирени, которые изобиловали за зданием школы, и курил, боясь, чтоб не увидела Екатерина Ивановна. Он был добрый, хороший, ученикам нравился, но вскоре куда-то ушёл.

Четвёртый класс начальной школы был выпускным, поэтому в конце года проводились выпускные экзамены. Бывшие ученики до сих пор вспоминают, с каким трепетом они готовились к ним, первым в своей жизни экзаменам, а затем под диктовку писали заявления на имя директора Ряженской НСШ с просьбой принять в пятый класс вверенной ему школы. Особенно их интриговало не совсем понятное слово "вверенной".

Директором Ряженской НСШ до войны был Плотников Василий Иванович, подстать своей фамилии плотный человек среднего роста, почти совсем лысый, хотя он был ещё сравнительно молод. Ученики за твёрдость характера называли его "лысая броня". В учебный процесс он вникал слабо, и им казалось, что он существует для их устрашения. Василий Иванович всё хлопотал по хозяйству. А хозяйство у него было обширным. Школа располагалась в трёх удалённых друг от друга корпусах. Главный корпус с дирекцией находился на улице, носящей теперь имя Есауленко, напротив нынешнего здания водного бассейна; второй корпус находился на улице им. Ленина (бывший дом Шаронова), а третий - на той же улице, но у самого моста, напротив мельницы (бывший поповский дом). Естественно, хозяйственных дел было невпроворот. А все ученические дела вершил завуч Моисей Моисеевич Кестнер - огромный рыжий немец с пышными усами, который всё и обо всех учениках всегда знал, видел каждого насквозь. Скрыть от него невыполнение домашнего задания было невозможно. Он буквально гипнотизировал учеников, и они сами во всём сознавались. Преподавал он свой родной немецкий язык и любил всякие немецкие и русские поговорки. Он был строгим, требовательным, но справедливым и уважающим достоинство учеников. Его боялись и любили одновременно. Моисей Моисеевич страшно не любил подхалимов и лгунов, но обожал шутя переводить на русский язык то, что ученики могли "сморозить", пытаясь по-немецки пересказать какой-либо текст. На его уроках было легко и весело. Но если он хмурился, то ученики замирали. Забияку, который обидел девочку, он мог стукнуть по затылку, и никто на него не обижался.

Ещё одним замечательным учителем была Зоя Николаевна Жмурина, преподававшая русский язык и литературу. С учениками и учителями она

держалась вежливо и с достоинством. Уроки её были интересными: литературой она была увлечена настолько, что казалось, рассказывает о какой-нибудь книге своей подруге на вечеринке. Но Зоя Николаевна была и строга, легкомысленного отношения к предмету не прощала. Почти все её ученики любили литературу, хотя русский язык им - деревенским, говорящим дома на смешанном русско-украинском языке ("хохлачём"), давался не легко.

Запомнился и учитель биологии - высокий худой старик с зычным голосом (он же преподавал и пение) - Василий Герасимович Никитин. О растениях и животных он говорил с воодушевлением и прививал ученикам любовь к ним. На уроки пения он приходил со скрипкой, и ученики всегда с удовольствием слушали его игру.

Учителя химии Ивана Андреевича Шувалова, носившего широкие, светлые, всегда наглаженные брюки, любили не как учителя, а как человека, дававшего возможность заниматься опытами в химлаборатории.

Учитель географии - маленький подвижный армянин Давид Ашотович Согомоньян - увлекательно рассказывал об интересных странах, народах и загадочных явлениях.

Были учителя и уроженцы Ряженого: Мария Владимировна Тищенко, Андрей Демьянович Мисиков и другие. Все они свою жизнь посвятили нелёгкому, но благодарному делу воспитания подрастающего поколения. Их ряженцы помнят, чтят, вспоминают.

Сын ряженского крестьянина Галицкий Кузьма Никитович, родившийся в 1897 году, был кадровым военным, в отставку вышел в звании Генерала Армии. О нем – отдельный очерк.

СОХА И РЕМЕСЛО

"Соха кормит, ремесло поит, промыслы одевают", - гласит старинная русская пословица. Соха и ремесло всегда шли рядом. Они помогали друг другу, дополняли одно другое.

С незапамятных времён, чтобы выжить, людям приходилось решать две основные задачи: искать пропитание и укрываться от непогоды - холода или зноя. Постепенно люди научились охотой добывать себе мясо, сеять и выращивать злаки, строить жилище и мастерить одежду. Накапливались навыки в земледелии - главном источнике жизни, появлялось ремесло, обеспечивающее людей орудиями производства, быта.

В деревнях люди стали делиться на земледельцев, скотоводов и ремесленников. Земледелие и скотоводство - основной вид деятельности сельчан, ремесло - дополнительное занятие, помогающее крестьянам в хозяйстве. Тем не менее, о сельских ремесленниках, а вернее, о людях мастеровых и их делах стоит рассказать подробнее.

Чтобы чем-то пахать и сеять, чтобы на чем-то передвигаться, чтобы строить дома, люди научились обрабатывать дерево и железо, выделывать шкуры животных и использовать камень и глину. Появились гончарное и плотницкое ремесла, кузнечное и кожевенное производства. Само слово "ремесло" - это старинное видоизмененное ремество, рукомесло, обозначающее рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб. Насколько всякое ремесло было в почете, какое большое значение оно имело для крестьян, видно из множества пословиц и поговорок, родившихся в народе. "Ремесло за спиной не носишь, а с ним добро", "Ремесло - не коромысло, плеч не оттянет", "Ремеслу везде почет" и другие.

Одним из ранних ремесел на деревне было кузнечное дело. По всему свету издавна существовали и существуют кузницы, мастерские, где куют железо. Правда, в последние времена они исчезают: уже не в каждом селе найдешь кузницу, не то что по нескольку, как раньше. Но в истории человечества кузнец оставил большой след, - фамилии, происшедшие от профессии кузнеца, самые распространенные по всей Европе и Америке. Кузнец всегда необходим и приметен. “Вы чьи, ребята?” - “Кузнецовы!” - так говорили на Руси. Отсюда фамилия - Кузнецов.

Известный советский географ и этнограф Владимир Андреевич Никонов в своей книге “География фамилий”, указывает, что “...от украинского, белорусского и польского “коваль” произошли восточнукраинская фамилия Коваленко, полесская - Ковалюк, белорусская - Ковалев, польская - Ковальский, южнопольская и западноукраинская - Ковалик, сербскохорватская и словенская - Ковач, болгарская - Ковачев. Самая частая фамилия Великобритании и США - Смит, немецкая Шмидт - тоже означают кузнеца.

Народная мудрость характеризует его, как человека нужного, уважаемого и хорошо оплачиваемого, “Муж- кузнец, жена - барыня”, “У кузнеца что стукнул, то гривна”. Талант кузнеца превозносился превыше всего: “Кому Бог ума не дал, тому и кузнец не прикует”. Кузнец дорожит своим инструментом и подсобным материалом, он знает, что без них он никто, и поэтому скряжничает. Так и возникла поговорка: “У калачника дрожжей, у кузнеца угольев - не проси”.

В старом Ряжене, как и в других деревнях, были семейные кузнецы. Можно было часами любоваться, как работают братья Поляниченко Архип и Василий Владимировичи. Огромный мех с коромыслом тяжело вздыхает, дует в кузнечный горн. Архип ворочает в пылающих углях кусок железа, ждет, пока он не засияет белым светом, затем резко бросает его клещами на наковальню. “Стук, стук!” - раздаются глухие удары молотка по раскаленному железу, “стук, стук!” - летят звонкие щелчки молотка о наковальню. Искры летят во все стороны, кузнец снова бросает железо в огонь и снова на наковальню. Затем опускает в ведро с водой - ш-ш-ш-шипит и бурлит вода. “Фу-у, - вытирая пот, говорит он облегченно, - готово. На, сосед, свой лемех, сам будет пахать”.

На других краях деревни работают в своих кузницах Химченко Денис Максимович, Горбатко Андрей Иванович, Ханенко Федот, Красиков Иван и его сын Василий. Они ремонтируют плуги и повозки, подковывают лошадей, делают железные ограды, дверные и оконные запоры. Хозяйки просят починить или сделать новые рогачи для печных чутунков, чапайки (старинное слово чапать - хватать) для сковородок, кочерги для помешивания дров или кизяка в русской печи. Без работы кузнеца не может обойтись ни один хозяйский двор.

Изделия кузнецов надолго переживают своих создателей. На кладбищах, в том числе и в Ряжене, среди современных памятников торчат столетние огромные кованые кресты с ажурным орнаментом. Неизвестные мастера - кузнецы вложили в них свою душу. Даже война, иссекая их осколками, не смогла уничтожить, никакой гранит и мрамор с ними не сравняются. Жаль, что не все сохраняется. Детище кузнецов - красивая железная ограда, окаймлявшая некогда церковь на ряженской площади, затерялась во времена бесшабашной “борьбы со старым”. Кованые сундуки (скрыни), домашние двухколесные тележки (тачки) также дожили до наших дней в редких экземплярах.

Вторым, самым распространенным ремеслом на деревне, было и остается плотницкое дело. Ни один двор, ни один дом не мог жить без топора и пилы. Название плотник происходит от слова плот, т.е. плотно подогнанные бревна или доски. Плотник, считалось раньше, это рабочий для лесных поделок, строений.

Основным инструментом у него были топор, пила, долото. Плотники занимались строительством изб и других помещений, изготовлением колесных повозок и саней, ярм для волов, срубов для колодцев, ворот и иного другого, что делалось из дерева. Старые плотники все вещи, как правило, делали без применения гвоздей и шурупов. Топором и пилой владеет почти каждый сельский житель, каждому хозяину так или иначе приходилось и приходится заниматься плотницким делом - в деревенском быту всегда найдется что починить, что сделать заново. Но были раньше работы, которые под силу только профессионалам. В Ряжене, например, такими профессионалами, умевшими делать ободья и ступицы колес для телег, ярма, дуги для лошадей, были Алейников Калина Никифорович, его сын Павел, Красуля Кузьма Матвеевич и его двоюродный брат Емельян. Русская пословица говорит: "Не топор тешит (бревна - прим.автора) - плотник".

Плотники и сейчас в почете. Но надобность в изготовлении деревянных колес отпала. Вместо волов и лошадей - теперь тракторы, вместо деревянных повозок - железные, на резиновом ходу, прицепы. Не многие уже знают, как выглядели арба, бричка, сани. Только старики еще помнят, например, что телегой у русских называлась одноконная оглобельная повозка, состоявшая из хода, кузова, дрог и станины. Оглобли надевались на концы передней оси, притыкались чеками, их передние концы распирались дугой, чтобы они не давили на лошадь.

Более тонкую деревянную работу делали столяры. Понятно, что столяр - от слова стол, верхнюю доску (крышку) которого раньше называли столешницей, а низ - подстольем (с обвязкой и ножками). Столяры делали любую деревянную мебель: комоды и кровати, шкафы и стулья, лари и шкатулки, рамки для фотокарточек, оконные и дверные блоки (рамы, лутки, двери). Инструментом столяра являлись, в основном, рубанки и фуганки, ножовки и стамески, отборники и фальцовки, молотки и клещи. Теперь набор инструмента расширился - появились электропилы, электрорубанки, электродрели и другие деревообрабатывающие станки и приспособления.

Где работают плотники и столяры, там всегда пахнет хвоей (сосна - основной столярный и плотницкий материал). Ель плотники не любят, она сучковатая. Недаром существует байка, как, умирая, старый плотник прошептал: "Всем прощаю, но еловому сучку - никогда!" В руках столяра рубанок плывет по доске словно лебедь, разбрасывая завитки стружек. Когда-то поэт написал: "Спозаранок мой рубанок, лебедь, лебедь мой ручной, торопливый и шумливый мною пущен в путь речной".

Искусство плотников и столяров в каждой деревне оставляло свой след: то в виде красивых резных фронтонов, то в образе затейливых, присущих только этой деревне, ставень и наличников окон, то в виде каких-то особенных ворот и калиток. К сожалению, в селах Примиусья, особенно в Ряжене, из-за войны почти ничего из творений старых мастеров не сохранилось. Разве только кое-где отдельные деревянные изделия, как рубель (рубчатый каток для накатки кож или катки белья), веретено или прялка для пряжи шерсти, топорище или рамка для фотографий. О плотниках и столярах говорили шутя: "Столяры да плотники от Бога прокляты, за то их проклинали, что много лесу перевели".

Другое дело - каменщики. Их творения переживают века. Даже война не в силах их уничтожить. Кто не останавливался у ряженской водяной мельницы! Кто не любовался ее трехэтажным зданием, возвышающимся над бывшей плотиной Миуса! Кстати, и плотина - тоже работа каменщиков. Уже позабылись имена мастеров, а их дела живут в веках. Фундаменты и стены строений, обкладка колодцев и погребов, мостовые и каменные заборы, устройство плотин и

водоемов, сооружение каменных церквей - работа людей, оснащенных кирочкой и мастерком, уровнем и отвесом, метровой или аршинной линейкой и шнурком.

Гармонисты - это тоже ремесленники, правда, особые. Слово "гармония" означает соответствие, созвучие. В старину считалось, что гармонист - это сочинитель музыки, искусный в составлении и расположении созвучий. Человек, который видит и создает гармонию - большой мастер. Знаменитые мастера братья Грунтовские - Прокофий и Яков - были не только столярами, механиками, плотниками и мельниками, но и отличными гармонистами, делавшими прекрасные гармошки и баяны и виртуозно игравшими на них. Во время войны, когда все было разрушено, они смастерили ветряк, установили его на своем сарае и заставили ветер вращать небольшую мельницу.

Диву иной раз даешься смекалке и выдумке деревенских мастеров. Они - плотники и музыканты, печники и поэты, пахари и художники. Вот, например, печники. Сколько горя хлебнут хозяева, если дымит печка или плохо греет, или духовка не печет. А придет мастер - поворожит, подправит кирпичики, и печь загудит, из духовки жаром пахнет. Каких только печек мастера не делали!

Обычная печка. На юге России это "груба", предназначена для обогрева и варки пищи. Ее все знают, хотя в настоящее время ее вытесняет газовая печь. А вот русская печь - устройство более универсальное: в ней варят пищу и пекут хлеб, на ней греются и даже спят, под печкой хранят кухонный инвентарь. Она состоит из опечья (низ, основание из песка и глины, иногда в деревянном срубе), пода (подошва внутри печи, верхняя часть опечья), свода (потолок бочкообразный над подом), подпечья (пространство под опечьем), запечья (пространство между печью и стеной избы), припечка (завалинка, куда ставят чугуны, вынутые из печи), трубы с задвижкой (впереди свода, для выхода дыма).

Народная молва о печках говорит ласково, уважительно. "Печь - нам мать родная". А иногда ее упоминают с юмором: "До 30-ти лет греет жена, после 30-ти рюмка вина, а после - и печь не греет" - одряхлел человек, ослаб. Печники - народ серьезный, подчас своенравный, в их дела не суйся. Не понравятся хозяева - мало заплатят, оконфузят работу мастера, или еще что-нибудь - намаются тогда они с печкой: начнет дымить, греть плохо будет, и духовка не станет печь. Среди старых печников ряженцы вспоминают Богомаза Ивана Лаврентьевича, печника и музыканта, сочинителя частушек и прибауток.

Человек жив не только теплом избы или печи, а и теплом одежды и обуви. И если одежду шили, ткали и вязали крестьяне сами, то обувь делали специалисты - сапожники. Огромной популярностью в Ряжене пользовались сапожники, шившие новые и чинившие старые сапоги, прекрасные мастера: Анцибор Григорий Семенович, Горбатко Григорий Иванович, Сериков Степан Федотович, Денисенко Илья Кузьмич, Милутка, Лозенко Иван и другие.

На Украине и юге России сапожников называли чеботарями. Чобот - сапог, с длинными голенищами, передами, задниками и подошвами. Сапожники на селе, как и другие мастеровые, весьма уважаемые люди. К ним приходится обращаться всякому хозяину. По-моему, незаслуженно сапожников характеризует поговорка: "Пьян как сапожник". Они пьют не больше других. Конечно, всякие были мастера, но в основном - это талантливые люди, знающие себе цену. Новые сапоги поначалу, как правило, жмут ногу, "муляют", как говорили в старину. Часто человека и сравнивали с сапогом: "Тупой как сапог", "Жена - не сапог, намуляет, так с ноги не стянешь".

Мастеров, которые делали валенки, позывали "полстовалы". Это слово происходит от слова "полсть" - холст, свалянный из шерсти. Валенки тоже валяют из шерсти. В Ряжене были свои полстовалы: Литвиненко Иван и Литвиненко

Яков, Водяга Петр, но больше ряженцы обращались за валенками в Покровскую. Тулупы из овчин тоже там шили. В Покровской жил один из известных тулупников Бондарь Аким. Он сам выделывал кожи и сам шил тулупы. Тех, кто выделывал кожи, называли “скорняками”. Скорняк - от слова “скура”, т.е. шкура, кожа, товар из пушнины. Скорняжить - значит выделывать шкуру на мех, сбивать мездру, выминать. Это ремесло трудное и грязное. Недаром говорят, что “от козла псиной несет, а от скорняка - кислятиной”.

Простую одежду сельчане шили сами, но более “изысканную” заказывали у портных. Портной - от слова “портно” - узкий, грубый, холст, “портки” - холщовые штаны, вообще, холщовая одежда. “Народ сельский только в крайней нужде обращался к портным - им не особенно доверяли, считали, что они из материала заказчика и себе чего-нибудь выгадают. Исстари за портными укрепилась дурная слава: “Нет воров супротив портных мастеров”, или - “Портной на грош украдет, на рубль изъяну сделает”. Все это пережитки - прошлого, теперь портные - большие мастера, с лоскутками заказчика связываться им незачем.

Женскую одежду шили модистки. Название происходит от слова “мода”, т.к. “модничают”, в основном, женщины. Модистка - уборщица, (убирает женщин), швея, зачастую и торговка нарядами.

На селе широко было распространено и шорное ремесло. Шорник - тот, кто делает ременную упряжь, конскую упряжную сбрую. Шорник - от слова “шоры” - упряжь конская без хомута, немецкая упряжь со шлеей, с лямкой. Там, где лошадь - там и упряжь, там и нужен шорник. Народ подметил: “Шорник - полковник, портной - майор, а сапожник в грязь - так князь, а сухо - пали его в ухо”. Здесь складывалась вся житейская мудрость. Шорник всегда нужен: без лошади и упряжки - ни туда и ни сюда, без портного хотя частенько и обходились, но одежду обновлять тоже нужно. А вот сапожник - дело сезонное, летом в деревне ходили босиком, и только в ненастье нужны были сапоги (туфель на селе раньше не знали). Сухо - пали сапожника в ухо, не нужен он.

Мастерство женщин, в основном, заключалось в умении шить, прясть (на веретене или прялке), вязать из шерсти и тряпичных лоскутов, искусно штукатурить глиной стены и потолок дома; в умении засаливать овощи в кадушках (консервирования тогда, еще не применяли), готовить варенья и, естественно, каждодневную пищу. В каждом селе были мастерицы по выпечке хлеба. Каждая хозяйка сама пекла хлеб, но не у всякой он получался. “Как ты, кума, печешь хлеб, что он у тебя такой хороший?” - часто спрашивали соседки.

Многие ремесла на селе отживают свой век, но многие сохраняются поныне. А наряду с ними появляются и новые. Широко теперь известны профессии механизаторов, шоферов, слесарей, электромонтеров, газовиков, теле- и радиомастеров. Новое время выдвинуло на передний край мастеров-универсалов. В Ряжене их уже немало. Например, там живет и трудится, без преувеличения, талантливейший мастер-универсал Сериков Николай Степанович. Нет в быту сельчан такой работы, которую он бы не смог сделать (разве только ремонт телерадиоаппаратуры). Он - плотник и столяр, печник и сапожник, каменщик и штукатур, кровельщик и бойник и т.д.

В его руках любое дело спорится. К нему обращаются за помощью со всего села.

Появились умельцы и другого порядка: ремонтники автомашин (особенно после аварий), извозчики на личных автомобилях (перевозчики грузов), работа по найму своими тракторами, косилками...

Многое на селе меняется – отжила соха и отпали старые ремесла, но потребность в мастерах-умельцах не уменьшается. Своими старыми мастерами гордятся в каждой деревне, гордятся мастерами и новыми, современными.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ДОРОГ

30 августа 1943 г. Таганрог и его окрестности были освобождены от немецкой оккупации. Началось восстановление разрушенного хозяйства: заводов и колхозов, учреждений и больниц. Но особенно быстро требовалось восстановить железную дорогу. Так, уже на 6-й день после немцев пошли первые поезда по линии Таганрог - Ростов. Они везли вслед за уходящим фронтом военные грузы, везли в освобождённые районы стройматериалы и продовольствие.

Паровозное депо станции Таганрог, собрав довоенных специалистов и пополнившись послевоенной молодёжью, развернуло интенсивную работу по восстановлению паровозов, по их обслуживанию. С прифронтовых линий доставлялись израненные бомбами и снарядами машины. Кадров не хватало. Железная дорога по статусу была приравнена к действующей армии. Инженерно-техническому составу были присвоены офицерские звания.

Начальником депо станции Таганрог в 1944 - 45 гг. был инженер-майор Николай Иванович Морозов, его заместителем - инженер-капитан Лисицын. Мастера цехов - Фёдор Павленко, Кошуба, Дудин, Залогин и другие - носили звание инженер-лейтенантов, а мастера и бригадиры - Кондрашов, Чичкал, Яцеша - техник-лейтенантов. На планёрках рабочие выстраивались по подразделениям, обращались к начальникам в соответствии со званием. Военное время требовало военной дисциплины.

Огромная масса рабочих была из пригородных сёл. Когда прибывал рабочий поезд, перрон оглашался шумом, покрывался толпой мужчин и женщин, спешащих не в город, а назад, по путям в депо. Мелькали сумки, плетёные корзины, железные - в виде домиков - сундучки со скудными харчами.

Среди иногородних рабочих преобладали «неклиновцы». Вообще-то, правильнее было бы называть их «покровчане», но так уж укоренилось - говорили не по названию села (Покровская), а по названию станции (Неклиновка) и района (Неклиновский). Работа в депо шла круглосуточно, без выходных, и, если поезд с рабочими опаздывал, а следовательно, опаздывала целая смена, то предыдущая смена не покидала рабочих мест до её прихода.

Таганрогское паровозное депо представляло собой огромное предприятие, обеспечивавшее ремонт - как текущий, так и средний - и эксплуатацию тяговой части железнодорожных составов. В годы войны оно именовалось «ТЧ-5» (тяговая часть, в отличие от «ПЧ» - путевой части, «ВЧ» - вагонной части и других «Ч».

В заготовительном цехе, руководимом мастером Фёдором Павленко, было несколько участков: механический, слесарный, электро- и газосварки, подсобный. На каждом участке имелись неосвобождённые бригадиры - рабочие высшей квалификации, получавшие надбавку за бригадирство к своей основной зарплате.

Участок сварки располагался в середине большого корпуса, выходящего задней стеной на улицу им. Фрунзе. По одну сторону от него в этом корпусе находилась дизельная установка, обеспечивающая электроэнергией всё депо; по другую сторону - электроцех (мастер Дудин).

Об участке сварки, где автору пришлось работать, расскажем подробнее. Неосвобождённым бригадиром участка был электросварщик 8-го разряда (высшего) Яцеша, уже пожилой в то время и очень серьёзный рабочий,

работавший электросварщиком со дня появления здесь сварки - с 1923 года. Затем его сменил Фёдор Костенко. Бригада состояла почти полностью из неклиновцев и горожан, выходцев оттуда же. Это было обусловлено близостью Покровской к городу.

Покровская - одна из трёх слобод Примиусья, основанных запорожскими казаками в 1769 году. В 1936 году, когда был образован Неклиновский район, вобравший в себя часть земель Матвеево-Курганского, Фёдоровского и Таганрогского районов, Покровская стала районным центром. Теперь этот район по территории на много больше Матвеево-Курганского, а по населению - почти в два раза. Одна Покровская растянулась вдоль железной дороги на многие километры. Местные поезда на её территории делают две остановки. Ещё в давние-давние времена в Покровской располагалась почтовая станция.

Во время путешествия Императора Александра I-го из Таганрога в Крым (1825 год) на почтовой станции у Коровьего брода (у Покровской) было приготовлено 23 тройки лошадей для экипажа Государя и его свиты. Когда Император умер, и тело его везли из Таганрога в Петербург в сопровождении атамана Войска Донского графа Орлова-Денисова и конвоя лейб-гвардии Казачьего полка, вся процессия останавливалась на ночлег в Покровской.

Дальнейшее развитие слободы Покровской связано с прохождением через неё двух знаменитых трактов - Воровского шляха и дороги № 26, идущей из Таганрога мимо Покровской и Ряженого на Матвеев Курган и Голодаевку (Куйбышево). После постройки в 1869 году Харьковско-Таганрогской железной дороги Неклиновка стала ближайшей к городу станцией. Так она оказалась на перекрёстке дорог.

Жизнь многих покровчан стала всё больше зависеть от железной дороги. Поэтому не случайно жители Покровской составляли значительную долю рабочих станций Марцево и Таганрога, особенно вагонного и паровозного депо.

Работу участка сварки, как уже сказано выше, обеспечивали в основном неклиновцы. Иван Иванович Филоненко - электросварщик экстракласса, старший в своей смене; его работой можно было любоваться как ювелирным изделием; особенно ценил его знатный мастер-котельщик Дмитрий Александрович Залогин. Филоненко сваривал двадцатимиллиметровые стенки котлов любого положения - вертикального, потолочного, косого, горизонтального, - клал швы настолько гладкие, что они казались литыми. Если учесть, что в те времена электроды изготавливались самими сварщиками из бухт проволоки с обмазкой из мела с жидким стеклом, то гладкие швы были достоянием только очень квалифицированных сварщиков. Когда Иван Иванович варил потолок, расплавленный металл электрода вливал в стенки котла, почти не образуя брызг. Зачищать от шлака такие швы не представляло большого труда. Особенно сложной была сварка "косым" швом - "горизонталь по вертикали". Шов нужно было класть за два прохода, и верхний слой лучше ложился вкосу, но это требовало особого умения. Иван Иванович мог на потолке так положить свою роспись, как будто пером на бумаге. Он был не только мастером своего дела, но и прекрасным учителем и наставником. Он делал всё с улыбкой и шуткой, учил учеников не поучая, никогда не повышал голоса. Вообще работал красиво, говорил, что хорошо делать своё дело - одно удовольствие. Его ученики быстро становились хорошими сварщиками.

Старшим в другой смене был электросварщик 7-го разряда Филипп Яковенко. Это очень весёлый и симпатичный человек, выполнявший так же самые ответственные работы. Его смена обычно отмечалась как передовая.

В третьей смене старшим являлся Николай Рымарь. Он был самым старшим по возрасту (после бригадира Яцеша) - лет сорока, серьёзным и весьма трудолюбивым человеком. Не гнушался варить самые разнообразные по сложности изделия: от вваривания в котёл жаровых и дымогарных труб и межстенковых "связей" до наплавки изношенных трущихся частей паровоза. Дома он плёл из лозы корзины и привозил их в город на продажу.

В каждой смене работали и сварщики меньшей квалификации - Сергей Кравцов, Иван Мороз, Валентин Радченко, Нина Переверзьева, Гритченко и др. Кроме "старичков", которым было под тридцать, на участке сварки трудилась в каждой смене и молодёжь - Николай Гарькуша, Александр Яковенко, Александр Гаманенко, Павел Прокопенко - тоже жители Покровской. Они во всём старались походить на своих старших товарищей, а было им по 16-17 лет. На их долю выпадала самая простая, но подчас и самая трудная работа. Варить поддувало паровоза из-за его небольших размеров могли только сварщики малого роста - мальчишки, да и то без защитной маски, т.е. только с тёмным стеклом в руке. Лучи и искры обжигали лицо и руки, пот валил градом и заливал глаза. Сварщик в поддувале был как в мышеловке - не повернуться, не подвинуться. Вылезал он оттуда мокрым, чумазым как чертёнок, улыбающийся сквозь пот и слёзы. Исполненный долг радовал молодого рабочего. Самым трудным для молодых было не заснуть, особенно к утру, под монотонное шипение вольтовой дуги. Но они отличались молодым задором и весёлым озорством. На оградительных железных щитах после ночных смен часто видны были следы их озорства: выполненные мелом рисунки, надписи, стихи.

Если на щитах оказывались силуэты красивых девушек, то приходившие в цех заказчики говорили: "Ночью дежурил Коля Гарькуша", если щиты были исписаны стихами, то узнавали почерк Пети Богомаза, если же щиты украшали всевозможные надписи, то ночью работал самый молодой кадр (лет 15) - Лёня Мороз.

Жители Покровской, Ряженого, Матвеева Кургана работали на всех участках Таганрогского железнодорожного узла. Дежурные и стрелочники, слесари и котельщики, токари и кузнецы, целые паровозные бригады (машинисты, помощники и кочегары), электрики, операторы, литейщики - вот неполный перечень профессий, освоенных сельчанами. Один передний и два задних вагона местных поездов были предназначены для рабочих-железнодорожников, имевших право бесплатного проезда. Эти вагоны оглашались криками играющих в "подкидного", песнями и часто звуками гармошек, которые бывало парни возили с собой. Особенно заслушивались пассажиры песнями кузнеца Павла Ефименко, задумчиво исполнявшего песни и романсы. С огромным подъёмом он исполнял: "...Сердце, тебе не хочется покоя..." Девушки и молодые женщины сами пели, но часто просили Павлика спеть ещё и ещё.

Более старшие неклиновцы организовывали свой хор со своими песнями. Среди них выделялся бас, не уступающий Полю Робсону. Как-то, услышав сильный голос, от которого дребезжали стёкла в вагоне, возвращавшаяся с южных гастролей труппа артистов буквально стала осаждать рабочего из цеха промывки, приглашая его в свой ансамбль. Рабочий, к сожалению не помню его фамилии, отказался наотрез.

Кстати, труппы артистов, приезжавшие в Таганрог, часто выступали в железнодорожном клубе при паровозном депо. Помнится, с каким восторгом и азартом в 1946 году железнодорожники слушали Заслуженную артистку Республики великую Лидию Русланову, исполнявшую русские народные песни в День железнодорожника.

Многие выдающиеся люди Таганрога были в своё время связаны с железной дорогой. Герой Советского Союза генерал армии Кузьма Никитович Галицкий, известный авиаконструктор Владимир Михайлович Петляков в молодости работали помощниками машиниста паровоза в Таганрогском депо. В послевоенные годы можно ещё было увидеть седую пышную бороду, выглядывавшего из окна старенькой "овечки" (паровоз серии "ОВ") старейшего машиниста Таганрога (фамилию запомнил), который рассказывал такой случай.

Как-то ему - машинисту - в дореволюционное время довелось вести в Таганрог поезд с какой-то высокопоставленной особой Царского двора. "Меня, - вспоминал старик-машинист, - предупредили, смотри, мол, начальство не любит лихачества, но и не терпит медленной езды". И вот, он решил постараться ехать быстро, а тормозить начать с определённого места, чтобы плавно подкатить в самый тупик станции, поближе к вокзалу. Но не тут-то было. Тормоза сработали рывком, колёса заскрежетали, вагончики споткнулись, а важные пассажиры послетали со своих мест, понабив шишки. Находившиеся на паровозе жандармы схватили незадачливого машиниста и поволокли: "Падай в ноги Его Высочеству и проси прощения". Его Высочество пнуло машиниста ногой: "Пошёл вон, собака". На этом всё и закончилось. "Думал - запорят", - заканчивал историю старейший машинист.

Много интересного и поучительного знало паровозное депо. Но вот в июне 1962 года железная дорога на участке Таганрог - Ростов была электрифицирована, и паровозам стало нечего делать. Депо потеряло своё бывшее значение. Профессии ремонтников-паровозников исчезли - не стало котельщиков, промывщиков, кочегаров, сварщиков труб и поддувал. Машинисты переквалифицировались на водителей электропоездов и стали водить машины в галстуках. Старые паровозы ещё некоторое время стояли на запасных путях законсервированными, но затем и они куда-то подевались.

Уменьшилось количество железнодорожников, сократились отряды иногородних, прибывающих электричками по утрам и вечерам. Не стало слышно в вагонах песен. Старые кадры из числа неклиновцев и ряженцев ушли на заслуженный отдых, молодые - кто на заводы, кто на учёбу, кто остался в родном селе, став колхозником. И теперь только небольшая часть железнодорожников состоит по-прежнему из жителей Покровской, Ряженого, Матвеева Кургана и других пригородных сёл. Зато в электричках стало тесно от сумок и мешков украинских "челноков", увеличился поток коммерческого автотранспорта - Покровская, как и раньше, находится на перекрёстке дорог.

ФАМИЛИИ И ПРОЗВИЩА

Фамилия – наследственное имя семьи. Слово «фамилия» - латинского происхождения, как пишет известный этнограф Владимир Андреевич Никонов, оно «существовало за много веков до возникновения фамилий в современном смысле: оно обозначало общность, включающую семью хозяев и их рабов и клиентов (зависимых). Позже в языках Западной Европы оно стало означать семью и в этом смысле воспринято русским языком при Петре I (1703 г.); в дальнейшем постепенно слово приняло иное значение: не семья, а её именование...».

Фамилии, как таковые, возникли на севере Италии в X-XI вв., в экономически наиболее развитой области Европы. Оттуда фамилия «пришла» на Юго-Восток Франции, тоже весьма развитый экономический район. Из Франции

норманны, завоевав в 1066 году Англию, перенесли это понятие туда. Затем оно «шагнуло» в Германию, Данию, Швецию и другие страны.

В России фамилии появились поздно, их становление растянулось на четыре столетия (с XIV по XVIII вв.). А настоящие фамилии у русских сформировались только с XVI века. Сначала фамилии были только у бояр, затем Пётр I потребовал фамилии от всех дворян, потом ими «обзавелись» некоторые богатые купцы («именитое купечество»). У основной массы фамилии сложились к концу XVIII века и даже в XIX веке.

Складывались фамилии из основных именований:

1) По занятию (Волкодав, Брага, Палий, Сукач, Богомаз, Кавалерист и др.);
2) От имени отца (от церковного или другого имени отца в форме притяжательного имени прилагательного – чей сын? Петров, Иванов и т.д.). Из более 80 фамилий села Ряженого Матвеево-Курганского района таким способом образовано около двух десятков фамилий (Андриенко, Акименко, Богданенко, Василенко, Гордиенко, Гапоненко, Денисенко, Иващенко, Нестеренко, Ерохин, Прокопенко, Петренко, Романченко, Тищенко и др.);

3) По занятию отца. В этом же селе имеется более 20 фамилий такого вида (Бондаренко, Волошин, Мисиков, Шаповалов, Скляр, Лозенко, Пономаренко, Мельниченко, Гончаров и др.);

4) По яркой физической примете. В Ряженом таких фамилий около трёх с половиной десятков (Баранников, Бутенко, Горбатко и Горбатенко, Добрица, Журенко, Косяченко, Красуля, Лобода и Лободенко, Моргун, Нецветаев, Пуха, Рябуха, Рядченко, Сериков, Сивопляс, Кияшко, Коржов, Красиков, Чернобай, Шищенко, Скачко, Химченко и др.).

У украинских казаков, как более западных на древних русских землях, фамилии утвердились немного раньше – в XVI – XVII вв. После отмены крепостного права (1861 г.) встал вопрос офамиливания массы крестьян и по всей России. Было, в основном, три способа офамиливания.

Первый. Превращение в фамилию отчества и дедичества. Например, сначала имя и отчество: Пётр Фёдоров, Андрей Александров, затем: Фёдоров Пётр Фёдоров, Александров Андрей Александров. По этому образцу были образованы фамилии донских атаманов XVII века: Яковлев Тимофей Яковлевич, Васильев Наум Васильевич, Петров Осип Петрович, Фёдоров Павел Фёдорович, Минаев Фрол Минаевич, Максимов Лукьян Максимович, Ефремов Данила Ефремович и др.

Второй. Иногда крестьяне получали фамилию по бывшему их владельцу (Репьевы, Шуйские, Трубецкие и др.).

Третий. Если оказывалась под рукой уличная фамилия (прозвище), записывали её.

Что такое уличная фамилия, знают все, – это уличное прозвище. В деревнях они существуют до сих пор. Так, приехавший в село Ряженое удивляется, когда одного и того же человека называют то Горбатко, то Сидоренко. Оказывается, Горбатко – официальная фамилия, «Сидоренко» – уличная, по деду Сидору. Уличные фамилии нигде не записывались и по наследству передавались в двух – трёх поколениях. Потом исчезали или менялись. Андриенко – фамилия по отцу, записанная в документах; «Антоны» – их уличное прозвище по деду Антону, затем уличная фамилия переходит в третьем поколении в «Микиты» – по деду Никите.

В Ряженом насчитывается более сотни уличных фамилий (прозвищ), – больше, чем официальных, потому что носители одной и той же фамилии часто имеют различные прозвища (они отпочковываются). Те же Андриенки имеют

прозвища: кроме «Микиты», ещё «Мазаи» и «Сараны», Прокопенки – «Кукурека», «Гайдарь», «Голды» и т.д. Каких только прозвищ не встретишь!

Здесь «дудочка» и «коза», «Лаврин» и «крючѣк», «швед» и «федак», «тулун» и «дрофа», «музыка» и «сюсяк», «шкапа» и «неплыча», «кваша» и «ковтун», «галушка» и «москаль», «рак» и «чабак», «смола» и «рысак», «пелюля» и «кукушка».

До XIX в. фамилию в современном виде обозначали термином «прозвище», а слово «фамилия» означало «семья». В настоящее время признано: фамилия – это наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трёх поколениях. Первых фамилий не было; в фамилию постепенно превращались иные именованья – отчества и дедичества. У русских, в основном, фамилии в форме кратких притяжательных имён прилагательных с суффиксом –ов, –ин (чей сын? Отцов, Мамин). На Востоке Украины, Белоруссии и Юге России распространены фамилии с формантом –енко, обозначающим потомка. Только в одном Таганроге такие фамилии носят около 12 000 семей. Формант –енко аналогичен русскому –ёнок (ребёнок, цыплёнок, козлёнок и т.д.).

Если основа слова, от которого образована фамилия, оканчивается на согласную, то употребляется суффикс –ов, если на «а», то –ин (отец – отцов, папа – папин и т.д.).

Интересен факт образования фамилий. Большинство считает, что фамилия Зайцев от слова «заяц», Волков – от «волка», Воронин – от «вороны», Телегин – от «телеги» и т.д. Но это не так. От этих нарицательных имён, обозначающих животных или предметы по законам русской орфографии не могут быть образованы краткие притяжательные прилагательные: зайцев, волков, воронин, телегин. А дело в том, что задолго до появления на Руси христианства и соответственно – церковных имён (Иван, Пётр, Ефим и др.) существовали мужские имена Заяц, Волк, Ворона, Сокол, Судак, Телега и им подобные. Они и дали своим потомкам отчества: Зайцев, Волков, Воронин, Судаков, Телегин, которые со временем перешли в фамилии уже по своим законам. А в отчествах в свою очередь суффиксы –ов, –ев получили добавку –ич. Схема образования таких фамилий следующая: нарицательное имя «заяц»? личное имя «Заяц»? отчество «Зайцев сын»? фамилия «Зайцев».

Фамилия – своего рода живая история. По её форме можно проследить миграцию населения. Так, сёла Покровское, Троицкое и Николаевка согласно архивным документам были заселены запорожскими казаками в середине XVIII века. Это – известный факт. И поэтому в этих сёлах преобладают украинские фамилии. А вот по селу Ряженому, заселявшемуся в то же время, данных о том, откуда пришли предки нынешних ряженцев, нет, хотя семейные предания говорят об украинских корнях. Но если посмотреть на фамилии этого села, то увидим, что формант –енко в них преобладает – около 40 фамилий. Большинство этих фамилий встречается среди запорожских казаков XVII – XVIII вв.

В 1897 году известный учёный Д.И. Эварницкий опубликовал «Историю запорожских казаков», в которой упоминается много «ряженских» фамилий.

Запорожские казаки Андреенко Тишко, Ильяшенко Фёдор, Давыденко Мартин, Панченко Панас в 1689 году были в числе царского посольства с письмом к Крымскому хану о разрыве отношений. Казак Сумского полка Дмитрий Богданов в 1686 году участвовал в доставке царю письма от хана. Запорожские казаки Андрей Бородавка, Афанасий и Кузьма Василенко побывали в 1697 году в Москве с жалобой на задержку жалованья. Гетманские казаки при Мазепе – Батуринские сотники – Горбаченко Сидор и Нестеренко Дмитрий в 1696 году участвовали во втором походе Петра I на Азов. Константин Гордиенко, запорожский казак по прозвищу «Крот», в начале XVIII в. был кошевым атаманом

(возглавлял всю Запорожскую сечь), кошевым атаманом был и Василий Кузьменко (1695 г.).

Запорожские казаки Прокопенко Кирик, Федоренко, Яковенко, Руденко, Мартыненко в 1689 г. были посланцами в Москву от Запорожского войска: убедить русских в благонадёжности Запорожской сечи.

В 1727 году по приказу Петра II запорожцы были выгнаны из Сечи за то, что до этого были на стороне турок. «Запорожцев многолюдством и с оружием отнюдь не принимать, в границы России ни под каким видом не впускать, никакой протекции и защищения нигде им не девать и от границ оружием отбивать». Среди казаков, выгнанных из Сечи, упоминается Антон Волошин.

Полковник Переяславского полка Запорожские казаки просили его стать кошевым атаманом. Он «...был поборником народовластия на Украине, защитником личной свободы, но он свил себе гнездо вдали от Запорожья, за правым берегом Днепра, в Фастовщине». Будучи фастовским полковником, он по требованию гетмана Мазепы громил запорожских «гультаев». Под напором Палия часть запорожских «гультаев», грабивших проезжих и купцов, возглавляемая Карнаухом, ушла на левую сторону Днепра.

Ханенко Михаил Степанович – гетман всей Украины – одно время был на стороне турок.

Богомаз Андрей, полтавский полковник, воевал за свободу Украины с поляками и «москалями» (русскими) во времена гетманства Богдана Хмельницкого и Брюховецкого (?1650 гг.).

Богомаз Андрей Герасимович в 1865 году был бургомистром Новомосковской ратуши (Екатеринославская губерния).

Лобода Григорий вместе с легендарным Наливайко в 1595 г. возглавлял отряд запорожских казаков в походе под Белую Церковь. Поляки окружили казаков, часть из которых во главе с Лободой перешла на их сторону. Измена Лободы была открыта, и он был убит.

Упоминание вышеперечисленных фамилий говорит о том, что предки большинства нынешних ряженцев пришли на Миус из Запорожских земель. Даже один из первых Донских атаманов Черкашенин Михаил (1570 г.) происходил из запорожских казаков.

Фамилии с суффиксами –ов, -ин в Ряжене встречаются в два раза реже, это выходцы их России: Мисиков, Шаповалов, Скляр, Новиков, Сериков, Сычѳв, Шереверов, Гончаров. Последними в Ряжене прибыли четыре «русака»: Красиков, Фомин, Баранников, Семибратов. А вот фамилии Алейников и Коржов с русским суффиксом –ов происходят из украинских. Олия – подсолнечное масло, украинская фамилия Олейник, обрусевшая – Алейников; корж – пышка, украинская фамилия Корж, обрусевшая – Коржов. Фамилии с суффиксом –ский, -цкий в Ряжене совсем редки: Грунтовский, Печерский, Березанский, Галицкий. Они отвечают на вопрос: откуда прибыли, из каких земель? А, вообще, эти суффиксы характерны для польских дворян (шляхтичей), которых на Украине было большое засилье (например, помещик Бронеvский).

Фамилий, оканчивающихся на согласную или «й» в Ряжене около двух десятков: Анцибор, Бондарь, Моргун, Богомаз, Гармаш, Сивопляс, Сукач, Дудник, Кавалерист, Нецветай, Палий, Чернобай и др. Они отвечают на вопрос: кто ты?

Небольшая группа фамилий оканчивается на «а», «я»: Добрица, Рябуха, Красуля, Пуха, Лобода, Брага. Эти фамилии отвечают на вопрос: каков ты?

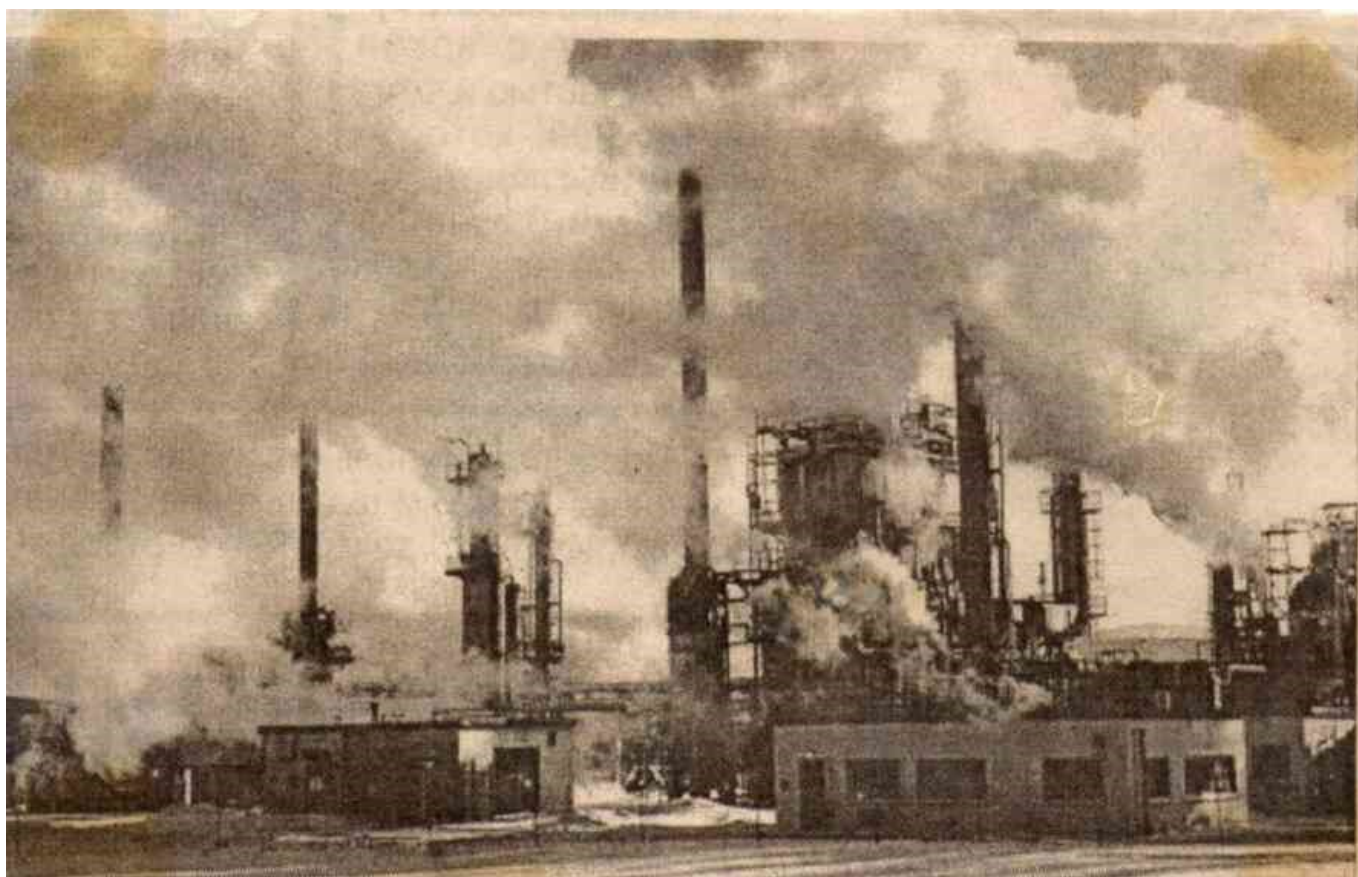
Чешская фамилия Новак, распространѳнная по всему славянскому миру, принадлежит в Ряжене, в основном, жителям бывшей Новосѳловки №2. Все они из одного рода.

Какие же фамилии самые распространённые в наших краях? В Таганроге проживает около 540 семей с фамилией Иванов (Иванцов, Иванченко и т.п.), в Москве их около 90 000, а в Ряжене – единицы. Фамилию Попов (Попович, Поповский) в Таганроге имеют около 400 семей, а в Ряжене она совсем отсутствует; фамилию Петров (Петренко, Петрович) в городе также имеют около 400 семей, в Ряжене – несколько семей, и то только Петренко. «Ряженские» фамилии Косяченко, Мисиков, Лозенко, Шищенко, Пойденко, Кавалерист в Таганроге почти не встречаются.

Что касается отчеств, то они в таком виде, как сейчас, с окончанием –ич тоже не сразу появились. Даже в XIX веке у большинства русских господствовало отчество с формантом –ов (Аким Петров сын), а –ич употребляли как почтительную форму в отношении вышестоящих или пожилых и уважаемых людей (Аким Петрович). Сегодня отчества в России только в форме –ич.

Ещё и сейчас фамилии есть не у всех. Целые народности и даже государства не имеют в своём обиходе фамилий. Например, Исландия – бесфамильна. В России у некоторых северных народов фамилии русского образца. Это не случайно. Они их получили уже в XX веке и даже в советское время.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ КУЗЬМА НИКИТОВИЧ ГАЛИЦКИЙ

Таганрог, Металлургический завод – 1910-е гг.

Вторая половина XIX века характеризуется бурным ростом промышленности в нашей стране. Особенно это стало заметно к концу века, когда центр металлургии стал перемещаться на Юг. Постройка в 1884 году железной дороги, соединившей Приднепровье и Донбасс с Приазовьем, близость керченской руды обусловили устремление иностранных предпринимателей к размещению своих капиталов на земле портового города, каким оказался Таганрог. Учитывая

также наличие дешёвой рабочей силы из предместий города, это сулило им огромную выгоду.

Одними из таких предпринимателей стали акционеры Русско-Бельгийского общества. Они по низкой цене купили в 1894 году у Таганрогской управы участок земли в 250 гектаров, расположенный на северо-восточной окраине города, и приступили к строительству металлургического завода.

Что собой представляли тогда предместья и окраины города, хорошо видно из описания таганрогского историка П.П. Филевского. «Окраины, конечно, живут жизнью преимущественно трудовой... Таганрогский рабочий по самому свойству своего труда человек домовитый во-первых потому, что это большей частью извозчики, у которых есть лошади, дроги и необходимый угол для имущества и семьи и, во-вторых, потому, что помимо своего основного труда, который может постигать временный кризис, у него есть другие занятия: рыбный промысел, посевы вблизи города, огороды, возка глины, песка, камня, льда и пр... Предместья города – Касперовка, Камбициевка, Скараманговка, названные по фамилиям владельцев земли, на которой они расположены, Новостроенка и Новосёловка заключают в себе главным образом поселение извозчиков ломовых и легковых, следовательно наиболее домовитое...»

Землянки и хаты, переулки и улицы раскинулись от Петровской улицы до старых кожевенных заводов. Каких только «говорящих» названий здесь не было! Чеботарская улица, Дубильный переулок, Первый и Второй Кожевенные и ряд других, уже утерянных названий, связанных с кожевенным производством. А в 1895-96 годах в город хлынул новый люд, в основном из близлежащих деревень, на строительство металлургического завода.

Сотни человек тащились с котомками за плечами в надежде попасть на работу и найти какое-то пристанище. Подрядчики брали на работу каменщиков, плотников, землекопов, возчиков – всех подряд. Один из старых рабочих так вспоминал начало строительства. «И вот однажды в тихое июльское утро 1895 года прибрежная степь Таганрогского залива огласилась лязгом сотен лопат, скрипом телег, груженных брёвнами, досками, кирпичом. Жители Скараманговки и Касперовки: портовики, кожевники, мастеровые и извозчики – все от мала до велика – высыпали из своих хат и землянок, с интересом наблюдая панораму начавшегося строительства металлургического завода.»

Немало народу прибыло на строительство и из села Ряженого, что в 30 километрах от Таганрога. Отцы семейств, парни и подростки с жадностью накинулись на работу. Был среди них и молодой парень Никита Галицкий. Он должен был заработать денег – ему предстояло жениться. Невеста Настя уже давно этого ждала. Но заработать оказалось не так просто: возник вопрос – где жить?

- Прямо от хат Касперовки начинайте рыть землянки, - распорядился подрядчик, - стройте хаты. Кто захочет работать на заводе, участки всем дадим, отработаете.

Так началась трудовая деятельность Никиты Кузьмича Галицкого на металлургическом заводе, продолжавшаяся до самой Великой Отечественной войны. Вскоре в семье Галицких родился первенец. Его назвали по деду Кузьмой. Семья прибавлялась, и надо было копить сбережения на постройку своей хаты.

В это же самое время теми же бельгийскими промышленниками строился и котельный завод. Между этими двумя заводами вырастал новый посёлок, разрастались и старые, находящиеся поблизости. Переулки и улицы получали промышленные названия: Чугунный, Медный, Железный, Стальной, Машинный,

Цеховой, Заводской, Шлаковый, Трубная, Трубопрокатная, Доменная, Слесарная, Котельные улицы и др.

Галицким достался участок у самой балки Черепахи, новый переулок назвали Перекопским. Строить хату помогали родственники из Ряженого. В семье появилось ещё трое детей: Александр, Николай и Мария. Стало тесно, начали достраивать, перестраивать.

Подрос старший сын Кузьма, окончил четырёхклассную школу и, как посоветовал отец, не понаслышке знавший тяжёлый труд металлургов, пошёл учеником в паровозное депо. Теперь началась трудовая деятельность и самого Кузьмы Никитовича. Сначала он работал помощником слесаря по ремонту паровозов. Вскоре смышлёного паренька заметили и предложили ему поучиться на машиниста. У Кузьмы получилось. Он стал помощником машиниста и начал водить гружёные составы на перегоне Таганрог – Ростов. Семье стало легче, – машинисты получали неплохую зарплату.

Три года он водил поезда, но тут в стране произошла Февральская революция: царя свергли, власть перешла к Временному правительству. Кузьму призвали в армию. Семь месяцев служил он в Таганрогском запасном полку войск Временного правительства рядовым, а затем

В 1918 году Галицкий добровольно ушёл в Красную армию, сражался на фронтах Гражданской войны, был тяжело ранен. После ранения вернулся в Таганрог, командовал батальоном ЧОН (части особого назначения). Его избрали в Городской совет депутатов, но он снова уехал на фронт, воевать с белополяками. Вступил в партию. По окончании Гражданской войны был награждён именным револьвером с надписью «От Реввоенсовета Республики».

Война закончилась, но не закончилась военная служба. Кузьма Никитович Галицкий решает стать профессиональным военным и поступает на Высшие тактические курсы «Выстрел», которые и оканчивает в 1922 году. Служит в разных частях, а затем его направляют в академию им. М.В. Фрунзе, где он учится до 1927 года и успешно её оканчивает.

Во время Белофинской войны 1939-40 годов К.Н. Галицкий командует 24-й Самарско-Ульяновской «Железной» дивизией. За успешные операции он получает орден Красного знамени и звание генерал-майора. Отечественную войну дивизия встретила под Минском. 3-я танковая группа генерала Гота вклинилась в нашу оборону, рассекая Западный фронт на части, отходившие на север, и части, отходившие на юг.

25 июня 1941 года Галицкий развернул дивизию в 60 километрах от города Лиды и приготовился к бою. Разведчики сообщили, что в 4-5 километрах в роще сосредоточилось огромное количество немецких танков. Комдив, не долго думая, решает на отчаянный шаг – атаковать танки. Артиллерия открыла ураганный огонь, стремительным рывком бросились солдаты с противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью на опешивших немцев. Танки запылали, огромные огненные смерчи взметнулись в небо. Роща взорвалась, затрещала, покрылась густым дымом. Оказывается, танки остановились в ожидании подвоза горючего. Риск Галицкого оправдался. Весь день 26 июня полки дивизии, особенно артиллеристы, отбивали атаки танков, стремившихся на выручку атакованным. Десятки танков были подбиты, в результате чего 19-я танковая дивизия генерала Клопенсдорфа была отброшена на 10 километров. Дивизия Галицкого заняла прочную оборону. 27 июня в дивизионной газете «Красноармеец» сообщалось: «...наши части уничтожили 97 танков».

Хуже сложилась обстановка у соседей дивизии. Немецкие танки, натолкнувшись на стойкое сопротивление 3-й армии, куда входила дивизия

Галицкого, прорвались на её флангах. 28 июня командарм 3-й сообщил комдиву 24-й, что они в окружении, что немцы заняли Минск и что линия фронта позади них на расстоянии около двухсот километров.

В условиях полного окружения вся 3-я армия начала беспрецедентный поход с целью прорыва замкнувшегося кольца. Галицкий приказал двигаться на юго-восток. 17 дней дивизия громила тылы врага, двигаясь за всё отдалявшимся фронтом. Пришлось преодолеть около 500 километров, пока дивизия и другие части 3-й армии во главе с начальником штаба В.И. Кузнецовым 14 июля не прорвали кольцо и не вышли из окружения в районе Мозыря. 10 августа 1941 года «Правда» писала: «Соединение (К.Н. Галицкого) одно из первых приняло на себя удар германских танковых колонн и отразило его, уничтожив огнём артиллерии около 250 танков.»

К.Н. Галицкий назначается командиром 67-го стрелкового корпуса, ему присваивается звание генерал-лейтенанта. Корпусу приказывается нанести контрудар под Гомелем. В этом бою новый комкор был тяжело ранен в левую ногу, которая была перебита ещё на Гражданской войне.

После пребывания в госпитале (г. Свердловск) в январе 1942 года Галицкий вернулся на фронт в качестве заместителя командующего 1-й Ударной армией. Эта армия была сформирована из пополнения и за счёт выздоравливающих солдат и офицеров (после госпиталя в эту армию попал и брат автора очерка Андрей Денисович Богомаз). В это время Москва была в полуокружении, и стоял вопрос, - удержим столицу или нет. Первая Ударная под командованием генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова отбрасывает немецкую группировку, прорвавшуюся за канал Москва-Волга и освобождает село за селом. Под Старой Руссой при бомбёжке К.Н. Галицкий был снова ранен в ногу и плечо и попал в тот же госпиталь в городе Свердловске. По выздоровлению он назначается командующим 3-й Ударной армией, которой поручается операция по освобождению Великих Лук. Эта операция оттягивала значительные силы противника из-под Ленинграда и содействовала прорыву блокады, она окончилась успешно, и К.Н. Галицкий получает свой первый полководческий орден – Кутузова 1-й степени.

В октябре 1943 года войска 3-й Ударной армии уже были в 35 километрах от Невеля. Галицкий со своим штабом разрабатывают план наступления на город, для чего им требуется стремительным броском продвинуться к нему и сходу начать штурм. Командующий фронтом А.И. Ерёменко сомневается в успехе и не даёт разрешения, но заманчивое предложение всё-таки передаёт Верховному Главнокомандующему. Сталин приглашает к телефону Галицкого, выслушивает и соглашается: «Если уверен - действуй». В результате блестяще проведенной операции город Невель был освобожден, командующий 3-й Ударной армией получил второй полководческий орден – Суворова 1-й степени.

В ноябре 1943 года К.Н. Галицкому приказывают вступить в командование 11-й Гвардейской армией, которой поручалось форсировать Неман, отрезая Кёнигсбергской группировке путь к отходу.

Кёнигсберг – столица Восточной Пруссии, которая издавна была вотчиной немецких помещиков, генералов, базой пруссачества, извечным плацдармом милитаризма. Отсюда когда-то тевтоны начинали своё наступление на Восток («Дранг нах Остен»), здесь же на сборищах фашистов Гитлер провозглашал, что начинает свой натиск с территории, где 400 лет назад были остановлены рыцари ордена Тевтонов, и здесь он расположил свою ставку «Вольфшанце» - «Волчье Логово». Здесь немцы сосредоточили 40 отборных дивизий (до 200 тысяч человек), 8 200 орудий, 700 танков и штурмовых орудий и 515 самолётов.

Разгромить эту группировку поручалось войскам 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Наши войска превосходили противника по живой силе в 2,8 раза, по артиллерии – в 3,4 раза, по танкам – в 4,7, по авиации – в 5,8 раза.

Кузьма Никитович Галицкий

13 января 1945 года началось наступление. За танковыми корпусами был брошен в наступление второй эшелон фронта – 11-я Гвардейская армия генерала К.Н. Галицкого. Вместе с другими армиями фронта она обошла Кёнигсберг с юго-запада. Город был сильно укреплён. Четыре армии, в том числе армия Галицкого, штурмовали Кёнигсберг. 9 апреля 1945 года он был взят. Но в руках гитлеровцев оставалась крепость и порт Пиллау, взять которую поручалось 11-й Гвардейской армии. Через пять дней гвардейцы Галицкого овладели этой крепостью и остались в ней до окончания войны.

После войны Кузьма Никитович командует Особым Прикарпатским военным округом (с 1945 по 1951 год). В 1946 году избирается депутатом Верховного Совета СССР по Кёнигсбергскому избирательному округу. С 1951 по 1954 год он командует Одесским военным округом. В 1955 году ему присваивают звание Генерала Армии и поручают командование Северной группой войск, а с 1958 по 1961 год он руководит войсками Закавказского военного округа. По состоянию здоровья в 1962 году ушёл в отставку.

До самой смерти Никита Кузьмич и Анастасия Емельяновна Галицкие получали финансовую и вещевую помощь от сына Кузьмы Никитовича и его супруги Александры Павловны. Соседи по Перекопскому переулку помнят деда Никиту в шинели с красными лацканами, подаренной сыном-генералом. Помнит его и внучка Тамара Александровна Павлицкая, проживающая в настоящее время в Северном жилмассиве города Таганрога – дочь Александра Никитовича Галицкого, младшего брата генерала. Она помнит и дядю-генерала, который приезжал к ним в послевоенное время, врезался ей в память эпизод его проводов на Марцевский вокзал (вокзала станции «Таганрог-1» ещё не было). Отца генерала помнят и некоторые ветераны, которые тоже запомнили, что он носил вместо пальто генеральскую шинель, правда, без погонов.

В Таганрогском краеведческом музее собраны материалы о знаменитом земляке – фотографии, документы, вырезки из газет.

Он прожил жизнь без преувеличения великого человека: три ранения, звание Героя Советского Союза, три ордена Ленина, три ордена Красного знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, четыре медали говорят сами за себя.

Кузьма Никитович Галицкий родился 24 октября 1897 года в селе Ряженом, но всё его детство прошло в Таганроге. Умер он в Москве 14 марта 1973 года и похоронен на Новодевичьем кладбище. На карте Таганрога в 1987 году (в связи с 90-летием со дня рождения) появилась улица имени Галицкого. Так город увековечил память о своём знаменитом земляке.

ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ В ПРИМИУСЬЕ

Ряженое - одно из немногих сёл, где во время Великой Отечественной войны дважды в течение весьма длительного времени на улицах полыхал огонь, рвались снаряды, гибли солдаты и мирные жители: первый раз (советская оборона) - в течение 229 дней, второй раз (немецкая оборона) - в течение 194 дней. В общей сложности - это почти третья часть всей войны. По многим семьям, в том числе и по нашей, война прокатилась безжалостным катком. Она унесла мою мать, трёх братьев и двух сестёр. Мне удалось остаться живым. Когда началась война, мне шёл четырнадцатый год...

Во время фронта я ничего не записывал, да и не мог записывать - хотя бы остаться живым! Но каждый раз, когда происходило что-то особенное с моей точки зрения, я думал: "Если останусь живым, буду об этом рассказывать, надо всё запомнить". Но запомнить всё, естественно, не удалось. После ухода фронта из нашего Ряженого кое-что я сразу записал, кое-что мне помогли вспомнить соседи и родственники, записи приобрели форму дневника, хотя, подчёркиваю ещё раз, во время фронта я ничего не записывал, не вёл никакого дневника.

Скорее всего - это некоторые эпизоды моей жизни, непосредственно связанные с периодом военных действий в родных местах.

Июнь 1941 года.

Как-то вечером мы с мальчишками и девчонками играли за огородами в "третьего лишнего". В небе, прямо над Матвеевым Курганом, появилось красное зарево. Оно начало медленно вытягиваться в полосу и перемещаться на юг, через всё небо. Мы сначала шутили: "Бог в своей колеснице катается по небу". Но становилось страшновато, и кое-кто из ребят начал уходить. Страх постепенно

охватил всех; девчонки сбились в кучу и просили проводить их домой, но мы - мальчишки - по-прежнему пытались смеяться и шутить.

Вдруг из-за горы (в довершение ко всему) появились силуэты двух кривоногих фигур. Фигуры шагали в нашем направлении сначала медленно, затем быстрее и быстрее, а когда побежали прямо на нас, почти вся компания, уже без смеха и шуток, ринулась через огороды, напрямик в улицу, ломая кусты и ветхие заборы.

Потом оказалось, что это наши товарищи, не помню, кто именно, решили нас поугатать, а их шутка совпала с появлением на небе кометы, о которой тогда мы не имели никакого представления.

Дома в тот же вечер, перед сном, я услышал разговор отца с матерью. Отец говорил, что их (активистов) собирали в правлении колхоза и предупреждали, что готовиться к уборке урожая надо очень крепко, так как обстановка международная весьма обострилась, и, может, мужчинам придётся защищать страну. Он говорил, что прямо намекали на войну с Германией. Мать подхватила: "Точно будет война: видишь, на небе что делается - предзнаменование Божье. Перед той войной тоже комета была, война обязательно будет."

Ночью мне снился сон. На небе над горизонтом, с запада, появились танки (я их видел в кино), а навстречу им - красноармейцы на конях с саблями и в буденовках. Впереди красноармейцев был "комиссар" в фуражке с красным околышем и тоже с саблей. Они встретили танки, сразились, много красноармейцев погибло, остальные и "комиссар" повернули на восток и ускакали. Танки запрудили всё небо, я проснулся и слышал раскаты грома; увидел в окнах дома вспышки молнии.

...Уже несколько дней вся деревня говорит о комете и о войне. Вечером на завалянке я не утерпел и похвалился: мол, точно знаю, что скоро, на днях, начнётся война. Я не сказал, откуда это мне известно, но сам был в этом убеждён и горячо убеждал всю компанию.

Сегодня верховой промчался по улице, громко приглашая всех на митинг на конный двор. Когда я прибежал туда с другими мальчишками, увидел, что среди косилок, сеялок и другого инвентаря стояла бричка, и на ней громоздились люди. Народу было много, я протискался вперёд и увидел, что на бричке стоит наш Андрей (мой старший брат, бывший в то время бригадиром). Он протянул руку вперёд, и до моих ушей донеслось: "...и я, как и все другие, возьму винтовку этой мозолистой рукой и буду защищать Родину до последней капли крови. Смерть фашистам!"

Потом говорили ещё и ещё люди, а я уже, лазая среди толпы, отыскивая товарищей - то Ивана Скачко, то Ивана Андриенко, то Ивана Новака, - говорил всем подряд: "А я знал, что будет война. Я ж говорил, что будет война". Но на меня никто не обращал внимания. Народ гудел, народ волновался: "Война, война, война".

24 июня провожали Андрея в военкомат, на войну. Многих провожали в те дни, много баб и детей голосили. Ещё никто не представлял, что такое надвигающаяся война, но она уже наводила ужас на старых и малых.

Возвратясь из Кургана, где был военкомат, отец сказал: "Кадровой армии не хватает, мобилизуют запас, но, возможно, будет, как в Финскую - пока Сеня (мой другой брат) доехал из Ростова в часть, война закончилась. Так может быть и с Андреем".

Но вскоре принесли телеграмму из Ростова: жена Сени сообщала, что он уехал в действующую армию. Мать рыдала, отец успокаивал. Уже двое из семьи на войне.

Июль 1941 года.

Началась уборка. Мужчин уже почти никого не было в деревне. Работали подростки, наш возраст, и старики. Бригадиром был дед Микита (Никита Матвеевич Андриенко), он нас гонял за проказы и всегда приговаривал: "Ды, ды, гитируе. Ах ты ж супостат!" - и добро улыбался в свои пышные усы.

Мы с мальчишками работали на волоках у молотилки, "гоняли" арбы. Отец (ему шёл тогда уже 57 год) был весовщиком на току, и когда принесли первое письмо от Андрея, так обрадовался, что я впервые увидел на его глазах слёзы. Он читал письмо сначала сам, затем по просьбе женщин вслух. Я понял, что Андрей ранен под Смоленском и сейчас в Воронеже находится в госпитале. Ранение лёгкое: в бедро, ногу и руку, но мелкими осколками мины. Я не знал, какие они мины и какие осколки, но думал, что всё равно это очень больно и страшно. Наташа, его жена, рыдала.

Работа на току на некоторое время приостановилась. Я слышал, как отец говорил: "Как же так, под Смоленском немцы? Это же и до Москвы недалеко!"

На току много незнакомых людей. Женщины говорят, что это беженцы из Украины, мужчины называют их эвакуированными. Среди них много евреев. Как это так, люди убежали из дома? Раньше у нас только Петро "Ванюшин" (Акименко) убежал из дому, так он же с жуликами связался, а это, вроде, люди хорошие, а из дому пришлось убегать.

Один из эвакуированных поехал со мной на быках за скошенной пшеницей к молотилке. Его звали Яша Гитнер (чуть ли не Гитлер - вот это да!). Он всю дорогу пел песенку: "Чай пил, закусил...", повторяя одно и то же. Весёлый и хороший был Яша, но через два-три дня беженцы все уехали.

Говорят, что это не к добру, наверное, немцы где-нибудь недалеко? Эшелоны с солдатами, пушками и танками идут и идут по железной дороге на запад. Значит, немцы - там.

Август 1941 года.

Среди дня над Ряженым появились самолёты. Они выскочили из-за туч (кажется, 4 штуки), резко пошли вниз, и не успели мы что-либо сообразить, как увидели один за другим 4 или 5 огромных облака дыма у самого поезда, стоявшего на "блочке". Затем самолёты взмыли вверх, и воздух сотрясло так же один за другим несколькими взрывами. Говорят, бомбили поезд, но он тронулся и ушёл. Видно, бомбы не попали в него. Вот это да! Уже добрались до нашего района. Видно, война - настоящая.

Мы с мальчишками шушукаемся и ждём - скоро что-то будет. Ночью что-то грохнуло, мы всей семьёй (отец, мать, брат Ваня, я и сестра Галя) вскочили и увидели, что ветер гуляет по комнате через выбитые стёкла. Теперь уже точно, это бомба упала недалеко от школы - метров двести от нашего дома.

Мы с Иваном Скачко (это мой двоюродный брат, сын материной сестры тёти Оли) бегали смотреть воронку возле школы. Она была в колено глубиной и чуть ли не метр шириной. Взрослые говорят, осколочная. Мы долго считали осколки, засевшие в стене сарая, их было очень много. Наконец-то мы увидели настоящие осколки и даже повывокывали их себе на память.

Сентябрь 1941 года.

Пришли в школу. Теперь мы - старшие, семиклассники, но многих ребят (кто 1926 года рождения) нету. Говорят, что их "погнали" на окопы. Почему "погнали" и на какие окопы? Да, там за хутором Добрицыным копают окопы, противотанковые рвы.

Нам тоже хотелось туда попасть, но кому не было пятнадцати - не разрешали. Ваня, мой третий брат, уже несколько дней тоже на окопах. Отец говорит, что работа там очень тяжёлая: надо выкопать ров семь метров шириной вверху, один метр внизу и три метра глубиной. Это для того, чтобы не прошли немецкие танки. Тракторы пашут землю, а люди её выбрасывают лопатами. Сколько земли надо выбросить, уйму!

В колхозной бригаде делается что-то неладное. Хлеб ещё не убран, в степи - копны, на току - зерно, а весь скот: коров, быков, свиней угоняют куда-то. Люди собираются в дорогу и всё прощаются, прощаются с теми, кто остаётся. На запад эшелонов идёт всё меньше, а на восток - один за другим. Поезда, гружённые разными машинами.

От Андрея пришло очередное письмо. Пишет, что опять на фронте, адрес - какая-то полевая почта. Отец почему-то говорит, что Андрей защищает Москву. Неужели её уже надо защищать? Ведь от границы до Москвы далеко, а, впрочем, уже месяц назад Андрей под Смоленском был ранен: около четырёх километров полз оврагами из окружения и попал к своим. Значит, наши всё время отступают. А эшелоны идут через Курган и идут, в основном, на восток, с эвакуированными, как теперь говорят. От Сени ничего нет. Володя - самый старший брат - по инвалидности пока живёт в Кургане, не на фронте.

Октябрь 1941 года.

Сегодня в школе объявили, что занятия временно отменяются. Все ученики должны быть при родителях. Как же так? Учебный год, а занятий нет? Временно отменяются! Временно. Интересно, на сколько? А из колхоза угоняют тракторы, автомашины увозят всякое имущество. Муж Моти, моей старшей сестры, Степан Степанович - бывший бригадир тракторной бригады, тоже на фронте. На фронте и Николай, муж второй сестры. Отец с матерью шепчутся, а больше молчат. Прибегал Иван Скачко, спрашивал: "Что будет?" А я знаю, что будет?! Я среди сверстников всегда знал всё и всем объяснял, - меня учили Сеня и Данька Прокопенко. Данька, сосед, старше меня на 6 лет, всё знает, но его сейчас нет дома. Я тоже ничего не знаю и не понимаю.

В Матвеевом Кургане горит элеватор, горит пшеница и на токах. Люди, кто не уехал, разбирают колхозное имущество по домам. Председателя нет, правления нет, а люди тащат домой всё подряд. Пшеницу с токов тоже берут, кто сколько захочет. Отец, как всегда, ворчит: "Пускай тащат, пускай берут, может, наберутся".

На луках (так называется у нас луг) полно всякого чужого скота: свиней, коров, овец. Это, говорят, всё из Украины. Люди и скот берут, пригоняют и режут, как свой.

Утром через деревню прошли красноармейцы. Оборванные, усталые, едва тащили ноги. Человек тридцать. Даже пулемёт волокли. Прошли мост и на ту сторону Миуса. Отец говорит, что прошли на Ростов последние наши части. Неужели это такие части? Всего человек тридцать, пешком, не так как в кино - красная конница.

В деревне стало тихо-тихо, никто по улице не ходит. Мы с Иваном Андриенко (по прозвищу "Мазай") залезли в наш огород и гадаем, что же будет? Вдруг сюда немцы придут.

За огородами раздался рёв моторов, и на бугре показалась какая-то машина на гусеничном ходу (после мы узнали, что это танкетка). Что? Немцы? Не может быть! Вдруг что-то рвануло воздух, и я увидел, как крыша нашего дома и часть стены разлетелись по двору. Я вскочил в открытую дверь погреба и услышал, как отец сказал: "Хаты нету. Это наши с той стороны бьют по танкетке. Не вылазьте из погреба". Раздалось ещё несколько взрывов и затихло. Рёва танкетки тоже не было слышно.

Обед того же дня. Прибежал Васька Косяченко, по прозвищу "Комарь", и говорит, что видел сейчас, как наш солдат (он почему-то так сказал - "солдат" - вместо "красноармеец") зарыл в овраге винтовку, а сам ушёл, оглядываясь кругом. Мы побежали, нашли винтовку, патронташ, звёздочки с обрывками одежды и перепрятали в другое место. Ему не нужно, а нам пригодится. Видно, он хотел сдаться в плен. Отец говорит, что не все наши красноармейцы хорошо воюют, некоторые спасают свою шкуру.

Весь следующий день доносился грохот со стороны Покровского, немцы рвались на Ростов. Кто-то из соседей рассказал, что у станции Волновахи был тяжёлый бой, и много наших и немцев остались убитыми.

Перед вечером по нашей "Верхней" улице проехали несколько немцев на лошадях. Двое остановились у колодца наших соседей, Прокопенковых. Лошади, разгорячённые, храпели и топтались на месте. Первым к ним подошёл Степан Баранчик, затем подошли и мы, мальчишки. Степан, хлопая по морде лошади, сказал: "Пан, она васир хочет". Немец, очевидно, ничего не понял и сказал что-то в сторону другого, упоминая пистолет. Мы шарахнулись в стороны. Немцы уехали, - видно, разведка.

Немцы уже в Ряженом. Те, которых мы увидели, были как будто нестрашными. Но уже на следующий день к нам в полуразрушенный дом зашли два немца. Первый - длинный (даже в нашей высокой хате наклонялся, когда проходил в дверь), в каске, на груди автомат, на поясе граната; второй - пониже, тоже в каске, в руках винтовка и вещмешок. Первый сразу увидел настенные старинные часы, недавно отремонтированные Ваней, снял их с гвоздя и вместе с двумя гирями запихнул в мешок, второй перевернул всё в сундуке (старинная бабушкина "скрыня"), набрал барахла, связав узлом; потоптались ещё по комнате, полопотали что-то по-своему и, оскалившись "го-го-го", ушли. Мать от страха не проронила ни слова, отец был во дворе и ничего не видел. Они с Ваней за домом жгли книги моих старших братьев, боясь, что немцы найдут у нас советскую литературу.

Сегодня снова пришли в дом немцы, забрали сметану в бидончике. Мать, считая, что они не понимают по-русски, крикнула: "Пей, чтоб ты подавился!" Но немец вдруг злорадно рассмеялся и проговорил: "Матка, найн подавился, давай ещё". Мать скрылась в погребе, а я увидел, как другой немец по лестнице полез на полуразрушенный чердак и оттуда вернулся с сумкой, в которой мать спрятала немного сала.

Ноябрь 1941 года.

Воскресенье, начало ноября. Где-то под Ростовом гудит земля, идут и идут туда немецкие бомбардировщики. Мы с мальчишками теперь различаем их по звуку. Считаем - 3, 6, 18, много... Что там делается под Ростовом? Наблюдаем, как

одна группа самолётов, нарушая стройный ряд, разворачивается. Очевидно, встретились с нашими истребителями.

Над Колесниково один самолёт задымился и пошёл на плавное снижение в сторону Страшной балки. Мы видели, как он врезался в кукурузное поле, но взрыва не было. Пока немцы приехали на машине, мы с самолёта посдирали всякую амуницию.

Конец ноября. Стало холодно. Изрезанная машинами во время дождей земля замёрзла. Рытвины, ухабы. Немцы запрудили всю деревню. Во всех дворах стоят машины, во всех домах - солдаты. Не слышно русской речи, повсюду шум и гам на непонятном языке. У нас во дворе тоже полно машин, мы живём в погребе, на улицу стараемся не показываться. Налетели наши истребители, прострочили по несколько раз из пулемётов. Немцы бегут к нам в погреб, прячутся. Затем гул самолётов стихает, слышна брань немцев, гул машин. Они поспешно уезжают со двора. Сначала одна, а затем вторая машины горят, горит скирда соломы, сарай. Немцы одни уезжают, другие приезжают, все на нашу западную сторону Миуса. Они отступили от Ростова. Снова линия фронта в Ряжене.

Декабрь 1941 года.

Наши женщины постирали бельё, воспользовавшись тем, что одни немцы уехали со двора, другие не заехали. Бельё стирали всю ночь, а под утро развесили на деревьях в огороде. С рассветом начался обстрел деревни из-за Миуса, куда подошли наши войска. Когда затихло, отец сказал, что снаряды рвались в огороде, и бельё всё переколошматило. Видимо, бельё было принято за фигуры солдат (бельё, в основном, тёмное).

Днём осколком снаряда был убит Петька Прокопенко, Данькин младший брат, прямо на своём крыльце. Ему почти совсем перерезало живот. Следующую ночь мы насыпали перед погребом бруствер, от прямого попадания осколков. Затем на погреб наложили целый стог соломы, от снарядов и бомб.

В погребе с нами живут несколько семей - все родственники. Молодёжь, в основном, спит в нашей недоразрушенной - в отличие от многих других - хате, кто постарше - всё время в погребе. Во время обстрела в погреб убегают все, только я остаюсь в хате, боюсь, что в погребе придушит, завалит.

Немцы заняли оборону по нижней улице, живут в окопах и домах. У Моти, чей дом - на нижней улице с краю, во дворе стоит пушка, стволом через каменный тын, рядом - пулемётное "гнездо". В перерывах между обстрелами мы с Мотей ходим в их двор за продуктами. Тётя Оля - мать сестры - беспокоится о дочерях, которые накануне пошли к родственникам на ту сторону Миуса и оказались отрезанными от нас линией фронта.

Январь 1942 года.

Ясный, морозный день. Земля покрыта снегом. Тихо, ни с одной стороны не стреляют. Мы выглядываем из сарая в окно на низ. Видим, по нейтральному полю, напрямик с "кутка", к нам, т. е. с той стороны, где находятся наши войска, движутся три фигуры. Они приближаются к немецким окопам, мы следим за ними. И вот уже можем разглядеть, что это Нина, Тася и Маруся - дочери тёти Оли, тем временем они проходят проволочные заграждения. Тётя Оля рада, а их отца, дяди Афанасия, нет: он воюет где-то в других краях.

Сегодня пурга, ничего не видно. Снаряды рвутся по всем дворам, свистят пули. В промежутках между порывами ветра со снегом видно у самых

проволочных заграждений, поставленных немцами, много бегущих и ползущих наших солдат в белых масках. Немцы строчат по ним из пулемётов из-за домов и каменных заборов. Они тоже в белых масках и перебегают из одного двора в другой. Ещё долго продолжались попытки наших бойцов развить наступление, затем всё затихло, прорвать оборону немцев не удалось.

На следующий день мы с Мотей, когда утихла стрельба, и не стало видно наших наступающих бойцов, пришли к ней во двор. В их доме ещё находился 76-летний дед Степан, Мотин свёкор (мы пришли за ним). Он рассказал, как во время вчерашнего наступления наших бойцов у немца возле стенки его дома, очевидно, кончились патроны, и он не мог ни стрелять, ни оставлять пулемёт, а со страха "обмочился" и весь обмёрз. Дед Степан похлопал его по брюкам и пробурчал: "Что, пан, досталось?"

Но вот совсем стало тихо. В нашем наполовину разрушенном доме, на диване лежит дед Степан, возле печки возятся женщины с обедом. Я подкладываю в огонь дрова. Вдруг свист разрезает воздух, и перед домом разрывается снаряд. Комья мёрзлой земли летят вместе с камышом в дом. Все шарахаются из дома в погреб, остались мы с дедом Степаном вдвоём.

Снаряды рвутся так часто, что я не успеваю следить за взрывами: они ухают во дворе, за домом, перед домом, на погреб, где находятся все наши жильцы. Дед приходит ко мне к печке, и мы жмёмся к стенке. На стуле рядом со мной, прижавшись, сидит кошка...

И вдруг на нас обрушивается потолок, а стены, как в замедленной съёмке, на моих глазах разлетаются в стороны. Пыль, дым, что-то давит на плечи и голову, над нами вместо потолка - грязное небо, кошка перерезана пополам. С трудом выбираемся из-под развалин и ползём в погреб. Земля продолжает взлетать вверх, но я уже ничего не слышу. Оглушило. Вваливаемся в погреб, на нас никто не обращает внимания.

Оказывается, снаряд, разорвавшийся на доме, ранил Мотю и тётю Олю (осколки прошли в выход погреба поверх заградительного бруствера). Тётя Оля была без сознания - пробит череп.

Потом, на следующий день, мы увидели всю страшную картину: весь двор, огород, дом, всё в воронках и гудах земли. Отец насчитал 14 воронок, вокруг валялись закрученные в барашки остатки снарядов. Огневой залп "Катюши", как сказали потом немцы, пришёлся на наш двор. Ещё немцы кричали "Русь, адская машина".

Через несколько дней тётю Олю похоронили. Поправили воронку в огороде и туда её положили. Земля мёрзлая, копать яму трудно.

Февраль 1942 года.

Повторяется наступление наших войск, на лугу много трупов, немцы ожесточённо обороняются. И снова нашим не удаётся прорвать оборону противника. Ночью немцы выгоняют жителей из спасительных погребов и занимают их сами.

Отец говорит, что придётся уходить в тыл. Укладываем вещи на саночки - берём самое необходимое и ждём темноты. Выбираемся за околицу, ракеты одна за другой вспыхивают в небе, и мы каждый раз падаем на снег и замираем, пока они погаснут. Так передвигаемся, пока не скрываемся за бугром. Там стрельба уже не так страшна, но метель и мороз почти не позволяют двигаться дальше.

К утру добираемся до хутора Добрицы. Передыхаем, но немцы гонят отсюда буквально в шею: здесь у них вторая линия обороны. И мы снова в степи. У нас с

Митей Наташиным уже сил нет тянуть саночки. Наташа несёт грудного Лёню и ведёт за руку четырёхлетнего Витю; Вера едва идёт сама - она очень больна, - ей помогает нести полуторагодовалого Вову отец. Ваня несёт вещи и ведёт за руку шестилетнюю Марусю. Мать ведёт Галю. Пурга моментально замечает следы. Один раз Наташа положила на снег Лёню, а Виктора взяла на руки и понесла вперёд. Когда же вернулась за Лёней, его засыпало снегом, и мы все долго его искали. Мотя с детьми осталась на Добрицах, чтобы потом добираться к Стёпиной сестре на хутор Едуш.

К вечеру добрались до хутора Палий, но там тоже всё запружено немцами, ни в один двор не пускают. Отец решается идти к немецкому коменданту, потому как нам приходит гибель. К счастью, комендант оказался несколько некрасивый, рыжий, весь в оспинах, настолько добрый, - оказал нам помощь. Он поручил своему помощнику распределить нас на ночь по одному человеку в каждый дом и сказал, что утром в Латоново будет идти обоз за грузами, и нас всех туда отвезут. Выдал отцу пропуск в тыл, в котором были мы все переписаны, также в нём содержалась просьба к немецким властям не препятствовать эвакуированным с фронта. Впоследствии этот пропуск нам часто помогал, спасибо рыжему коменданту.

Утром отец собрал нас всех по хатам и привёл к обозу, с которым мы и добрались до Латоново. Там мы попали в полуразрушенную школу, где уже находились другие наши эвакуированные: Максим Кузьмич Красуля с семьёй, дядя Митя (старший брат отца) и Прокопенки ("Гайдари") с семьями и другие. Мы расположились вдоль стены, т. к. все углы были уже заняты. Мы с Ваней и Митей натаскали соломы, камыша и сделали постель. Началась тыловая жизнь; хотя каждую ночь наши бомбардировщики бомбили Латоново, и взрывы сотрясали толстые кирпичные стены, но это уже не сам фронт, и нам было не так страшно.

К концу февраля бомбёжки усилились. Говорят, что с земли нашим самолётам подают сигналы. Немцы неистовствуют, ищут партизан. С наступлением темноты хождение по улицам запрещено, на ночь берут по десять заложников. В их число попал как-то и наш дядя Митя. Заложников запирали в колхозный амбар и грозили, что если повторится сигнал с земли, заложники будут расстреляны. К нашему счастью никого не расстреляли, т. к. сигналов не было.

Март 1942 года.

Восьмое марта. Гул канонады, доносившийся с линии фронта из Ряженого, усилился; вокруг "нашего" дома столпилось много немцев и мирных людей, бежавших с фронта. Оказывается, наши предприняли большое наступление в районе Матвеева Кургана - тремя морскими бригадами. Одна из бригад наступала по льду, что покрыл всю пойму - пространство от Колесниково до западной части Ряженого. Она прорвала немецкую оборону и встретила ожесточённое сопротивление немцев, сосредоточившихся в Паровой балке.

Три дня шёл бой, немцы подтянули свежие силы и принудили наших отступить на прежние позиции, на восточный берег Миуса. Весь снег на заливному луку чернел от крови и бушлатов моряков.

После наступления немцы выгнали всех эвакуированных из Латоново. Нашу колонну сопровождали два немца на лошадях. Снова мы в пути, но теперь метели нет, зато воды кругом полно, и мы бредём в изодранной обуви по снеговой каше и грязи. Конвоиры торопят, у нас нет сил идти. Добираемся до первого хутора (Иванченко), но остановиться немцы не позволяют. Идём до Екатериновки,

мокрые и голодные останавливаемся в сарае. Тамошние немцы кричат на наших конвоиров и гонят дальше.

Мы ночуем в сарае и снова в путь. Как хочется уснуть и никуда уже не идти! Но отец уговаривает, тащит по очереди всех, мать идёт совсем босая (сапоги развалились). Прошли Гречкино, немцы не позволили остаться, идём дальше. Доходим до балки, называемой "Горькой". Вода большим потоком ревет и несёт обломки деревьев, камыша, кустарников. Лошади конвоиров не хотят идти в воду, и немцы гонят туда нас. Отец и Максим Красуля длинными жердями меряют, где помельче, а мы, держась друг за друга, идём следом. Вода - до пояса, валит с ног. Перебрались через балку, немцы остались на той стороне и куда-то исчезли.

Мы прибываем в хутор "Фасоли" и располагаемся опять в школе. Это - приличный дом зажиточного крестьянина Фасоли, но хозяина нет, он давно был выслан. Здесь тихо, фронт далеко, стрельбы и бомбёжек не слышно. Можно жить. Но голод гонит нас на поиски пищи. Когда мы ещё шли в хутор, видели небольшой пруд, - там, наверное, есть рыба. Поэтому сразу же после отдыха мы с Василием Максимовичем и Шуркой Ивана Ивановича бежим к пруду. Видим такую картину: вода прорвала дамбу и ушла по балке вниз, а рыбка - совсем маленькая - прыгает по траве. Мы собираем её в сумки и тащим домой. Сколько было радости!

Наши женщины ходят по окрестным хуторам просить милостыню, но подавать почти не подают, - у людей у самих нечего есть. Мужчины что-то мастерят и предлагают жителям на обмен, но дела идут тоже плохо. Мы, мальчишки - Васька, Шурка и я тоже шныряем по хуторам. Где выпросим, где подберём что-нибудь возле немецких кухонь. Пропуск, выданный рыжим комендантом на "Палиях", нам всё время помогает.

Сегодня мы пробрались до самой Новоспасовки, где, по рассказам, находится бойня скота для немцев. На свалке мы набрали мешки костей и принесли в хутор. А вот на следующий день нам повезло меньше. Один немец зазвал нас в сарай, где было много заплесневевшего хлеба, и запер. Мы ели хлеб, набирали в сумки, но выйти из сарая не могли. Просидели почти сутки. Потом немец открыл дверь, натолкал нас носом в навоз, вытряхнул хлеб и пинком проводил подальше. Что ж, и то хорошо, что поели гнилого хлеба.

Апрель 1942 года.

Где-то в конце апреля наши мужики засобирались в дорогу, поближе к линии фронта - своим краям. Шли целый день, ночевали в Мало-Кирсановой, затем пришли на Толмачёв хутор. От этого хутора когда-то оставался один колодец, не было и признаков строений. Но теперь там уже было много эвакуированных, которые повырыли себе землянки и продолжали прибывать. Отец, Ваня и я тоже вырыли себе землянку и поселились в ней с Верой, Вовой, Галей и матерью. Наташа с детьми осталась на Фасолях. Образовалась целая деревня из землянок. Немцы даже повесили указатель - "Келлердорф" - деревня из погребов. Народ стал называть упрощённо: "Кела".

Май - июнь 1942 года.

Первого мая возле Чёрного хутора под открытым небом немцы устроили празднование "Дня весны". На лужайке они образовали большой круг (сидели прямо на земле), а внутри круга выступали их артисты. Немцы громко смеялись, пели и танцевали. А за кругом было много наших мальчишек и девчонок -

интересно же смотреть и слушать немецкий концерт. Наши "ястребки" летали над импровизированным театром очень низко, но не стреляли, очевидно, потому, что вокруг было много наших людей.

Я тоже с товарищами стоял буквально за спиной у немцев и пытался кое-что переводить им с чужого языка. (Я учил немецкий в школе и помнил кое-какие слова.) Вдруг один немец, не поворачиваясь ко мне, резко, наотмашь, ударил меня в лицо (очевидно, я мешал ему слушать), кровь хлынула из зубов. Я чуть не упал, затем сразу ушёл на "Кела". Долго я потом пытался достать оружие и убить немца, но сделать этого не смог.

По ночам многие уходят на "фронт", в Ряженое, в свои дворы, в поисках чего-нибудь съестного. Мы с Мотей тоже ходим. Как стемнеет, уходим из "Келлердорфа", пробираемся в слободу (немцы привыкли к этому и пропускают нас), там шарим в развалинах своих хат, сараев, погребов. Что-нибудь насобираем (кукурузы, пшеницы, бураков и т. д.) под обломками и к утру уходим с передовой в тыл.

Ходить на передовую, т. е. домой в слободу, стали часто. Я умудрялся пробраться даже днём. Маленький ростом, я выбирал всякие канавки, чтобы возвышаться над землёй ещё меньше, и шёл прямо на передовую, всё время опасаясь, что вот застрочит пулемёт - либо ближайший немецкий, либо дальний наш, т. к. всё пространство, которое мне приходилось преодолевать, простреливалось с двух сторон. Но удавалось пройти и достать ещё чего-нибудь поесть.

Июль 1942 года.

В середине июля на передовой затихло. Ночью не видно полос трассирующих пуль. Немцы переполошились. Оказывается, наши войска скрытно покинули Ряженое, Курган и занимают оборону где-то под Ростовом и Новочеркасском. Мы возвращаемся домой - на теперь уже бывшую "передовую". Трудно привыкнуть, что не стреляют. Днём нам ходить страшней, чем ночью. Снова живём в своём погребе, ремонтируем остатки хаты. Жить как-то надо. Восстанавливаем на старом фундаменте четвертую часть дома. В ход идёт всё: спинки и сетки кроватей, принесённых из немецких окопов, куда раньше их перетаскали немцы; ветки уцелевших деревьев, камыш, скошенный в Степановой балке, и даже бетонные плиты из блиндажей. Люди строятся, спешат приготовиться к зиме.

Случались и курьёзы. Так, однажды мы всей семьёй были во дворе, а мать в хате разжигала огонь на кое-как оборудованной печке. Вдруг слышим автоматную очередь, и мать вылетает из хаты. "Там кто-то стреляет!" - кричит она. Оказывается, это рвутся патроны в немецком автоматном "рожке", который мать использовала в качестве колосника. Мы вдоволь насмеялись.

Вера, вторая старшая сестра, болеет, ей всё хуже и хуже, есть нечего. Вскоре мы её похоронили. Перехоронили на кладбище и тётю Олю. Мы с Иваном Скачко ходим на луг и собираем автоматы наших погибших бойцов - моряков. Их теперь называют "битые". А автоматы нам нужны - из прикладов делаем деревянные гвозди для сапожничества.

Приходил полицейский, искал фураж для немецких лошадей. Где он у нас, этот фураж? "А если на чердаке найду?" - кричал он на отца и стрелял в потолок. "Собака, а не человек, - возмущался отец, - а ещё наш, ряженский". Мать дрожала от страха, она была очень худая, постоянно бледная, переживала за всех нас, - не

только оставшихся здесь, но и за старших, воевавших где-то, сыновей: Андрея, Володю, Сеню, зятьёв Стёпу и Николая.

Декабрь 1942 года.

В деревню стали прибывать немцы. Ходят слухи, что где-то под Сталинградом наши их здорово трепанули, что они снова хотят укрепиться на Миусе, по своим старым позициям. Слухи не напрасны. Старосты гоняют людей чистить старые блиндажи, переводчики угрожают: "Несите в окопы брёвна, кто что взял, а то будет худо".

Снова приближается фронт. Всё чаще появляются исчезнувшие надолго наши самолёты, немцев в Ряжене - всё больше и больше.

Февраль 1943 года.

Рано начало таять. Снова люди покидают деревню и устремляются на заброшенный было "Келлердорф". Мы тоже - отец, Ваня, я и Мотя - уезжаем на своём пойманном ранее мерине к своей землянке. Чистим её, обустроиваем. Мать, Галя (самая младшая сестра - ей тринадцатый год) и Вова, сынишка умершей Веры (ему третий год) остаются пока в погребе в деревне.

Фронт приближается, уже слышны гул и уханье пушек. Надо спешить забрать мать, Галю и Вову. Отец поручает это мне, так как они с Ваней, как взрослые, могут попасться немцам в руки и будут задержаны, а я - ещё подросток.

Я еду снова на линию фронта, навстречу отступающим немцам. Конь едва передвигается, я хлещу его со всей силой. Поток немцев запрудил всю гору: машины, подводы, пешие... Один немец с голой окровавленной ногой лежит на детских саночках и погоняет тощую, прыгающую на трёх ногах, но молодую клячу. Увидел он моего большого мерина, остановился и приказал поменяться. Я перевернул его на мои санки, отдал свои вожжи и взял его клячу с саночками. Въехал в улицу и хотел погрузить мать и Галю, но мать попросила отвезти кое-какие вещи сначала, а за ней приехать к другой ночи.

Какая была ошибка, что я согласился! Когда приехал на "Кела", отец сразу же погнал в деревню ещё раз. Засветло я добрался лошадкой и саночками, на которых сидела и бабка "Коржиха" (отец попросил отвезти её к своим в деревню), до горы, откуда должен спускаться прямо в улицу.

Но наши войска уже были на той стороне Миуса и вели такой плотный огонь по бегущим навстречу мне немцам, что мины и снаряды рвались буквально вокруг меня. Лошадка прыгала из стороны в сторону, я еле держался на саночках, и возле меня бабка.

Вот лошадь ранило ещё раз, в ногу, уже ничего не видно от дыма рвущихся мин и снарядов. Я не выдерживаю и поворачиваю лошадь на гору, гоню её сколько есть мочи, пока не скрываюсь в Паровой балке.

Наступили сумерки, артобстрел немного утих, и я снова рвусь в деревню. На сей раз не обращая внимания на редкие взрывы. Влетаю в улицу, затем в свой двор, оставляю у стены разрушенного сарая лошадь, а сам - в погреб, к матери. Готовлюсь к утру выбраться с "передовой" за гору, к отцу и Ване. С нами в погребе маленький Вова. Как поместимся на детских саночках?

Выбраться из погреба до утра не удалось, артобстрел продолжался всю ночь. Когда рассвело, я выглянул из погреба и увидел на улице танки с красными звёздами. Я машинально спрятался за дверь, но один из танкистов заметил меня

и с пистолетом кинулся к погребу. "Выходи", - приказал он. Я открыл дверь. "Фрицы есть?" "Нет, а вот в том доме есть", - указал я на дом Горбатко. Этот дом был мало разрушен, и в нём находился уже тяжело больной дед Степан, которого я ночью проводывал. Тогда я и видел там много немцев.

Танкист с пистолетом и я вошли в комнату. Из кучи соломы торчали ботинки, шинели, пилотки немцев. В углу валялись винтовки. Танкист толкнул одного-другого и скомандовал: "Хенде хох!" Немцы молча, без сопротивления, поднимались, вылезали из соломы и становились в ряд с поднятыми руками. Их было более десятка, а перед ними - мы вдвоём с танкистом, вооружённым одним пистолетом.

Вывели немцев на улицу, там их была уже целая колонна. Так мы с матерью, Галей и Вовой оказались за линией фронта, у своих. Где остальные и что с ними, мы не знали. Только слышно было, что стрельба совсем близко, на горе.

Целую неделю немцы пытаются вернуть нашу улицу и атакуют подоспевшими танками. Но у них ничего не получается. Теперь более выгодное положение занимают наши. В нашей маленькой хатке расположилась разведгруппа. Бойцы, вернувшись из ночной разведки, рассказывают, что за горой в землянках скопилось много наших людей (это - пресловутый "Келлердорф"). Немцы окапываются по самой горе.

Оказывается, они утратили прежние, прошлогодние позиции на узком участке фронта (наша улица), а везде, в других местах, удержались (со стороны Рясного, Паровой балки и Грунтового хутора), почти окружение. Но мост через Миус у наших, плацдарм на западном берегу прочно удерживается.

В очередной раз навещаю Горбатко - покормить кое-чем деда Степана, но уже не застаю его живым. Мать, совершенно неподвижная от тифа, просит похоронить деда в нашем огороде. Я прошу бойцов помочь, и мы перетаскиваем деда в свой огород. Однако похоронить не удаётся: немцы не прекращают обстрел ни днём ни ночью. Дед лежит под скирдой. Мать бредит в беспамятстве. Мы с Галей ничего не можем сделать. Вова беспрерывно просит: "Каши".

Март 1943 года.

16 марта мать умерла, Галя тоже слегла от тифа. Мы с Верой Скачко похоронили мать и деда Степана в одной могиле, я сделал даже крестик. А через несколько дней нашу хатку потрясло от мощного взрыва. Оказывается, бомба больших размеров разнесла вдребезги хатку тётки Афанасихи. В этой хатке в одной комнатке находились солдаты, в другой - женщины: тётка Афанасиха, её дочь Вера, Вера Скачко и санитарка, кажется, Тая. В живых остались только Вера Скачко и хозяйская дочь. Но я их уже не видел. Их увезли в госпиталь сильно израненных.

Мы с Галей и Вовой по-прежнему живём одни. Разведгруппа нас покинула из-за тифа. Галя стала подниматься, но слёг я. К нам иногда заскакивают бойцы, приносят хлеба, а на дворе уже весна. Солнце припекает. Я потихоньку начинаю подниматься.

Как-то раз пришёл какой-то командир и просит рассказать и показать ему местность вокруг деревни. Я ему рассказываю, где была дорога на Добрицы, как проходит балка Страшная, что находится за горой и как туда пройти. Осторожно выползаем за дверь, я рукой показываю в сторону балки, и в это время взвизгнули пули. Обе фуражки - моя и бойца, пробиты пулями.

Сегодня нас разыскала бабушка Вовы (по отцу) и забрала его к себе. Мы с Галей остались одни. А вскоре нас вместе с другими стариками и подростками погрузили на обоз и ночью повезли через мост подальше от передовой. Переезжаем через железную дорогу, хлещет невероятный дождь, ракеты непрерывно освещают то один участок, то другой. Немцы начеку. Они периодически строчат из пулемётов, и пули свистят невдалеке от нас. С нашей стороны тоже изредка постреливают пулемёты...

И вдруг всё ожило. Лошади шарахнулись. Брички, на которых мы сидели, дёрнулись из стороны в сторону, вокруг нас рванулось несколько мин, ракеты осветили проволочные заграждения, пулемёты совсем взбесились.

Оказывается, наш обоз забрал слишком вправо и напоролся на позиции немцев у Рясного. Некоторые подводы перевернулись, лошади ржут, кричат люди, льёт дождь. Мы с Галей жмёмся друг к другу, извозчик гонит лошадей во всю. Мины и пули до нас уже не достают, но теперь ухают пушки и рвутся снаряды. Постепенно мы удаляемся от передовой и с горем пополам прибываем в какое-то село. Это, оказывается, Политотдельское, - оно в 12 километрах от Ряженого. Нас сгружают и помещают в какой-то сарай - это полуразрушенный дом, как мы увидели днём. Кроме нас с Галей, там находятся баба Матрёна Брага со своей внучкой Галей, Богомазы бабка Марфа, дядя Митя - инвалид и их дети, дед Антон Баранчик и много других людей.

Позже нас разместили по квартирам - меня к Ковалёвым (мать Ирина, сын Николай, отец на фронте), Галю - к сестре Ирины. Так мы снова начали тыловую жизнь. Помогаем хозяевам по дому, они кое-чем нас кормят.

Апрель 1943 года.

Мы с хозяйкой ушли в поле сажать кукурузу. Другие люди ещё только идут на свои делянки. В небе показались немецкие бомбардировщики, идущие в сторону Ростова. Их встретили наши истребители, на наших глазах завязался бой. Бомбардировщики стали разворачиваться и уходить обратно, к передовой, беспорядочно сбрасывая бомбы. Взрывы были видны нам - некоторые у самого села.

Прибегает к нам мальчишка и кричит: "Вашу Гальку убило!" Мы с хозяйкой не знаем, чью Гальку, т. к. и мою сестру зовут Галей. Я бегу впереди всех в село и вижу: под забором, рядом с огромной воронкой, лежит моя сестра. Одна, возле неё никого нет, только поодаль солдаты копают яму и стаскивают убитых товарищей.

У Гали - окровавленный затылок, я поворачиваю ей голову и вижу, что левый глаз - пустой, осколок прошёл через голову навылет. Мелькнула мучившая меня ранее мысль - вот я и остался один, никого теперь у меня нет. Я попросил солдат и вместе с ними похоронил Галю в общей братской могиле.

Так фронт достал нас и в тылу, в двенадцати километрах от передовой.

Вскоре, готовясь к масштабному первомайскому наступлению, военные на автомашинах увезли всех граждан из Политотдельского в Нагорно-Тузловку - подальше от передовой.

Теперь я живу вместе с "Крючками" - это наши дальние родственники, тоже Богомазы - у местных людей, чью фамилию не помню. Располагаемся в сарае. Сначала мы сильно голодали, бабушка Марфа ходила просить милостыню, дядя Митя - инвалид на протезе - сапожничал и что-то зарабатывал. Мы с Зиной ходили на работу в колхоз полоть посевы и тоже кое-что получали за это.

Дальше стало намного лучше: Зина устроилась в столовую, где кормили лётчиков и лётчиц ночных бомбардировщиков, а я ей помогал. Там мы вдоволь ели каши, приносили домой остатки со столов. По утрам я прислуживал майору, который вместе с адъютантом располагался в доме нашей хозяйки. Он тоже меня кормил и даже одел в солдатскую одежду. Я стал почти "сыном полка": таскал дрова, котелки, чистил оружие. Солдатские брюки я заправлял в большие сапоги.

Август 1943 года.

Гул, доносившийся с передовой (она находилась в 15 - 20 километрах от Нагорно-Тузловки), заметно усилился. Лётчики говорят, что наши пытаются прорвать "Миус-фронт", штурмуют немецкую крепость "Саур-могила".

Нас вместе с другими мальчишками и девчонками посылают помогать раненым. Мы идём в поле, а навстречу бредут раненые солдаты, едут на бричках и машинах, кричат, ругаются. Целый поток.

Ближе к передовой - совсем страшная картина: в траве, на земле, насколько хватает глаз, лежат один возле другого тяжело раненые солдаты, не способные уйти в тыл. Стоят бочки с водой, мы набираем воду в вёдра, несём к раненым и поим их кружкой. Ведро быстро пустеет, а раненые умоляют: "Пить, спаси, голубчик, пить". Мы снова бежим к бочкам, раненые хватают нас за ноги: "Пить, воды, пить..." Как назло, стоит жара. Раненых сотни, и мы бегаем так целый день. Одних увозят, других выносят с передовой. Несколько дней в стороне "Саур-могилы" - грохот и дым, днём - как будто чёрная ночь.

Конвейер бомбардировщиков работает непрерывно: бомбят немецкие позиции; количество раненых уменьшилось. Нас уже не посылают за ними ухаживать. Лётчики говорят, что "Миус-фронт" во многих местах прорван. Уже освобождены некоторые сёла. Очевидно, скоро и из Ряженого уйдёт фронт.

Сентябрь 1943 года.

Наконец, известие - можно возвращаться домой. Первое число. Раньше в этот день мы торопились в школу, теперь же собираемся в дорогу, домой. Некоторые наши эвакуированные односельчане уже ушли, - кто посильней и помоложе. Мои спасители (баба Марфа, дядя Митя) не могут идти, а Зина должна быть при детях - она старшая из шести сирот. Мне выпадает идти домой с Галиной Брага.

Выходим из Нагорно-Тузловки рано утром, без вещей, идём быстрым шагом. Дорога запружена войсками - всё движется на запад. Нас обгоняют машины, мы просим подвезти, но нас не берут - машины забиты снарядами, а навстречу везут раненых в тыл. Мы шагаем почти без остановки целый день. Кое-где останавливаемся попить из колодцев.

К вечеру обессиленные прибываем в Миллерово. Какие-то люди сидят у костра, пекут картошку и угощают нас. Галина (ей 13 лет) мужественно переносит изнурительную дорогу. Остаёмся спать на соломе.

Рано утром снова уходим и снова почти целый день не евши идём по твёрдой дороге босиком. Ноги горят, но идти надо. Уже садится солнце, когда мы прибываем в Матвеев Курган. Я предлагаю остановиться на ночлег у Лизы (жены самого старшего брата Володи), ищем её дом, - он где-то у самого моста, - но всё разрушено, людей почти нет. Лизы - тоже. Галина хнычет, не может идти, но я решаю двигаться дальше, в Ряженое. Переходим по бревенчатому мосту

Миус, дорога на "Широкую" балку проложена танками. Свернуть на косую дорогу к Ряженому невозможно, кругом таблички "Осторожно - мины!"

Идём дальше, уже совсем темно, лишь иногда из-за высоких облаков показывается луна. Я приседаю и приглядываюсь, есть ли таблички, но они по-прежнему предупреждают об опасности. Идём и идём, а свернуть к Ряженому нельзя. Вот уже траншеи бывшей передовой, проходим развороченные наши проволочные заграждения, идём по нейтральному полю до немецких заграждений, а за ними - сплошные "ход-сообщения".

Мы сворачиваем влево вдоль заграждений - по рыхлой земле брустверов босиком идти легче, мягче, но приходится всё время прыгать через ответвления "ход-сообщений". Сил нет. Галина плачет, я помогаю ей перепрыгивать через рвы. Вдруг из темноты раздаётся окрик: "Стой! Кто идёт?" Я ещё не отвык от немецкого "Хальт!" и быстро отвечаю: "Гражданские, гражданские." - Выходит из-за туч луна, и мы видим, - недалеко стоит автомашина-фургон, солдаты сматывают телефонный кабель.

- Куда идёте? - спрашивают.

- Домой, - отвечаем мы и движемся дальше. Очередной прыжок, и я сваливаюсь в траншею. Там затишек, я зову Галину и предлагаю заночевать здесь в блиндаже, т. к. сил уже нет снова прыгать и становится довольно зябко - глухая ночь. Но руки нащупывают какую-то тряпку, затем сапоги, каску и тело мёртвого немца (определил по форме каски). Выбираюсь из траншеи, и снова двигаемся вдоль проволочных заграждений.

Обошли "Страшную" балку, здесь идёт дорога на хутора. Проволока разворочена, траншеи засыпаны - прошли войска. Трава на дороге небольшая, и то вся примята. Луна хорошо светит, уже, наверное, полночь. Вот теперь наконец можно перейти передовую линию бывшего фронта и спуститься в свою улицу уже с "немецкой" стороны. Мы ускоряем шаги. Луна выхватывает из темноты столбики, к которым прикреплены минные проволочки. Я осторожно их нащупываю, переставляю ноги, слежу, как это делает Галина. Она уже не плачет: скоро наша улица, наши дворы. С горы ноги бегут сами, и мы уже бежим, не обращая внимания на обилие мин; нейтральное поле - позади.

Угадываем улицу. Она - заросшая высокой лебедой, нигде никого не слышно. Проходим мимо двора Галины. Я предлагаю добратся до нашего погреба и там пробыть до утра. Подходим ближе к нашему двору и слышим какой-то гомон совсем рядом. Приближаемся ещё, раздвигая рослую как камыши лебеду. У тлеющего костра во дворе Скачко - соседнем с нашим - сидят люди и тихо разговаривают.

Мы встретились с уже прибывшими из скитаний - кто откуда - односельчанами. Здесь Нина и Вера Скачко, ещё люди - не помню, кто. Рассказываем друг другу о себе. Нина прибыла с "немецкой" стороны, из "Келлердорфа", Вера - после госпиталя с нашей стороны. Они уже знают, что нет в живых их тети Маруси - моей матери, - но, что нет и Гали - моей сестры - рассказал я. Они сообщили, что наш отец и Мотя с детьми живы и, наверное, придут завтра сюда, домой. Рассказали также, что Ваню - моего брата - призвал полевой военкомат. Не знаю, увижу его или нет. Коротаем время у костра. Спать не хочется, хотя усталость мертвецкая.

Утром я направляюсь на "Келлердорф" к отцу, иду по той дороге, где ночью сломя голову бежали с Галиной Брага с горы. Повсюду мины, колючая проволока, траншеи. Как нас пронесло среди тысячи смертей?! Ужас! Я спешу, навстречу идут и идут люди. Они тоже возвращаются в село. Идут знакомые, идут и незнакомые, возбужденно разговаривают.

Мы встречаемся с отцом, не сразу узнаём друг друга, затем бросаемся в объятия. Наконец, встретились! Отец уже знает, что матери нет, о Гале рассказываю я. Идем в слободу, а затем снова на "Кела". Надо как-то перебраться домой, как-то жить, что-то соорудить на месте разрушенной хаты.

На следующий день я по поручению отца отправился в Курган и разыскал Ваню на восстановлении железной дороги. Он - очень худой, длинный, - каким я его никогда не видел, ещё в своей гражданской потрёпанной одежде. Мы обнялись, заплакали, потом его куда-то послали. Больше мы с ним уже никогда не увиделись. Он ушёл с войсками на запад. Война грохотала ещё совсем недалеко. Нам, мирным людям, предстояло восстанавливать разрушенное хозяйство, налаживать новую жизнь.

Кончилась война, и мы подвели её печальный итог: умерла мать дома в погребе, погиб Андрей в конце 1941 года, защищая Москву, умер в плену в 1943 году Володя, умерла в 1942-м Вера, погиб, освобождая Латвию, в 1945 году Ваня, убита бомбой в 1943 году Галя.

Сеня провоевал всю войну, остался служить в армии и вышел в отставку в звании полковника.

Закljučая своё повествование, отмечу ещё один любопытный факт. Мне всегда казалось, что никогда не погибну в смертной круговерти. И вообще, я могу остаться в живых один. Не знаю, быть может, это всего лишь детские фантазии...

С. Ряженое. Мемориал погибшим в Великой Отечественной войне

ДЕРЕВЕНСКИЕ БЫЛИ

За долгие годы в Примиусских сёлах сменились многие поколения людей. Одни ушли из жизни, не оставив заметного следа, другие вошли своими делами в историю, но большинство живут в воспоминаниях потомков. Есть воспоминания

древние, есть недавние и есть совсем свежие. О людях старых и молодых, о грамотных и не очень, о трудолюбивых и лентяях, о скромных и балагурах, о талантливых и мастеровых, о любителях выпить и трезвенниках - обо всех рассказывают в Ряжене на различных сборищах: на свадьбах, на новосельях, на проводах в армию и просто на рабочих перекурах или вечером на завалянке. Вспоминают, смеются, как при рассказах анекдотов, но всякий раз говорят с уважением, называя фамилии и имена. Вспоминают людей, которые чем-то отличились, - хорошим, а, порой, и не совсем.

Содержание этих воспоминаний и рассказов отражает прошлую и настоящую жизнь села. Эта жизнь характерна не только для Ряженого, но описана преимущественно на его примерах потому, что автор сам знал многих из своих героев, со многими общался и о многих знал по рассказам близких и родственников.

I. Из далёкого прошлого

Поротый на меже.

Ходит по деревне эдакий старичок-бодрячок, усики подкручивая, а за ним - детвора стайкой, бегут, смеются:

- Поротый идёт, поротый.

- Захочу - съем калач, - отвечает старичок, - захочу - лягу спать, а захочу - вас поймаю, - расставляет руки. - Мне всё можно, меня все любят, даже берегут.

А дело в том, что, действительно, его все берегут, кормят, жалеют...

Давным-давно его - мальчишку лет десяти - выпороли на меже - границе - земель двух сельских обществ, чтобы на всю жизнь запомнил, где эта межа проходит.

Кто-то когда-то придумал такой довольно дикий способ. Общество находит мальчика добровольца, если он сирота, или родителей, согласных на такую участь сына, приводят мальчика на границу земельного участка, показывают, где она точно проходит, закапывают огромный камень и начинают экзекуцию - порку мальчика. Порют больно и приговаривают:

- Смотри, где камень зарыт, запоминай.

Мальчик орёт, катается по земле, а плётка взлетает и обжигает тело.

- Ой! Ой! Хватит, дядечки, хватит! - "Бух" плёткой, "бух".

Затем мальчика приводят в чувство, умывают, кладут примочки и ведут на обед. Члены общества бросают жребий, у кого он будет днествовать первую неделю, у кого - вторую и т. д. Затем очерёдность повторяется, и так, пока поротый не постареет. Поротый - привилегированное лицо, он зачастую - капризен, от него ничего не требуется, кроме здоровья и памяти. Когда подходит время, находят следующего "добровольца", повторяют всю процедуру и уже нового "поротого" так же кормят, поят, лечат, если надо, берегут, чтобы межу не забывал - общество за него в ответе. Он не должен ничего делать, его забота - жить на свете и помнить межу, а в своё время - передать это знание другому, кто станет следующим "поротым на меже".

"Швед" - дворянин.

Как-то раз случилось, что при проверке в отаре помещика не хватило довольно много овец. То ли отбились и ушли на другие земли, то ли кто уворовал, то ли чабан оказался нечестным, только овец нет как нет. Барин, уже не имевший права на телесное наказание (оно было отменено к тому времени законом), решил обратиться в суд. Платить за овец чабану нечем, так пусть он отработает зимой, когда овцы на постое.

Крестьянский суд, готовя жалобу на нерадивого пастуха к разбирательству, посоветовал помещику обратиться в дворянский суд в город Новочеркасск.

- Как, в дворянский суд? - возмутился помещик, - с моим мужиком я буду судиться в Дворянском присутствии? Что вы себе позволяете?

Чиновник, разбиравший дело, показывает бумаги:

- Посмотрите, господин истец, ваш ответчик - тоже дворянин, вот бумага с указанием Указа Его Величества.

- Как, дворянин? - кричит помещик, - пастух - дворянин?

- Да, господин, он получил Георгия I-й степени и дворянское звание за ратные подвиги в войне со шведами.

Помещик охнул, постоял в недоумении, махнул рукой, затем улыбнулся и произнёс:

- Не пристало дворянам судиться за какой-то десяток овец.

Дело было прекращено, помещик уже не кричал на пастуха, обращался вежливо, даже плату увеличил, а пастух продолжал исправно нести службу и удивляться, куда же делись злополучные овцы.

В Ряженом и сейчас живут потомки "шведа-дворянина", как его стали прозывать после этой истории досужие деревенские мужики. Приставка "дворянин" постепенно с годами затерялась, а прозвище этого рода "швед" - осталось и поныне.

Греки-попрошайки.

Уныло бредут лошади, запряженные в тяжело нагруженную телегу. Лошади и телега утопают в ряженской пыли, на телеге громоздятся мешки с мукой, хлебом, пирогами, пасхальными куличами. Поверх мешков сидит грек - усатый и бородатый детина, в холщовой рубаше, с длинным кнутом. Он изредка им взмахивает и заунывно тянет:

- Подайте ради Христа, подайте ради пасхи, подайте, что бог послал...

На углу улицы подвода встречается с гурьбой уже успевших повеселеть парней.

- Опять грек приехал кланчить, - раздаётся из толпы, - а ну, давай, хлопцы, потрясём грека, нашим хлебом свиней кормит.

Налетели на телегу, мешки летят на землю, белое облако заволокло всю улицу.

Грек кричит, лошадей стегает, а парни уцепились за мешки, тоже кричат.

- Больше не приезжай, не обирай слободу!

Вырвался грек из Ряженого, приехал к себе в Греческие роты почти пустым...

Спустя какое-то время в разгар лета на улице Ряженого появился урядник, ищет парней-хулиганов.

- Вот посмотрите, - тычет он бумагу, - если читать умеете, вас вызывают в суд по жалобе греков.

Оказывается, греки-попрошайки - дворяне, имеющие большие экономии; они подали в суд на своих обидчиков, мужицких парней. Трудно пришлось ответчикам, еле отделались они домашней поркой, а их родители - порядочным штрафом.

Больше греков никто не обижал, они продолжали свой доходный промысел, объезжая хутора и слободы по праздникам, зная, что люди в эти дни более богаты, добры, хлебосольны и готовы поделиться. Правда, ездить они стали по два-три человека на телеге, чтобы не бояться хулиганов.

Лекарство от хвори.

По Воровскому шляху лихо катят дрожки; молодая, резвая лошадка мчит пассажира вдоль крестьянских наделов. Пассажир - в шляпе, в белой рубаше, с коротко стриженной бородкой, в расстёгнутом пиджаке с блестящими пуговицами, - смотрит по сторонам, улыбается весеннему солнцу. В одном месте, не доезжая хутора Соколова, его взгляд останавливается на лежащей возле самой дороги на солнцепёке женщине. Пассажир останавливается и спешит к ней. "Надо оказать помощь, - мелькает у него в голове, - ведь я - врач". Он наклоняется над женщиной и видит её худющее старушечье лицо с запавшими почти безжизненными глазами, впалую грудь, посиневшие губы. Старуха тяжело дышит, глаза чуть-чуть ворочаются.

- Что с вами? - спрашивает врач и слышит едва различимый шёпот:

- Пить, пить и-и закурить...

Невдалеке волы нутужно тащат соху, за которой идёт мужик, баба держит налыгач и покрикивает:

- Цоб! Цабе! Цоб!

- Да стой ты, треклятая, - останавливается мужик, - не видишь, кто-то у нашей мамки возится.

Мужик и баба подходят к старухе, виновато озираются.

- Я - врач, скажите, что с нею?

- Да хто ж её знае, - вытирая вспотевший лоб, говорит мужик, - хворае.

- А ты не знаешь, - подхватывает баба, - чарочку не дали, да табака не захватили.

И рассказывают наперебой, что старуха смолоду пристрастилась к зелёному зелью и куреву, что с возрастом стала закашливаться, что они запрещают ей курить и пить, что она всё равно чахнет, а оставить дома её не на кого.

- И давно она чахнет? - что-то прикидывая, спрашивает проезжий врач.

- Да може год, а може два, мы не считали. Уже ничего ей не даём, кроме бульона и каши, а она чахнет и чахнет.

- Вот, что. Я ей дам сейчас порошки, дам закурить, а вы дома дайте ей водочки. И не запрещайте, пусть продолжает курить и иногда выпивать.

- Дай вам бог здоровья, господин хороший, - поклонился мужик, - счастливого пути.

Врач уехал. Прошло лето. Случилось ему, как земскому врачу, снова проезжать той дорогой. Кругом идёт жатва, степь постоянно оглашается возгласами. Кое-где ржут лошади, кое-где мужики перекидываются крепкими словцами. И вспомнил врач про старуху. "Как она доживала?"

- Мужик! Ты не знаешь людей, у которых была больная старуха, пьющая и курящая?

- А-а, - протянул мужик, - баба Федора. Так вон она рожь загребает.

- Как загребает?! - испугался врач, - ты не путаешь? - и побежал по скошенной ржи к указанной старухе.

На пути его остановил мужик и обрадованно обратился:

- Это вы, господин врач? Хорошие порошки вы дали моей матери, поправилась она. Мамка! Идите сюда.

Врач засмутился, оглядел старуху, заглянул в её живые глаза и нескладно сообщил мужику на уху:

- Порошки должны были облегчить смерть. Она не должна была протянуть более трёх-четырёх дней. Я разрешил ей курить и пить, чтобы перед смертью не мучилась. Просто не верится, что она жива. Наверное, нельзя в старости резко менять образ жизни.

Повернулся врач к старухе, похлопал по плечу и сказал:

- Продолжайте жить как жили. Дай вам бог здоровья.

Кладоискатели.

Тётка Марфа, по прозвищу Лаврениха, тогда ещё молодая дебёлая баба, прослышала легенду, что, якобы, в давние-давние времена турки, отступая из Ряженских мест, в панике не смогли увезти войсковую казну и зарыли золото где-то в "Страшной" балке. Примету, якобы, они сделали такую: если стать на то место, где зарыт клад, лицом к Миусу, то из балки будет видна вода на "Кутянском" колене русла реки. Прослышала она это и задумалась. Ночами не спит, ворочается - золото мерещится. Пойдёт воды принести к колодцу - застрянет - думает, кормит поросёнка - балка из головы не выходит, ужинать садится с семьёй - не узнать её, разговаривает нехотя, у печки возится - все пальцы пообжигает - всё думает, думает: "А не поискать ли золото? Балка недалеко".

Тайком от семьи и соседей тётка Марфа направилась к балке. Идёт, а ноги подкашиваются, страшно (на то и балка называется Страшной), да только надо же самой сначала проверить, убедиться, что такое место в балке есть, потом можно и помощников найти, мужиков - клад, наверное, глубоко зарыт. Спустилась она в балку, по дну вода журчит, в ушах - звон, за каждым кустом кто-то шевелится, в глазах - всякие рожи.

Однако тётка Марфа была не из тех, кто так - запросто - отступает. Пробирается через густые кустарники, по крутому склону, ноги в глину увязают, оглядывается, не покажется ли Миус. Чудится ей, что какая-то нечистая сила хохочет над ней, мешает, дразнит. Поднимет в очередной раз глаза - по-прежнему одно небо видно. Долго она идёт, кажется, целый день, - сил нет, а золото тянет вперёд, манит, и нет конца мучению. И вдруг, в одном месте, за небольшим поворотом открылся вид на Миус. Ещё шаг, - и засверкала вода на "Кутянском" колене.

В глазах тётки Марфы всё поплыло, в голове загудело, затрещало, запрыгали чёртики, ноги подкосились и она распласталась на мокрой глине. Не помнит, сколько она пролежала, не помнит, как выбралась из балки, как добралась до дому. Несколько дней хворала, мучилась, а потом - снова в тайне от мужа и детей - похвалилась одному соседу - такому же сумасбродному, как сама, что знает, где золото зарыто. Надо его только выкопать. Тот нашёл ещё одного охотника-авантюриста, заготовили инструмент: лопаты, кирку, лом, и отправились к заходу солнца в балку.

Срубили кустарник, расчистили место от бурьяна, начали копать. Первый глинистый слой они сняли быстро, а дальше - сплошной камень. Долбят по очереди, пот вытирают, разговаривают шёпотом - как бы кто не услышал. Уже темнеет, а яма всё мала, устали, надо завтра приходить. Три ночи так копали, - яма уже в рост человека, камней наворочено горы, а клада всё нет и нет...

Как-то заметили их поход игравшие за околицей парни и девушки. Проследили, куда это они ходят? Не опускаясь в балку, увидели яму и копателей и догадались.

- А давайте подшутим, - предложил один из парней, - зажжём свечку в яме, когда их не будет.

Идею поддержали, и парни на следующий день перед приходом кладоискателей установили в яме свечку, зажгли её и спрятались в кустах, чтобы понаблюдать, что будет. А произошло вот что. Когда кладоискатели приблизились к яме и увидели в ней огонёк, они остоленели. Первой ринулась бежать тётка Марфа с криком "Клад сгорел! Сгорел!" За ней - мужики, путаясь в кустарниках и

царапаясь по склону балки на четвереньках. Надо было видеть, как, выбравшись наверх, не переводя дыхания, они бежали по горе, обгоняя друг друга.

- Не даётся нам клад, - решили незадачливые кладоискатели, - нечистая сила мешает. Правду говорят, что если тебе он не предназначен, будет на его месте огонь гореть. Сами убедились...

А по деревне пошли слухи, что тётка Марфа сильно захворала. С нею что-то плохое приключилось. Только парни и девчата на вечеринках от души хохотали.

Волки и учительница.

Жизнь в Ряженом протекала скучно и однообразно. И если что-то случалось, сразу становилось известным на всю слободу. А тут вдруг такое. Говорят, где-то недалеко, не то в Кульбаково, не то в Шапошниково, волки разорвали учительницу, которая возвращалась вечером из школы. Слух наполнил слободу, крестьяне передавали его друг другу:

- Слышал? - говорил один, - волки учительницу разорвали!

- Да ты что?! - удивлялся другой, хотя уже и слышал об этом, и тут же передавал третьему.

Здесь необходимо отметить, что волки вообще - чрезвычайная редкость в наших местах, ну, а чтобы нападать на людей, - просто беспрецедентное происшествие.

Задумался старый Мазай, по фамилии Андриенко. Он был из богатеньких мужиков, имел неплохих выездных лошадок, дрожки, ветряную мельницу в своём хуторе, приличный надел земли. "А что, если поехать и узнать, правду ли бают про волков?"

Так и сделал. Выехал на своих дрожках и - не в хутор, а в Кульбаково. Едет, усики подкручивает, новость проверяет. Встречает бабу у крайней избы.

- Скажи, милая, правда, что у вас волки учительницу загрызли?

- Ой, правда, - вскидывает руками баба, - только не у нас, а в Шапошниково!

- Спасибо, спасибо, - Мазай хлестнул лошадей и - в Шапошниково. Встречает мужика и снова тот же вопрос задаёт:

- Говорят, у вас случай случился. Учительницу волки съели.

- Да-а, - протянул мужик, - случай, так случай. Бедная учительница, только это не у нас, не в Шапошниково, это в Кирсаново было.

Мазай - в Кирсаново. Вот уже близко, а новость всё ускользает. Первому встречному - тот же вопрос.

- Скажи, скажи, мужик, в вашей слободе волки на человека напали?

- Ага-а, - почесал затылок дед, - сказывают тико будто это не в нашей деревне, а где-то в Щабельской, что ли.

Взвизгнул кнут, лошади рванулись, затарахтели дрожки, - до Щабельской из Кирсаново далековато. Мазай сердится, солнце к вечеру клонится. По улице идёт девка с коромыслом.

- Дивчина, ты не слыхала про волков и учительницу? - спрашивает незадачливый правдоискатель.

- Як же, слыхала, правда, цэ було в Ряженой. Ой як страшно.

Мазай обмяк, понуро тронул лошадок: круг замкнулся. Дальше ехать некуда. Вернулся он в Ряженое и первому попавшемуся навстречу мужику после приветствия сказал:

- В Ряженом волки учительницу разорвали, слыхал?

- Слышал, - ответил мужик, - только...

- Вот и я слыхал, - не дал договорить Мазай, - но-о, поехали, - и хлестнул изрядно уставших лошадей.

Дед-дудочка.

Его прозвали "дудочкой". Он и в самом деле - дед-дудочка. Сам мастерит дудочки, сам сочиняет мелодии, сам слова подбирает и сам играет. Вообще, дед Иван - мастер на все руки. Вот только его бабка Домна имеет другое мнение:

- Ты, окаянный, опять со своей дудочкой? Я навоз топчу, а он играет. Тьфу, сатана.

- Домнушка ногою топ-топ, лопатой по навозу хлоп-хлоп, - запел дед, уворачиваясь от бабкиной лопаты.

Но если дед захочет, никто за ним в работе не угонится.

- Вот спасибо, дед Иван, - говорит соседка, - Теперь тепло в комнате, печка и не дымнёт.

Дед Иван ухмыляется и на ходу выкладывает:

- А кто печку клал, кто дрова собирал, соседка стол накрывала, полную чарку наливала. Тюрли-тюрли моя дудка, старикова незабудка.

И вот подошла осень. Мужики на ярмарку в Покровскую собираются. Дед-"Дудочка" рубаху белую надел, штаны суконные подправил, а ехать на ярмарку не с чем и не за чем. Но он знает, - мужики его возьмут, потому как что это за ярмарка, где "Дудочка" играть не будет. Но-о, поехали!

Ярмарка в разгаре, всё гудит, поёт. Мужики за волов торгуются, бабы кошёлки присматривают, цыгане краденых лошадей сбывают: хвалят, в зубы заглядывают. Любители хмельного бочонки катают, зелье выцеживают. А потом и, вообще, - пошла-поехала. Дед Иван играет, дудочка заливается, ноги приплясывают, но хмеля он чурается, не любит. Ему есть, что дома рассказать.

Возвращаются ряженцы с ярмарки, кто с чем: одни удачно продали, другие удачно купили, третьи не знают, куда гроши дели.

- Ну, как там ярмарка? - спрашивают те, кто не ездил в Покровскую.

Дед "Дудочка" - тут как тут:

- Пьяни повзалы як раки и рыгалы як собаки.

- Вот это картина, вот это ярмарка, - кричат мужики, - обрисовал дидусь.

А дидусь торжественно восседает на передней подводе, он - главное лицо во всём мероприятии - едет домой, точнее, его везут.

Байки о ведьмах.

Дмитрий Авксентьевич - человек в возрасте, всегда гладко выбритый, аккуратно одетый, уважаемый всеми селянин. Ходит быстро, а в словах - медлителен. Когда говорит, каждое слово взвешивает, пустого совершенно не терпит. Все привыкли: если он о чём высказывается, значит это важно, советы его всегда дельны. Но однажды он признался:

- В молодости и со мной был грех, до сих пор помню.

- Расскажите, дядя, - пристаёт Верка - бойкая девка-болтушка, - расскажите. Неужели Вы никогда и не соврали? Никогда с Вами ничего не случилось? Вы же, говорят, и с австрияками воевали, и с немцами.

- Да что о войне рассказывать, - улыбается Дмитрий Авксентьевич, - а вот про "ведьму", так уж и быть, расскажу, - и начинает рассказ:

- Было мне лет 17, парубок уже. И пришлось как-то дежурить в Сельской Управе. Мы тогда там дежурили по очереди с 7 вечера до 12 ночи. А Управа тогда была на той стороне панского сада. И туда, и оттуда - идти мимо густых дубов, что сад ограждают, - дорога шла тогда по низу.

Вот я иду после 12-ти вдоль сада, дубы шумят, на улице - темень, сердце начинает колотиться. Парень я был не робкий, да только лезут в голову всякие небылицы. Тут всякое, говорят, случается: то корова ничейная за кем-то гонялась, то свинья какая-то набрасывалась, то коза в дубах бекала среди ночи...

- Ну, и что, дядя, дальше-то что? - не терпится Верке, - случилось что-нибудь с Вами?

- Случилось, детка, случилось, - ухмыляется дядя. - Иду, почти бегу - так страшно, так страшно, что в голове всё перепуталось. В висках - звон, в глазах - чудовища всякие. Озираюсь, а дубы не кончаются, как будто меня окружают. Еле выбрался на простор, слышу, - на нашей улице гулянка ещё продолжается, и тогда я подумал, что напрасно напугался. Да ведь кто, кроме меня, знает, что напрасно. Со многими случалось, многих ведьмы гоняли, и на меня тоже запросто могли напасть. И тут мне в голову пришла идея. Добежал до своих парубков, запыхался, а они спрашивают: "Митька, ты откуда? Что запыхался?" "Ага, - говорю, - вам бы так, тоже запыхались бы."

- "Да что случилось? - не унимаются хлопцы, - гнался за тобой кто?" "Гнался." - И начинаю придумывать. Вот, мол, иду по-над садом и вдруг наперёд мне - бух! - что-то. Я подпрыгнул, а это -утка. Крылья распустила и выплясывает по дороге. Хочу обойти, а она наперёд, я - в сторону, и она - в сторону. Не даёт, проклятая, ходу. Тогда я перекрестился, она сразу пропала.

- Фу-ух, - пронёсся в толпе девчат вздох облегчения, - Там всегда что-то случается.

- Бедный Митька, как ты додумался перекреститься? - сказал кто-то из парней, - заморочила бы она тебя. - И начались рассказы, какие случаи бывали. А я подумал: наверное, им всем - та же цена, что моему происшествию.

-Ух, как жалко, - вздохнула Верка, - а я думала, что и в правду случилось, с другими же случается.

II. Из недавнего прошлого

На колхозном собрании.

Закончился сельскохозяйственный год. Трудным он был в Ряжене. Колхоз только начинал набирать силу. Недавно свели скот на общий двор - "обобществили", недавно впервые гуртом сеяли, возили на общий ток и молотили хлеб, а уже - зима, надо подсчитывать - что получилось, что причитается на заработанный трудовой день, сколько кто получит из общего амбара.

Созывают отчётно-выборное собрание. Правление должно отчитаться, потом колхозники будут голосовать - оставить ли этот состав правления на следующий год, или избрать новый, чтобы оно лучше работало.

В помещении, где будет собрание, загодя сидят колхозники, курят, шумят, ждут начала. Стол президиума накрыт красной скатертью, но его почти не видно - густой дым застал всё, как на пожаре. Привезли из района газеты, раздают, тянутся руки и тех, кто не умеет читать.

Впереди всех сидит Петровна - женщина молодая, довольно привлекательная, но успевшая уже пристраститься ко всяким сборищам, весьма частым в первые советские годы. Переговорить её невозможно, она всё знает и обо всём рассуждает; она тоже берёт газету и начинает её рассматривать. Проходивший мимо неё к столу президиума райкомовец обратил внимание, что она держит газету вверх ногами - "до горы раком", как говорят в деревне, и остановился.

- Ну, что там пишут? - ехидно спросил он.

- Много кое-чего до чёрта, - подняла на него глаза Петровна, - читать надо, а не спрашивать.

Сидящие рядом хихикнули, зная, что она читать не умеет.

- Ну чего ржёте? Почитать спокойно не дадут, - громко парировала Петровна. Хохот усилился, головы соседей повернулись к ней.

- Ходят тут разные. Что пишут? Возьми да почитай, если тьма есть, - и она снова уткнулась в газету, так и не повернув её в нормальное положение.

Вскоре собрание началось, колхозники понемногу стали утомляться и от "читательницы" отвлеклись.

Вечный двигатель.

В Ряженом в довоенное время проживал весьма интересный человек - Иван Филиппович Иванюк. Добрый по натуре, скромный и даже застенчивый, он был всецело поглощён своей профессией, своей должностью. Он многие годы работал мотористом на поливе плантаций. Занимался этим с любовью, со знанием дела. Постоянно совершенствовал систему оросительных каналов, мастерил хитроумные задвижки, особо устанавливал трубопроводы. Пока нефтяной движок пытел, вращая насос, Иван Филиппович помогал женщинам-поливальщицам направлять воду в одну или другую дамбу, но каждый раз ловил себя на мысли: как бы избавиться от необходимости постоянного слежения за работой движка, за уровнем масла и горючего, за натяжением приводного ремня и, вообще, избавиться от самого движка. Ведь течёт же вода в реке без всякого двигателя, правда, только вниз. Но если ей помочь, например, тем же насосом, она и насос будет вращать.

И так обуяла Ивана Филипповича мысль о крутообороте воды, что он ночами не стал спать; ворочается, думает - и решил приступить к осуществлению своей мечты. Изрисовал кучу бумаги, израсходовал кучу карандашей. Некогда ему стало помогать поливальщицам. Сидит, рисует, сам с собой советуется, и наконец надумал. Пусть вода падает на водяное колесо от насоса, который приводится в движение этим колесом. А чтобы началось движение, пусть на насос поступит воздух, вытесняемый водой из резервуара, затопленного в реке, затем клапан перекроет трубопровод этого резервуара, а откроет трубопровод второго, также опущенного в водоём. Воздух под давлением воды с силой устремится к насосу, и тот завращается, засасывая воду и подавая на колесо.

"Всё вроде нормально, - думает Иванюк, - вот только бы сделать расчёт, а грамотности не хватает. Буду пока делать всё практически".

Заказал в мастерской МТС детали: шкивы, клапана (по образцу существующих), смастерил деревянное колесо с лопатками. Потратил много денег на покупку подшипников, на токарные работы. Вот-вот, и всё получится. Ан нет, не может связать воедино свой "проект". Обратился за помощью к инженеру МТС, тот отмахнулся, обратился к инженерам соседней бумажной фабрики, те смеются. А тут прослышал, что на каникулы к отцу из Таганрогского авиационного техникума приехал студент. Иван Филиппович - к нему, вот кто поможет, - если он самолёты знает, то как воду качать - разберётся.

- Детка, помоги старику, - и показывает бумаги с рисунками.

Студент послушал, о чём идёт речь, засмеялся и сказал:

- Дедушка, Вы же предлагаете "вечный двигатель". Уже давно наука доказала, что его построить невозможно. Ничего не получится.

Иван Филиппович обиделся, пошёл домой и накатал жалобу - ни много ни мало - самому тов. Сталину. Мол, никто не хочет помогать стоящему делу. Вскоре из приёмной Сталина в райком пришло письмо с указанием: "Разобраться по существу". Райком не замедлил и собрал совещание, на которое пригласили инженеров, учителей и "ответственных" работников. Собравшиеся удивлялись, но Москве надо отвечать, и самым серьёзным образом обсудили создавшееся положение по докладу "изобретателя".

Не мог Иван Филиппович в силу своей малограмотности понять, почему никакой механизм без подвода энергии извне не может работать. Почему вода в реке всё время течёт когда её никто не подгоняет, и откуда она берётся? Ну почему? Вскоре старика Иванюка не стало. Так и не увидел он своего изобретения.

Чего крестишься?

Дед Микола живёт в своей хатке в середине улицы. Двор отгорожен от огорода каменным тыном; сарайчик - небольшой, ветхий; за тыном - маленький садик. Деревья ухожены, уже спеют вишни. Что делают и что обсуждают дед Микола с бабой Полькой, - это знает вся улица, т. к. разговаривают они громко, даже кричат. Это от того, что дед Микола почти совсем глух. Им каждому уже за восемьдесят.

Дед - согнутый, с длинной густой бородой, ходит медленно, как бы боясь оступиться. Длинная холщовая рубаха свисает ниже колен, а штаны - наоборот - короткие, чуть запущены в сапоги, в которых он ходит и зимой и летом. Бабка - пошустрее, двигается резво, хотя спину тоже почти не разгибает. У неё всегда в руках палка, тяпка или ещё что-нибудь, на что можно опереться.

Вот однажды вышли они в огород картошку тяпать, думали - молча обойдутся. Секретов у них никаких нет, но всё обсуждать вслух, на людях - тоже не пристало. Бабка взмахивает тяпкой и на деда посматривает, а тот, чтобы не прозевать каких-либо бабкиных указаний, на неё посматривает, по губам надеется понять, если что. Вдруг - раз тяпкой! - и нет куста картошки.

- Что ж ты, старый чорт, робышь? - вскрикнула баба Поля. Дед не услышал ничего и продолжает тяпать.

- Да ты сказывся, чи шо? - снова кричит бабка, - шоб табэ глухого чорты забрали. - Бабка спохватилась и крестится, - просты, господы, шо так кажу.

Дед увидел бабкины движения и тоже стал креститься (он из-за глухоты часто повторяет её движения).

- Чого ты хрыстыся? - уже на самое ухо заорала бабка, а сама не знает - смеяться или плакать.

- А ты чого?

- Я кажу, шоб табэ чорты глухого забрали, як ты надоив.

- А я кажу, шоб воны табэ забрали.

Бабка немного поостыла и начинает улыбаться, дед тоже показал зубы из-под длинных усов. Потом начинают смеяться вместе. Кто не слышал их разговора - не поймёт, чего они так веселятся.

- Побалакалы, - кричит бабка.

- Ага, и я кажу - побалакалы.

Фунт - он и есть фунт.

Лот Никифорович - мужичёк небольшого роста, щуплый, реденькие усы торчат, как у кота. На разговоры, вообще, он небольшой охотник, - так себе. Хотя он был на фронтах немало - где только его не носило и в Империалистическую, и в Гражданскую, - а вспоминать, рассказывать, говорит, "не умею". Зато выпить он никогда не отказывается. Бывало поедет на ярмарку или на мельницу, - пиши пропало: обязательно его привезут или приведут чуть ли не на руках. А как выпьет, его смелость берёт:

- Как это я - лот? Ну, и что, что лот? - артачится, пытается со всеми силою меряться, никому не хочет уступить. Обычно мужики смеются, всерьёз его не принимают, а он пуще куражится.

Как-то, после очередной чарки, только он начал свои выступления, тут подходит к нему один из мужиков - его одноклассник, только ростом чуть ли не в два раза выше, - и говорит:

- Ты вот водку пьёшь, а она, проклятая, спрашивает: "сколько в тебе весу?" А ты же - Лот, вас лотов 32 идёт на фунт. (Фунт - старая мера веса - равен 400 граммам или 32 лотам. - прим. автора.) Вот сколько ты весишь. Так ты пей, да оглядывайся, а то тебя один твой тёзка с ног сшибёт.

Мужики смеются, Лот Никифорович обижается:

- Ну, и что с того, что лот? Я всё равно не поддамся.

- Идём домой, идём, а то бабка тебя сразу утихомирит.

А Лот продолжает:

- Ну, ну! Подумаешь - 32, фунты тоже бывают разные. Вот если фунт железом, так он - маленький, а если отрубями - он уже побольше, ну, половой - так ого-го!

Мужик тянет его за руку, смеётся:

- Фунт - он и есть фунт, и лотов в нём всегда 32. Вот оно как, Лот Никифорович.

Цыгане.

То, что цыгане остроумны, находчивы, знает каждый. Тем не менее их изобретательности людям постоянно приходится удивляться. Как с ними не говори - последнее слово будет за ними. Вот только два эпизода из походов одной цыганки в течение одного дня.

Как-то заходит она в один двор и видит кучу зерна, - глаза разгорелись. Уже кончалась уборка урожая и в колхозе на трудодни выдали аванс. Хозяин уехал на работу, хозяйка с тремя детьми хлопчет возле пшеницы, подметает, готовится её убирать в закрома.

Цыганка, расправив юбку, побросав сумки на землю, кинулась к самому старшему из детей, схватила за плечи и запричитала:

- Ой, ты мой хороший, ой какая беда на тебя напала.

Плюёт в свои руки, трёт ими лицо ошалевшего мальчика, кричит на хозяйку: - Не видишь, молодуха, что с сыном твоим, он чахнет, ему не много осталось жить. чего стоишь? Я ж его полечу, если ты не согласишься, давай - не дорого возьму.

Хозяйка оробела, испугалась за сына, готова на всё согласиться. А цыганка - своё.

- Не скупись, золотая, бричку пшеницы - и хлопчик начнёт поправляться. Фу, ха - давай, дитко, руки.

Хозяйка ещё больше испугалась, на что не решилась ради сына. И пшеницы жалко. Целое лето ждали урожая, целыми днями только и говорили, что скоро аванс дадут, а тут - возьми и отдай. А Ваня? Он и вправду - бледный, болящий. Может, вылечит. Откуда она узнала, что его надо лечить?

На счастье хозяйки в воротах показывается хозяин с кнутом в руках (за двором он оставил лошадь). Сверкнул глазами на цыганку, на жену и понял - неладное.

- Цыганка вылечит нашего Ваню, возьмёт... бричку... пшеницы, - протянула хозяйка.

Цыганка, поглядывая на подрагивающий в руках хозяина кнут, невозмутимо произнесла:

- Ты что, дурочка, бог с тобой. Я кажу не бричку пшеницы, а в бричку, - и поторопилась к выходу.

- Геть со двора, - взмахнул кнутом хозяин, - геть!

- Тю, тю, сумасшедший, тебе лечиться надо, тебе. - Только юбка зашелестела, да сумки замелькали...

Оправилась цыганка и - в другой двор. А там бабка Настя с курами возится. Бабка - не трусиха, и ум у неё ясный. Да где там с цыганкой справиться. Она и правду рассказала, и полечить пообещала, и добра в дом нагадала. Только за всё это баба Настя платила-платила, всё отдала, что та требовала: и сало, и яйца, и подушку, и картошку. Набрала цыганка во дворе всего столько, сколько могла унести, а хозяйка стоит и слова вымолвить не может, затмило глаза, разум замутился.

Тут вернулся и хозяин - дед Иван. Старый, но крепкий и стройный мужик, славившийся в Ряженом строгостью и умением крепко вести хозяйство.

- Ой, уходи, - очнулась баба Настя, - а то будет и тебе и мне, дед - строгий.

- А ты не бойсь, - парировала цыганка, - этого деда завтра заберут, вон чёрный ворон наготове, - и не спеша пошла со двора.

Дед как стоял у ворот, так и присел, слова не проронил. Шёл 1937-й год, забирали многих; его, богатенького, ещё не тронули, но он жил всё время в страхе. "Вот, подлая, всё знает", - думал дед и продолжал сидеть на земле... Когда они с бабкой пришли в себя, цыганки и след простыл.

- Проклятущая стерва, - вымолвил первым дед, - надо же так опозориться... Ты никому не рассказывай, ни сыну, ни невестке, засмеют.

Ревела буря...

Весна в этом году выдалась на Миусе затяжной. Частые холодные дожди до предела расквасили ещё не отошедшую от зимы землю. Колхозники днюют и ночуют в полевых вагончиках, ловят каждый погожий час. Районное начальство лютует, многочисленные уполномоченные - подгонялы - не вылазят из бригад. А сев ранних пропашных, несмотря на конец апреля, никак не двигается.

Зато подготовка к празднованию 1 Мая идёт полным ходом. Одни готовятся рапортовать об успехах, другие беспомощно разводят руками - "опять дождь", третьи создают агитбригады для полевых концертов. Каждому своё.

В бригаду, где бригадиром Фомич - огромный, лет 30, детина - прибегает посыльный:

- Дядя, Вас кличут в правление. - Опять будет взбучка, - голос Фомича звучит с тревогой. - Председатель с живого не слезет.

- Нет, дядя, - там какая-то комиссия, много народу приехало.

- Наверное, тебя, Фомич, опять будут приглашать в художественную самодеятельность, - улыбается один из трактористов. - Хотят, чтоб ты пел своим басом на концертах.

Тут же подхватывает другой тракторист:

- Точно, точно, моя жинка як пришла из школы, так казала, шо надо Фомича пригласить в агитбригаду, у него голос хороший, может, согласится.

Первый испуг у Фомича прошёл. Петь ему легче, чем бригадой руководить, но он стесняется. Вообще, он - человек стеснительный, райкомовский уполномоченный его замучил.

- Иди, Фомич, - настаивают трактористы, - тебе - хоть в Москву, не стесняйся.

- Так они ж заставят петь прямо в правлении, нет, стыдно.

- А ты настройся, - советуют трактористы, - подбери песню и сходу, сразу затяни какую-нибудь. Да погромче, чтоб голос прогремел.

Фомич крутится в нерешительности, тут с севом не ладится, тут председатель грозитя шкуру содрать, а тут - песни. Но любопытство берёт своё. Он решается.

А в это время в правлении первый секретарь райкома распекает колхозных руководителей, грозит отдать под суд за срыв посевной кампании.

- Вам это даром не пройдёт, - кричит секретарь, - первое мая на носу, а кукуруза и подсолнух ещё не в земле. Что вы думаете?

И вдруг распаивается дверь, на пороге показывается огромная фигура Фомича и раздаётся громоподобно: "Реве-е-ла бу-у-ря, дождь..." Фомич запнулся, стёкла в окнах перестали дребезжать, перепуганные начальники рты разинули. Секретарь очнулся, да как заорёт на председателя:

- Что ты сумасшедших держишь?! Вот так вы сеете? Я вам покажу!

- Это - бригадир наш, - промямлил председатель, - вообще, он - хороший, работающий. Погода не даёт сеять...

- Поёте? Посмотрю, как вы запоёте летом, - обращаясь к Фомичу, не унимается секретарь. Сеять будете в мае, по жаре?

Вернулся Фомич в бригаду свирепый, не узнать его.

- Я вас всех поубиваю, - кричит он на трактористов, - придумали, самодеятельность. Вот вам и самодеятельность.

Вскоре погода наладилась, сев закончили, дружно показались всходы, ничего страшного не произошло. Случай с Фомичом стал постепенно забываться, только шутники иногда подтрунивали:

- А какую ж ты песню пел?

Фомич расплывается в улыбке и поёт: "Реве-е-ла бу-у-ря, дождь шумел..." Трактористы смеются, смеётся и Фомич.

III. Из настоящего

Баба Стеша.

Стеша - уроженка Ряженого - после замужества всю жизнь прожила в Матвеевом Кургане. Жизнь у неё была долгой, трудной. Чего только не было на её веку. В молодости она была красавицей, но родители отдали её замуж за некрасивого богача. Она была самой младшей невесткой среди пятерых таких как она. У старших невесток было уже много детей, места в доме всем не хватало, поэтому Стеша часто спала у самого порога. Ложиться приходилось ей последней, а подниматься первой. В добавок, в течение ночи детей выводят в коридор на горшок, переступая через её ноги. Иногда дети выходили сами и, не добравшись до горшка, мочились прямо на неё.

Стеша, озорная и весёлая с детства, и в этой обстановке не теряла духа, часто смеялась, шутила и, вообще, слыла большой юмористкой. С возрастом от тяжёлых забот она высохла, щёки запали, нос заострился, и стали её все называть тётёй Стешей. Большая семья распалась на несколько ячеек, муж умер, дети выросли.

Бабе Стеше уже за восемьдесят, глаза её по-прежнему горят, улыбка не сходит с лица, она нянчит внуков и правнуков, рассказывает им сказки, а взрослым - смешные истории из своей жизни.

- Надумала я как-то, - говорит она, - провести родственников в Ряженом. Приоделась, новенький платок достала из сундука, что хранился от свадьбы, и пошла пешком, напрямик через поле, по узкой дорожке. Вы же знаете, вёрст семь или восемь надо идти, а я - уже не та, духа маловато, но ничего, храбрюсь.

Иду, - продолжает баба Стеша, - узелком размахиваю, что на гостинец собрала. И вдруг откуда ни возьмись, - дождь как улупит, ветер как рванёт с меня платок. Думаю, вот измочится он, помнётся - жалко, новенький же. Сняла его, дождь хлещет, а я стою, складываю аккуратно и - в пазуху. Вдруг молния

ослепила меня, гром над самой головой как трахнет, я аж присела. И тут мелькнула мысль: "Вот убьёт меня и буду лежать с растрепанными волосами, люди найдут меня и скажут: "Ну и подлюшная баба, страшилище какое-то". Достала я платок, расправила опять его и повязалась, - да не наперёд, по-стариковски, а назад - как молодлица. Дождь лупит, а я шагаю, как ни в чём не бывало. Так и пришла в слободу, - смеётся баба Стеша, - платочек высох, я его опять в сундук спрятала.

Другой раз с бабой Стешей вот что приключилось.

- Чёрт дёрнул меня, старуху, на горище слазить, - смеётся она, - а дома никого больше не было. Ну, я поставила лестницу и бодро поднялась наверх. А лестница-то не совсем достаёт, так я ухватилась за порожек ляды и кое-как подтянулась. Залезла всё-таки. Справилась на горище с делами: подмела остатки кукурузы, позатыкала тряпки под стреху, ну, в общем, что надо было. Кинулась обратно на лестницу, а не тут-то было. Не достаю ногами до первой перекладины, руками держусь за порожек и вишу на животе. Боязно отпустить руки - а вдруг мимо. Болтаю ногами, задела за что-то и слышу: торох, торох! Лестница упала. Совсем хорошо. Этого только не доставало. Вижу, - соседская свинья в огород влезла, шкоды наделает. Кричу: "Пошла, пошла!" Тут руки не выдержали, я сорвалась и - прямо на свинью. Та завизжала, я закричала, соседка бежит: "Что ты, старая, свинью задушишь!" А я чуть жива, подняться не могу. Ну, ничего, вычухалась.

Невестка и свекровь.

Марина - из рода юмористов. Она была старшей из детей и потому лучше других помнила своего отца, погибшего на фронте, и деда, недожившего до войны. Даже в самые трудные дни юмор, смех, подшучивание не покидали эту семью. И вот, Марину - молодую, озорную, всегда весёлую, унаследовавшую юмор от старших - судьба свела с семьёй, где с юмором были не в ладах. Она вышла замуж за человека угрюмого, подчас даже сурового. Муж на её шутки большей частью не обращал внимания. Только бывало выдавит из себя: "Ты опять с шутками?" - Марина рассмеётся, подobreет и он.

Свёкор Марины умер рано, и ей в отсутствие мужа приходилось коротать дни с детьми и свекровью - женщиной ещё не старой, доброй по натуре, но совершенно не грамотной, как-то нерасторопной, и, что самое главное, абсолютно не понимающей шуток. Свекровь всё принимала на веру, не могла отличить вымысел, фантазию, шутки от действительности.

Марине со своим озорством и подшучиванием поначалу трудно было приспособиться к свекрови, но потом она поняла, что если ей чаще говорить: "Я пошутила", - она обижаться не будет. Свекровь по-своему любила невестку и всё ей прощала. Но юмор невестки иногда для свекрови оборачивался курьёзом.

Как-то Марина, провожая свекровь на сепаратор с молоком, пошутила:

- Вы же, мама, будете наливать молоко, так считайте кружки, - кружка - загните палец, ещё кружка - ещё один палец, а я дома посчитаю.

Свекровь ушла, перегнала молоко, позагигала пальцы, свободными остались два или три, а нести ведро нечем. Идти домой не близко: люди, у которых был сепаратор, жили на другой улице. Идёт свекровь, руки устали, а разжать пальцы боится. А тут ещё - мороз, руки зябнут. Охает, ахает, невестку и молоко ругает.

- Ну, что? - встретила её Марина. - Так у Вас были загнуты не эти ж пальцы.

- Не, не, эти, я точно знаю, всю дорогу не разгибала.

Марина хихикает, а свекровь пальцы трёт - занемели совсем. Потом Марина пожалеет свекровь, скажет, что пошутила, та нахмурится и подумает, уже улыбаясь: "Вот сатана".

Но иногда свекровь и сама откалывала номера. Слышала как-то, что невестка с сыном говорили: "Надо бы страховку в сельсовете заплатить, а некогда". Она схватила какие-то бумажки и двинула в сельсовет.

- Родненькие, примите страховку, а то Марине некогда, - и подаёт бумаги.

- Да вы что, - удивилась служащая, - это ж облигации.

- Ну и что, - обиделась свекровь и подумала: "Наверное невестка опять подшутила, специально не то подсунула".

Так и жили невестка и свекровь: шутили, огорчались, но не скандалили. Марина - добрая, озорная, свекровь - тоже добрая, но малоразговорчивая. Вместе им было хорошо.

На воскреснике.

Заканчивается на селе осенняя страда. Хлеба скошены, обмолочены, госпоставка сдана на элеватор. Зерна на токах нет, в амбарах - тоже не густо. Подсчитают, что-то и на трудодни дадут. Сена в колхозе почти нет, сенокосные уголья малы, да и сено - низкорослое, одна надежда на солому. Соломы на полях много, даже ячменная есть, её коровы и быки едят за милую душу. Надо убрать солому как можно быстрее, пока дожди не перегноили.

МТС помогает колхозу как может. В мастерских изготавливают волокуши, прицепные мажары (телеги для перевозки соломы) на больших комбайновых колёсах. И всё равно колхозу трудно, не хватает рабочих рук: мужчины, кто уцелел после войны, состоят в штате МТС, они - механизаторы, женщинам одним и в поле, и в животноводстве, и на ремонте не справиться.

Тогда руководство МТС в местном колхозе организовало воскресник. Специалисты (механики, агрономы, зоотехники), контора (счётные работники, делопроизводители, уборщицы), рабочие мастерской (токаря, слесари, кузнецы и др.) - все направлены на уборку соломы. Поле ожило: трактор тащит длинный трос, устроенный в виде петли, захватывает кучи соломы, оставленные копнителем после прохода комбайна, и подтягивает их к месту будущей скирды. Всем работы хватает.

Одни накидывают волокушу на кучу соломы, другие вилами подправляют, третьи у скирды освобождают трос, четвёртые подают солому на скирду, пятые её раскладывают. Скирдование идёт полным ходом. Народу много, работа кипит. Кругом хохот, шутки, особенно там, где молодёжь.

Работают без перерыва, часов до двух-трёх. Полеводческий бригадир - рыжий, конопатый мужчина лет пятидесяти, инвалид войны - на своей двуколке объезжает поле, он руководит уборкой, объясняет, что за работу колхоз платит натурой, т. е. соломой. Кто хочет сегодня забрать заработок, вон, есть выделенная арба с быками.

Весельчаки смеются, ведь корова есть не у всех:

- Мы соломой не питаемся.

- Так продайте, многим нужна, - советует бригадир.

И тут агроном Андрей - известный балагур и озорник - подхватывается:

- Кому нужна солома, продаю за бутылку, - выпивкой он вообще не увлекается, но ради хохмы кричит. - Воз соломы за бутылку.

Подходит к нему пожилой колхозник и несколько виновато говорит:

- Я бы купил, да у меня сейчас денег нет.

- У меня есть, - смеётся Андрей, - на! - и протягивает деньги.

Бригадир - любитель выпить, особенно на дурницу, - тут как тут:

- Я - мигом, лошадь - резвая, будет бутылка.

Привезли, распили, Андрей пригубил, - в основном, всё досталось бригадиру.

- Забирайте, дядя Миша, солому, - смеётся Андрей, - хоть какая-то польза.

- Я отдам, - говорит дядя Миша, - как будут, сразу отдам.

- Да ладно Вам, вместе ж пили, - пуще хохочет Андрей.

Работа подходит к концу, воскресник кончается, народ собирает ручной инвентарь, идут гурьбой в село. В следующий выходной будет то же - солому надо всю убрать. Это - главный корм для скота. Зима подберёт всё.

"За соцсоревнование...!"

Кампания по внедрению социалистического соревнования на селе идёт полным ходом. Райкомовские уполномоченные подрабатывают тексты соцдоговоров между колхозами, договариваются, кто с кем будет соревноваться, кто кого вызовет первым. В правлениях проводятся собрания по обсуждению и принятию договоров, выбираются представители, которые поедут с ними в намеченный колхоз. Соцсоревнование - важный рычаг в деле поднятия производительности труда, а подписание договора - торжественный акт, к которому готовится весь колхоз.

И вот уже новенькая полуторка, недавно приобретённая колхозом за сданный хлеб, мчится по просёлочной дороге из "Родины" в соседний "Путь Ильича". В кузове, оборудованном скамейками, сидят "представители". Они смеются, подзадоривают друг друга, стараясь перекричать гул машины, рады, что выдался денёк, когда можно и отдохнуть от работы.

Председатель важно восседает в кабине, он - официальное лицо. А в кузове главной и наиболее примечательной личностью является бухгалтер, известный в колхозе жадоба, совершенно лысый, в узких НЭПовских брюках, лет пятидесяти мужичок - Яков Моисеевич. Он - молчалив, пока к нему не обратятся, не проронит ни слова, только вслушивается и втихомолку мотает на ус. Что где произошло, узнаёт первым, но ни с кем ни о чём не делится.

У него - большая слабость: честный и правдивый сам, он по наивности верит другим беспредельно и на этом часто попадает впросак. Шутники этим пользуются, разыгрывают его, он не обижается.

По пути полуторка останавливается в "Зерносовхозе". Председатель забежал проведать сестру. Шофёр, высунув голову в окно кабины, оглашает:

- Перекур! Можно размяться.

Мужики выпрыгивают из кузова, поддерживают слезающих женщин, хохочут, сыпят остротами. Слезит потихоньку и Яков Моисеевич и направляется в магазин, у которого остановилась машина. Никто из остальных не следует за ним, у них в карманах ни гроша. Через минуту его лысая голова показывается из дверей магазина, Яков Моисеевич тащит огромный чемодан.

- Покажи, Моисеич, попку, - берёт чемодан один из его попутчиков.

Посмотрев, передаёт другому, тот - третьему, и вдруг - голос:

- Моисеич, он же - бракованный, - показывает очередной осматривающий и задирает в углу чемодана оклейку.

Яков Моисеевич вырывает чемодан и - в магазин. Там вежливые продавщицы заменили чемодан не менее вежливому незнакомому покупателю. Только он приблизился к толпе, как снова голос:

- Ну, этот ещё хуже, куда же ты, Моисеич, смотрел?

Моисеич молча снова идёт в магазин, извиняется и просит заменить.

Продавщицы уже не улыбаются, но чемодан во второй раз всё-таки меняют.

- Вот теперь, да, - говорит один шутник, а второй многозначительно смеётся и деловито ковыряется в оклейке чемодана.

- Да они что, все бракованные?

Моисеич не выдерживает, в третий раз направляется к магазину и через мгновение возвращается.

- Не заменили, - удручённо произносит он.

- А что сказали?

- Да они дверь закрыли перед самым носом, одна другой только и сказала: "Закрывай дверь, а то лысый опять несёт чемодан".

Раздался дружный хохот. В это время вернулся председатель, все уселись, и полуторка помчалась дальше. В кузове ещё долго смеялись, а затем запели: "За соцсоревнование, за пятилетний план, мы выполним задание рабочих и крестьян..." Не смеялся и не пел только Моисеич.

Степан и Валентина.

Степан и Валентина живут тихо, мирно. У них двое детей, ещё небольшие. Хозяйство тоже небольшое: несколько курочек да поросят. Степан ходит в колхоз на работу, Валентина - дома. Она едва справляется с кухонными делами: утром любит поваляться подольше, затем в садик отведёт детей, позавтракает что-нибудь, в жару хочется полежать в тени, а к вечеру - надо мужа ждать, опять забота. А, не дай бог, подруга придёт, так она с завязанным на голове полотенцем полдня простоит у калитки, про детей забудет.

Степан - работник добрый, целыми днями трясётся на тракторе, домой прибежит и старается жене помочь. Только и спросит: "Опять ничего не успела?" Воды принесёт, кур загонит, детей покормит, если есть чем, а нечем, так до поздна будет готовить. Жена охает, ахает - замучилась за день с хозяйством. И стал Степан задумываться.

Как-то раз он спрашивает:

- Валька, поросят кормила?

- Кормила, кормила, - недовольно вздыхает жена.

На следующий день Степан снова за своё:

- Ты поросят кормила?

- Да кормила. Чего ты пристал?

На третий день повторяется то же.

- Кормила, будь он неладный!

- Да-а, - только и произнёс муж, - Я ещё три дня назад его продал, а ты всё кормишь. Вот ты какая хозяйка.

Валентина разрыдалась, в истерику впала:

- А ты какой? Ты сам какой? Не спросил, ела ли я, а лишь кормила ли поросят? Вот ты какой, ещё издеваешься. Уеду к маме, попробуй без меня.

- Наверное, и вправду надо попробовать, - только и вымолвил Степан, - может, лучше будет.

И попробовал, а Валентина вскоре приехала, да только вряд ли она стала другой.

Рецепты Савельича.

Из Ряженого, как и из других Примиусских сёл, много народу ездит на работу в Таганрог. Одни ездят каждое утро, они работают только в одну смену, другие - то в день, то в ночь. Ряженцы изрядно пополняют армию заводских рабочих, где их только нет: и на Котельном, и на Металлургии, и на Комбайновом, и на "Гидропрессе" - повсюду, даже на Авиационном заводе. Большинство из них работают рабочими, потому что те, кто учились и стали инженерно-техническими работниками, почти все обзавелись в городе семьями, получили квартиры, - стали жителями городскими.

Савельич - слесарь с большим стажем, работает на Авиационном заводе, ездит в Таганрог каждый день. В электричке играет в домино, на обратном пути - частенько под хмелем. Вся его жизнь - туда-сюда, туда-сюда. В цехе он - в почёте.

Ремонтирует приспособления в ПРИНОВСКОЙ мастерской. То и дело к нему обращаются рабочие:

- Савельич, в рубанке железку надо сменить.
- Савельич, втулка в кондукторе разболталась.
- На сборочном стапеле болт отвалился.

Савельич мигом откликается - всем нужен, гордится своей профессией и положением. Он немногословен, его беззубый рот шепелявит редко, но обычно - с какими-нибудь поучениями. Обо всём он судит по-своему, за многие годы у него сформировалась своя, особенная философия. На собраниях он всегда сидит где-нибудь в уголке и оттуда подаёт по ходу реплики.

Вот и на сей раз. Цеховой врач в обеденный перерыв проводит беседу о желудочных заболеваниях. Между прочим говорит и о вреде алкоголя. Савельич ожил, вслушивается.

- Вот вы говорите о повышенной кислотности, - не выдержал он. - У меня как только она повысится, я - 150 водочки, - и всё в норме.

Врач - женщина молодая, ещё мало знакомая с цехом, как-то растерялась. Потом собралась с мыслями и заговорила:

- Ну, знаете, раз - водочки, два - водочки, а потом так понизится кислотность, что и до рака недалеко.

Савельич снова тянет руку.

- Ну, что ещё? - вмешивается организатор беседы председатель цехкома. - Савельич, что там?

- А я - как почувствовал, - восторженно Савельич, что промазал, переборщил, кислотность сильно понизилась, так - 200 вермута, и всё становится на место.

Поднялся шум, смех, врач опешила.

- Савельич, не балагурь, - кричит предцехкома.

- А я - что? Я регулирую, не злоупотребляю, - обиженно прячется Савельич за стапель.

Хохот продолжается, но беседа заканчивается, обеденный перерыв - тоже, пора по рабочим местам.

Ты кто?

Электричка из Иловайска пребывает в Матвеев Курган. Пассажиры заправили перрон, торопятся на посадку. Добрая половина их едет до Ряженого. Скупились, расторгались на пристанционном рынке, а некоторые пивка попили, или ещё покрепче, - все спешат домой. Спешит и Лаврин, спотыкается, чуть не у каждого спрашивает об электричке:

- Куда вона идё? - он изрядно наклюкался. - Мини до Ряженой, довезё?

- Довезёт, довезёт, - отвечают пассажиры и поднимаются в вагоны. Лаврин цепляется за поручень, но падает назад, его поднимают, помогают влезть в тамбур.

Вагон - полупустой, мест много, все рассаживаются. В углу одного купе сидит икающий и что-то бормочащий мужик. Лаврин бухается со всех четырёх возле него, глядит безумными глазами на соседа, долго что-то соображает и в который раз спрашивает:

- Нас довезут до Ряженой?

- А ты - в Ряжену? - очнулся мужик, - а чого?

- Я-я живу там, - продолжает Лаврин и роняет голову на соседа.

- Тю, пьяный. Ты - кто?

- Сам ты пьяный. А ты куда идёшь?

- Тоже в Ряжену. А-а... чий ты?

- Свий.
- А-а, маты у тэбэ хто?
- Горпина. А у тэбэ?
- И у мэнэ Горпина.

Мужики смотрят друг на друга удивлённо.

- Нэ можэ быть. Шо, в нас одна маты?
- Постой, цэ ж ты, Лаврин? Видкиля ты?
- С Кургана, а ты, Петро, видкиля?
- Тоже с Кургана, на базари був.
- И я на базари був. Давай обнимымся.

Пассажиры поглядывают на пьяных, удивляются.

- Не обращайтесь внимания, - говорит один пассажир, - это братья. Приезжают в Курган выпить, а потом не узнают друг друга.

Электричка затормозила, вагоны дёрнулись, братья в обнимку повалились, но кое-как из вагона вылезли. Они долго будут плутать по Ряженому, выяснять, где их дом и кого как зовут.

IV. Из рассказов Павла Александровича

Павел Александрович - высокий, худой, борода жиденькая, усов почти нет, ноги - как жерди. Он - заядлый охотник, не расстающийся с ружьём ни днём, ни ночью, пожизненный сторож на бахче. Арбузов оттуда сам никогда не ел и другим не позволял. Дочку с обедом встречал на краю бахчи, чтобы ненароком не сорвала арбуз.

Бывало, лопнет арбуз, гниёт, а он его тычет приехавшему председателю под нос: "Ну что с ним делать, пропадает добро?" Без разрешения никогда ничего не сделает. Зато фантазировать, рассказывать были, а больше - небылицы, - не корми мёдом. Такого нарасказывает, что со смеху пропасть можно. И самое главное, сам в это верит, - так ему хочется, чтоб это было на самом деле. Чисто деревенский "барон Мюнхгаузен".

Часто ему в глаза говорили: "Ну и врёшь же ты, Павел Александрович". Он не сердился, а только ворчал: "Не верите, не надо". Ну, а если его не перебивали из уважения к возрасту, как часто это было на огороде с молодыми женщинами и девушками - поливальщицами, так рассказам не было конца.

Вот он рассказывает про старого солдата.

"Мой родственник, - говорит Павел Александрович, - служил на старой службе двадцать пять лет. Мы думали, что его уже и в живых нет, а он возвращается домой. Телеграмму прислал. Мы с батькой поехали на станцию его встречать. (Двадцатипятилетняя служба отменена в 1860-х годах, а сам Павел Александрович был примерно 1900 г. рождения - прим. автора) Санки у нас красивые, кони добрые, аж пляшут. Сидим возле станции, поезда ждём. И вот выходит с чемоданом мужчина: борода - во! "Это ж я, - говорит он, - ваш Мишка". А мы смотрим и не узнаём.

Сели мы на дрожки, колёса стучат, а он поглаживает бороду, а она - чёрная, как галка. Приехали домой, а его дети малые сразу узнали, кричат: "Наш папка приехал".

Достаёт он из чемодана подарки, целую гору наложил: и обувь, и пальтишки, и игрушки. Мне, как брату - ружьё-двустволку, жене - зеркало. Поверите, - говорит Павел Александрович, - вот такое, как этот шалаш, что мы сидим. Нету теперь этого зеркала, дети случайно разбили".

Другой раз Павел Александрович рассказывает про своё детство:

"Я ж в детстве здорово баловался, не то, что сейчас. Бывало, поплывём с пацанами через Миус на ту сторону, нарвём яблок полные мешки, поднять не можем. Так мы их волоком и тянем по льду на свою сторону. Хозяин выскочит, ногами топает, а плавать не может. Злитесь его собака, на лёд выскакивает, а лапы её разъезжаются - бежать не может. Так мы и промышляли".

А то Павел Александрович о самолётах заговорит: "Ездил я как-то в город, - рассказывает он мужикам, - к брату Ивану. Он же у нас лётчик. Так Иван рассказывал, что теперь есть такие самолёты, такие, что и подумать трудно. (А было это накануне ВОВ - прим. автора) Поднимаются они на такую высоту, где уже воздух пропеллер не пробивает. Такой густой воздух. Др-тр пропеллер и остановится. А скорость, - только сказать: за три часа из Москвы на Дальний Восток, не меньше тысячи километров за час делает".

И дальше: "Говорят, волки у нас редкость, - начинает Павел Александрович очередной рассказ. - Не скажите. Помню, в детстве, бывало, поедem с батькой в Степанову балку, накосим камыша, в снопы повяжем. Так волки было целой стайей уцепятся за снопы и тянутся за арбой, не дают камыш увозить, так как им негде будет прятаться. Так было и притянем домой штук пять волков, затем из их шкур мать полушубки сошьёт. Тёплые были полушубки, не то, что овечьи".

Подойдёт сенокос. Мужики косят, бабы сгребают да в копны складывают. Павел Александрович и тут с рассказом.

"Однажды, - говорит он, - мы с батькой тоже косили сено. Жинка, моя Савета, в копны складывала. И вот, смотрю я, а за мной одна копна двигается. Я - от неё, она - за мной. И так крутится возле меня. Ну, думаю, дело не чисто. Схватил вилы да ей в морду, так она сразу куда-то делась. А на её месте стоит старичок, такой маленький, сморщенный и просится: "Не бей, Павлуша, я тебе пригожусь". Я перекрестился, и старичка как не бывало".

Загудел гудок на бумажной фабрике. Павел Александрович начинает: "О, гудок! У меня ходики идут минута в минуту. Как на фабрике загудит, смотрю, - и у меня столько же". "А во сколько гудит гудок?" - спрашивают мужики. "А вот за это, братцы, и не скажу, не знаю".

Над Павлом Александровичем парубки часто подшучивали. Как-то раз, зная, что он страшный охотник и фантазёр, принесли к нему во двор найденного где-то мёрзлого зайца. Установили его против окон Павла Александровича, подпёрли палочками и ушли под покровом ночи. Утром на наряде в колхозной бригаде слушают его рассказ.

"Проснулся утром, глядь в окно, а во дворе заяц - прыг, прыг по снегу. Я шепчу: "Савета, ружьё подай". И не пожалел стекло, трахнул через окно, заяц и упал. Говорю: "Савета, неси зайца, жарить будем". Она принесла, а он уже околел. Ну и морозище сегодня!"

Мужики смеются, а хлопцы ещё пуще.

Заговорят женщины на колхозном огороде о капусте, а Павел Александрович вмешивается: "Вы, вот, сеете семена, рассаду рассаживаете, а где семена берёте? Моя мать раньше делала не так. Как вырастет хорошая головка, она её вырвет с корнем и повесит на чердак. А осенью, перед морозами, достанет эту головку, возьмёт за корень и вытряхивает семена. Они сыплются из листьев на стол. А потом из этой головки ещё борщ сварит. Борщ, говорю вам, не то, что из вашей, закачаешься".

Пойдёт дождь, а Павел Александрович снова: "Это разве дождь? Вот мой батько рассказывал, что раньше были такие дожди, такие ливни, что возле хутора Добрицы пароходы ходили. Можно было из города домой на пароходе приплыть напрямую, через Воровской шлях. Вот это были дожди. Теперь не то, всё не то".

Миусские Богомазы

В старину богомазами называли людей, расписывающих храмы, пишущих иконы. Из истории Древней Руси известны многие знаменитые художники-иконописцы: Феофан Грек. Андрей Рублев, Дионисий, Прокопий, Гириу и др. Позже богомазами стали называть людей, работающих в иконописных мастерских и выполняющих только одну какую-либо операцию: заготовка доски, грунтовка, нанесение изображения, отделка и т.д.

Максим Горький в своей повести «В людях» описывает работу таких богомазов XIX века. «В мастерской жарко и душно, работают около двадцати человек богомазов из Палеха, Холуя, Метеры... Иконопись никого не увлекает: какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, не способных возбудить любовь к делу, интерес к нему.»

В словаре русских фамилий в сети «Интернет» указывается, что «богомазами [на Руси] народ насмешливо называл «неискусных иконописцев», что они святых пишут наоборот - «Егорья пешком, а Пятницу на коне». Разумеется, на коне было принято изображать воина Егория (Георгия Победоносца), а не странницу Параскеву».

На Украине многие мастеровые получали прозвища Богомаз, у некоторых из них прозвища стали передаваться по наследству и закрепились в виде фамилий. В «Истории запорожских казаков» Д.И. Эварницкого упоминается казачий полковник Андрей Богомаз, сподвижник гетмана Брюховецкого, воевавшего в середине XVII века против поляков в содружестве с московскими ратными людьми (москалями).

В Новороссийском календаре на 1844 год, изданном Одесским Ришельевским лицеем, говорится, что бургомистром Ратуши в Новомосковске был Андрей Герасимович Богомаз. Новомосковск - уездный город Екатеринославской губернии, на правом берегу речки Самарочки, впадающей в Самару.

На Миусе фамилия Богомаз появилась около 1800 года. А дело было так. Большая группа крестьян Полтавского уезда в конце XVIII века в поисках лучшей жизни двинулась на свободные земли. Как известно, в то время земля Войска Донского граничила с бывшей Запорожской Сечью по реке Кальмиус, поэтому малороссияне (украинцы) спешили уехать за Кальмиус, а там как сложится.

Часть семей остановилась сразу за границей по Кальмиусу, другая часть двинулась на Миус и поселилась по правому берегу реки у слободы Ряженое, уже закрепощенной отставным военным Г.И. Коваленским (Коваленский тоже уроженец Полтавского уезда). Некоторые беженцы из Полтавской губернии в 1800 году оказались на речке Тузлов.

Среди беженцев-переселенцев на Миусе оказался и двенадцатилетний мальчик Миша, мой будущий прапрадед, назвавшийся Богомазом.

Приведенное здесь родовое предание не сохранило подробности его первоначального пребывания на Ряженской земле, но можно предполагать, что он отбился от своей семьи, которая осталась на Кальмиусе, т.к. там и сейчас проживают люди с фамилией Богомаз. Как-то дядя Митя (Дмитрий Авксентьевич Богомаз) рассказывал, что однажды, в 20-е годы XX века, он был на мельнице, и его окликнули по фамилии. Подошел незнакомый мужчина и сказал, что он тоже Богомаз. Разговорились. Новый знакомый поведал, что они с братом живут на Кальмиусе, до революции арендовали землю у Войска Донского, задолжали Поземельному банку, а когда кинулись платить поземельную ренту, оказалось, что она уже кем-то уплачена. Какие-то Богомазы с Миуса ее уплатили.

Дядя Митя вспомнил, что им с братом Иваном (моим дядей Ваней) пришлось дважды платить ренту, т.к. Поземельный банк грозил через суд взыскать откуда-то взявшуюся недоимку. При разговоре выяснилось, что на Кальмиусе живут братья Богомазы Д.А. и И.А., а на Миусе - тоже братья - Богомаз Д.А. (Дмитрий Авксентьевич) и Богомаз И.А. (Иван Авксентьевич). Так, только через многие годы выяснилась ошибка: Миусские Богомазы уплатили долг за Богомазов Кальмиусских. И те, и другие относились к Области Войска Донского.

Среди ряженских старожилов бытовала версия, что якобы Михаил был на самом деле не Богомаз, а Безуглый. Но это похоже больше на легенду, чем на быль. Двенадцатилетний мальчик, оказавшийся один на чужбине и не имевший собственного угла, вероятно, получил прозвище «безуглый», беспризорный. Прозвище со временем отпало, а фамилия Богомаз осталась. Кальмиусские Богомазы тому неплохое подтверждение.

Возможно, Михаил отстал от тех Богомазов, которые двинулись дальше, на Дон. Так, в верховьях речки Цимлы, притока Дона, у самой границы нынешних Ростовской и Волгоградской областей, в Чернышковском районе (Волгоградской области) недалеко от Красноярского административного центра есть и сейчас поселок Богомазовка.

В романе «Беглые в Новороссии» Г.П. Данилевского показаны все мытарства беглых на Юг из Украины, т.е. тогдашней Малороссии, в Новороссию (Приазовье). Одни останавливались у Таганрога, другие бежали на Дон и даже на Волгу. Описаны времена интенсивного заселения «Дикого поля» — междуречья Кальмиуса и Дона (низовья Миуса были в центре этого региона).

Группа беженцев-переселенцев, к которым примкнул Михаил Богомаз, стала строить хаты по правому берегу Миуса, параллельно нынешнему району села Ряженое, называемому в обиходе «Куток» (т.е. на противоположной «Кутку» стороне реки). Позже, из-за частых подтоплений этого места вследствие паводков, беженцы вынуждены были перебраться повыше, образовав т.н. «Новоселовку №1» (добавка номера появилась позже - с появлением «Новоселовки №2») - между «Михайловкой» (еще одним неофициальным районом села Ряженое) и усадьбой помещика Броневского («панским садом»).

Так или иначе, Михаил вырос, женился, и у него появились дети - шесть сыновей и одна дочь. От него и пошли все Ряженские, Матвеево-Курганские и большинство Таганрогских Богомазов. Теперь их можно встретить также в Донбассе, шахтерских городках, в других селах, но главный их корень — в селе Ряженое.

ИСТОЧНИКИ

- 1) Алфавитный список населённых мест ОВД. - Новочеркасск.: Обл. ВД стат. ком., 1915.
- 2) Гильденштедт И. А. Дневник путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук в 1773 - 74 гг. - ЗООИД, 1879, т. 11.
- 3) Денисов А. К. Записки Донского атамана. - "Русская старина", 1874 -75 гг.
- 4) История Донского края. - Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1971.
- 5) История пролетарской борьбы в Таганроге, 1925, №№ 3, 4
- 6) История СССР с древнейших времён до наших дней. - М.: Наука, 1968.
- 7) Каторга и ссылка, кн. 31. - М.: 1927.
- 8) Лунин М. С. Письма из Сибири. - М.: Наука, 1986.
- 9) Малая советская энциклопедия.
- 10) Меч С. Россия: географический сборник. - М.: 1912.

- 11) Никонов В.А. География фамилий. – М.: Наука, 1988.
- 12) Область Войска Донского по переписи 1873 г. - Новочеркасск.: 1879.
- 13) Окунь С. Б. История СССР: Лекции Ленинградского университета. - Л.: 1978.
- 14) Опись домовладений города Таганрога за 1913 и 1915 гг.
- 15) Памятная книжка Области Войска Донского на 1888 год.
- 16) Памятники истории, архитектуры и градостроительства города Таганрога: материалы "Спецпроектреставрация".
- 17) Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934.
- 18) Проништейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Изд-во Ростовского гос. университета - 1962 г.
- 19) Скрылов А. И., Губарев Г. В. Казачий словарь-справочник, в 2 т. - Сан Ансельмо, Калифорния, США: 1969.
- 20) Список населённых мест ОВД по переписи 1879 г. - Новочеркасск.: 1905.
- 21) "Таганрогский округ": Альманах, 1912.
- 22) Толковый словарь живого великорусского языка. В. Даль. – М., 1882.
- 23) Филевский П. П. История города Таганрога. - М.: 1898.
- 24) Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. - М.: Первая женская типография, 1900.
- 25) Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. т. 3 – С.-Петербург: Типография П.И. Бабкина, М. Морская, 20. – 1897.